Кофейная книга

СОСТАВИТЕЛЬ

Макс Фрай

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Никто никогда не издавал сборника рассказов про кофе, тем более — с авторскими рецептами приготовления этого напитка. Поэтому нам пришлось это сделать, а вам теперь придется читать, а после — варить кофе по нашим рецептам и с удовольствием его пробовать.

- Кофейная книга
  - Марина Богданова,
    - Кофейная кантата
      - Утро
      - Лавка
      - Ноты
      - Собака
      - Трубка
      - Паульхен
      - Бестиарий
      - Бармен, и не только бармен
      - Николь
      - Кода
      - И на бис
  - Ася Вайсман
    - Кофе по-восточному
  - Кэти Тренд
    - Кофе с пряностями
  - Лея Любомирская
    - После обеда
    - Это не кофе
    - Moendo café
    - Кофейная Тетушка
  - Александр Шуйский
    - Из цикла «Пять предметов, пять времен суток»
      - Джезва
      - Волшебная машинка для набивки сигарет
      - Доска для записей
    - Кошкины слезки
  - Макс Фрай
    - Что тебе снится
    - Черные и красные, желтые и синие
    - Слон из мухи
  - Екатерина Перченкова
    - Ave, Felicia!

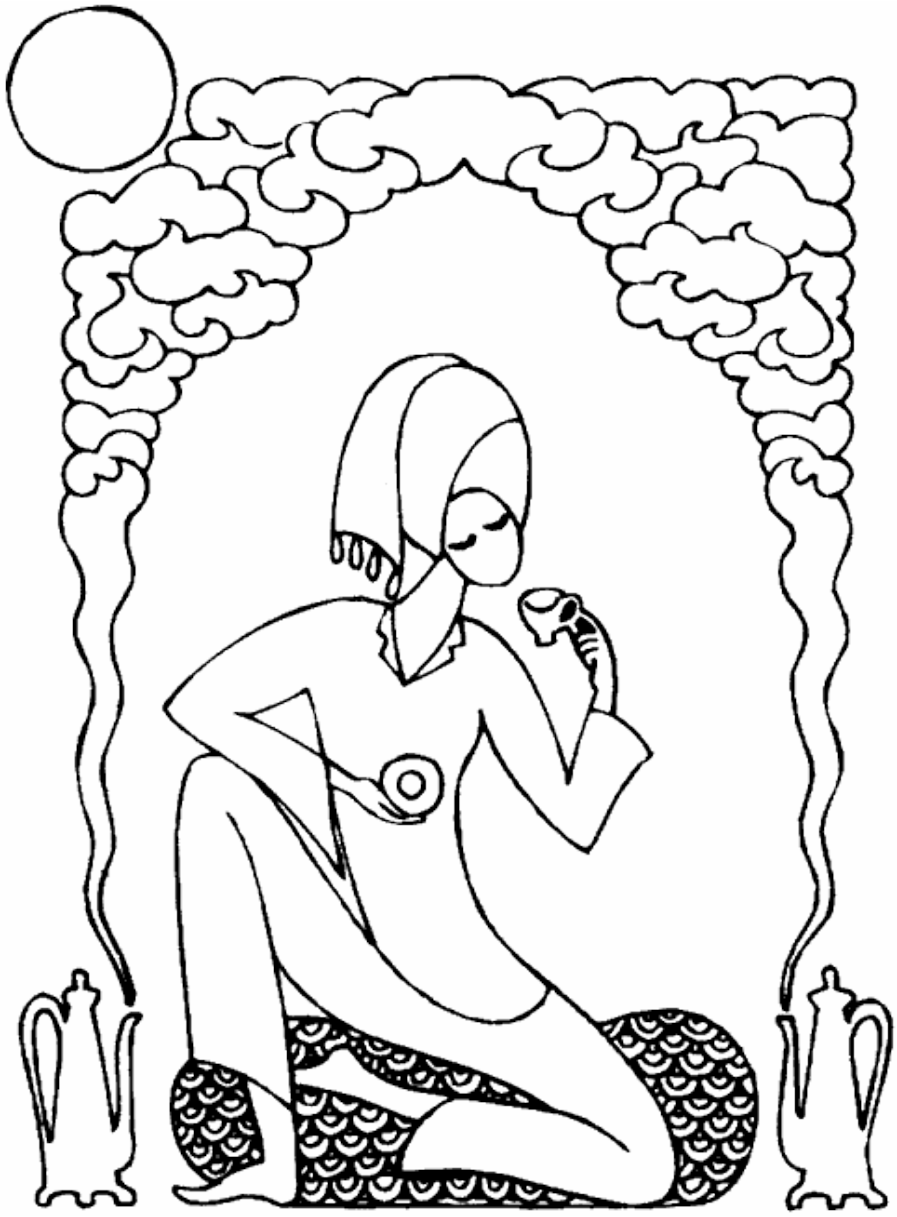
        - Дождь
    - Елена Касьян
        - Франка Варэзи и Карла Таволино
        - Дора
        - А давай так…
    - Юлия Боровинская
        - Как получится
    - Константин Наумов
        - Настоящий кофе
    - Мария Станкевич
        - Марго и Рита
    - Елена Ежова
        - Старый дом
    - Аше Гарридо
        - Девушка по имени Сердце
    - Марина Воробьева
        - Быть трубачом — так трубачом
    - Алексей Толкачев
        - Больше семи, меньше восьми
    - Елена Боровицкая,
        - Деревенские страхи[4]
    - Рой Аксенов
        - Горящий проект
    - Юлия Бурмистрова
        - Виргиния Министрова и намеки
    - Ольга Зильбербург
        - Deus ex coffeemachina
    - Евгения Горац
        - Придет ли она в пятницу?
    - Юка Лещенко
        - Первый раз
        - От зерна
    - Н. Крайнер
        - Фотография
        - Обязательно, наверное, может быть
        - Сказка про кофейную тетушку
    - Андрей Сен-Сеньков
        - 23 глотка
- art
    - Обложка
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Кофейная книга
Составитель Макс Фрай
Иллюстрации Людмилы Милько

Марусе Вуль, которая уговорила меня составить сборник рассказов про кофе.

И правильно сделала.



Марина Богданова,
Оксана Санжарова

Кофейная кантата

Утро

Хорошо, когда утро в девять. Нет, в десять еще прекрасней, а в одиннадцать — уже разврат. К разврату кофе должно подавать в постель, на таком деревянном подносике, и чтобы кофейник и сливочник серебряные, а чашечка прозрачного фарфора, а в сухарнице под салфеточкой нечто благоуханное, похрустывающее и пышное, присыпанное корицей и ванильным сахаром. «Не желаете ли кофию, душечка?» — «С удовольствием, любезный друг мой!» И никакого тебе «кофе — черная смерть, сливки — белая, сахар — сладкая и ис-ка-жа-ю-щая вкус!» Это надо подсказать Николь: «Смерть, искажающая вкус», — чем не название для детектива? Так что лучше в девять и не в постель. Зато никто не предлагает мерзкий зеленый чай и тошнотворные финики. Поздравляю, душечка, мы снова без любовничка.

Лиза вытащила ноги из-под одеяла — и не кривые, и не хромые, и вообще изумительно прекрасные ножки в поперечно-полосатых махровых носочках — и зарядки ради пропрыгала в кухню, кокетливо помахивая подолом спальной футболки и распевая: «Мой папаша запрещал, чтоб я польку танцевала». На середине кухни, взбрыкнув ножкой в потолок, она окончательно поняла, что коль и заводить мужа, то лишь такого, который позволил бы пить кофе вволю. А лучше бы и сам варил. Впрочем, нет. Пускай лучше не вмешивается, и сами сварим. Све-же-смо-ло-то-го. Что нашей душеньке угодно? Кисельку или водицы? Пожалуй, что водицы? Из колодца или из болотца? А не угадали — из-под крана. А кофей в это время суток желаете из Аравии или из Бразилии? Кофей мы, друзья мои, предпочтем из осиного гнезда, да-да-да! И не говорите, что высокоэкологичный бывший любовник — это нерентабельно. Вы знаете, в какой моде сейчас вазы из бумаги ручной работы? Не знаете — то-то же. А у нас-то круче. Бедные осы, жевали-жевали, плевали-плевали, лепили-лепили, а всё для того, чтобы у Лизочки кофеек не задохся в дурацкой жестянке. А в чем мы наш кофеечек сварим? В медной турочке, глиняной корчажечке или в антикварном кофейничке польского серебра забытой фирмы «Кристобель»? А и нет у нас времени на кофейничек, только на турку. Воды под ободок, четыре ложечки без горки, имбирь на кончике ножа и кардамону два зерна. А на блюдечко мы положим пирожное от добрых кришнаитов — сплошной вред и нездоровье: сливочное масло, вареная сгущенка, — кушай, дорогая, и ни в чем себе не отказывай.

Что может сниться прелестной барышне, брошенной неверным другом, засыпающей в слезах и печали в одинокой постели? Кто-то большой и важный, в пудреном парике, в табачном камзоле и с бородавкой на носу. И какая-то музыка, как будто строгий папенька бранится под клавесин и скрипки. И никаких неверных друзей. Нам, знаете ли, недосуг. Недосуг, недосук и не до кобелей, как сказала бы Николь. У нас забот полон рот — как бы кофе не упустить, и на службу не опоздать, и полосатые носочки кофием не облить! На стене, в пятне развеселого утреннего солнца, кивает обиженному кофейнику на полке опрятная Шоколадница, плывущая по итальянскому кафелю в крошечных туфельках, еле видных из-под гремящего крахмального передника. Гигантскую переводную картинку принесла Николь вечером скверного дня. Утром Лизочка проснулась двадцатипятилетней, днем обнаружила себя брошенной, а к вечеру успела трижды поплакать и дважды поспать. Подруга пришла, как обычно, без звонка и с порога поприветствовала именинницу стихами: «Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце село, да и сам я этим летом жду посадки и расстрела». А после вручила два коричневых пакетика с кофе, какой-то диск, надписанный маркером, и огромный прозрачный файл с мутной картинкой внутри. Взяла за руку, отвела на кухню, сварила кофе из дареного пакетика (чуть замусорив чистенький Лизочкин стол и несколько залив сверкающую плиту), назвала Диму инфантильным убийцей огурцов, непонятно сказала: «Не плачь, квакуха, с получки купим новый тазик, и все болото будет наше», — и тут же попросила тазик. С теплой водой.

Вместо тазика картинку отмачивали в гигантской прабабкиной селедочнице на чету осетров, ни в одно Лизино блюдце такая не поместилась. Зато когда верхняя бумажка сползла, как пленочка, как кокон, Николь сказала: «Ну да, не кофейница, а шоколадница, девочка-шоколадница. Зато тебе теперь всегда будет с кем поговорить». Поговоришь с ней, как же, когда она такая аккуратненькая и так старательно несет свой подносик. Лиза выпрямляет спину, ставит кофе и стакан с водой на тарелку и мелкими шажочками семенит по кухне к столу. «Ваш кофе, сударыня!» — «Спасибо, Лизхен, и можете быть свободны». Ах! Ну вот и облила новые носочки!

Кофе выпит, пирожное подъедено. Чашка, блюдце, стакан, ложечка и турка вымыты. Стол и плита сияют. Постель заправлена, носочки отправились в стирку. Волосы причесаны, полосатые чулочки — шоколад-капучино-сливки и повторить —

туго натянуты, юбка выглажена, блузка безупречна. «До свиданья, дом, милый дом», — говорит Лизочка, стоя у зеркала. И, глядя в зеркало, грозит пальцем: разговоры с неодушевленными предметами — верный признак шизофреников и старых дев, подумай об этом, пока меня нет.

Лавка

Работа возле дома — это счастье. Один внутренний дворик, арка, второй, перебежать через дорогу — и вот, пожалуйста, — кованый козырек над зеленой дверью, вывеска, обдуманно ржавая и искусно помятая, как выражается Инна Феликсовна, «с прелестью патины». Затейливыми буквами, тусклым золотом выведено: «Старье и хлам». То же самое и на медной табличке на двери, а ниже — мелко: «Вам, конечно, сюда не надо?» Еще как надо, и именно сюда! Лизочка спускается на две ступеньки, на ходу достает из сумки ключи. Длинный ригель в первую, открыть, пока нащупывает второй ключ, над головой щелкнуло, включилась сигнализация. Теперь скорее, замок сварной решетки, потом внутренней двери, обитой кожей. Щелк… щелк… Через полторы минуты в милиции решат, что к нам лезут воры. Слева от входа откинуть панельку: звездочка, первые четыре цифры телефона (Елизавета Александровна, надеюсь, вы понимаете, что для кода надо выбирать числа, не связанные с вами лично?), единичка. Вуаля! Ах, какой вы, Лизочка, гениальный взломщик! Сигнализация над головой разочарованно выключается. Сегодня утром свидания с милицейским нарядом не будет.

Из плюшевого домика бесшумней кобры выскальзывает Королева Абиссинии. Страшная, как горгулья, скелетина с огромными ушами жмурится и демонстративно зевает Лизе в лицо, показывая страшные клыки и ребристое черное нёбо. Это тебе, Золушка, первое задание: накормить чудовище. Под пристальным нефритовым взглядом Лизочка вытряхивает в миску пакетик «обеда с кроликом». Теперь отвязать колокольчик у двери — пусть встречает посетителей, — включить кассу и поискать записку от злой мачехи, по совместительству крестной феи. Ну вот, пожалуйста, — из гроссбуха торчит длинный листок:

Милая Лиза!

1. Намекаю, что фарфор хорош, когда чист, а фаянс нехорош всегда.

2. «Общепит» у Ани не брать! (Умоляю!!! Будет плакать — не сдавайтесь!!!)

3. В сомнительных случаях сверяйте посудные

клейма по справочнику, справочник в бюро за клоуном.

Вчера Лизочка лично убирала книгу и может поклясться — никакой записки не было. Наверное, это Королева Абиссинии в ночи ловит огромными вибриссами хозяйкины мысли и покрывает четвертушку листа размашистым почерком Инны Феликсовны.

Инна Феликсовна обворожительна. Когда она смотрит на Лизочку и протяжно говорит: «Детка, а вы кушали сегодня хоть что-то, кроме кофе? Хотите сладкого?» — Лизочка замирает и трепещет. Так в далеком детстве она замирала в Мариинке, когда беззвучно ползли в разные стороны тяжелые складки занавеса, а на сцене оказывался прекрасный и сладкий замок, точь-в-точь как из книжки про Золушку. Сидя в пыльном бархатном кресле, аккуратно снимая фольгу с маленькой шоколадки, Лизочка ждет, когда же Инна Феликсовна пристроит сигарету в длинный мундштук и начнет монолог. Мундштуки и монологи — ее страсть. Инна Феликсовна не разговаривает как все люди. Она искрится и блистает, а ты знай подавай реплики и обмирай от восторга.

Вот тебе, Золушка, и вторая работа: моем фарфор, фарфор лишь тогда хорош, когда чист. И ведь не поспоришь. Поэтому, милочка, — тазик, стружка детского мыла (что вы, детка! «Фейри» сожрет всю позолоту подчистую! Только нежное детское мыло!), губочка, тряпочка и стул абрамцевского модерна. И ничего, что стулу сто лет, — очень он даже крепкий. Аккуратно снимаем с буфета всех наших Коньков-Горбунков, Медной горы Хозяек и балерин с подклеенными ножками. Подтаскивая стул к буфету, Лизочка мельком глянула на записку. Стоп-стоп-стоп. Какой такой четвертый пункт?

Вот он, четвертый пункт. Неумолим и неотменим:

> 4. Совсем забыла! Сегодня собирался зайти Валентин Петрович, покажите ему, дружочек мой, все интересное за последние две недели.

Все, пропало утро. Валентин Петрович представителен, надушен, галантен, остроумен и даже — ах! — жовиален. Лизочке он внушал глубочайшее отвращение.

Поводов к ненависти Валентин Петрович не давал ни малейших. Никто и никогда не осыпал Лизочку изысканными комплиментами так часто, как он. И все же ни от чьих комплиментов не хотелось потом отмываться с хозяйственным мылом.

Разговаривая с ним, Лизочка все время ощущает себя

провинциальной барышней на первом балу — и тошен кавалер, и отказать невозможно, так что приседай, кивай пудреной головкой, руки округляй жеманно и держи улыбку такую — намеком. Даже не уголками губ, а только напряжением в уголках — одним словом, джиокондовскую.

Звякает колокольчик, и по лесенке в подвал спускается пара прекрасных замшевых туфель, безупречно отглаженные летние брюки, пиджак на два тона темнее, белая рубашка голландского полотна, в руке шляпа бежевого фетра, сомнений нет, Валентин Петрович. Вот было же вспоминать! Чтоб ты ногу подвернул, старый черт!

Каждый раз Лизочка изумляется, обнаружив свою руку в его сухих пальцах. Валентин Петрович мимолетно щекочет усами Лизину лапку и с усмешкой отпускает жертву на волю. Однажды она таки обтерла руку о юбку, но больше такого себе не позволяет. А жаль.

— Ну-с, Лизочек, с каждым днем вы все милее! Как вам это удается? А что новенького у вас для старика? Припасли что-нибудь? Ну что же вы, а я так надеялся!

Увы, все то же, что и в прошлый раз, ничего больше не приносили, разве что посуду. Нет, серебра нет. Только кузнецовский фарфор, но вы же не любите…

Валентин Петрович в шутливом ужасе машет рукой — избави бог от кузнецовского фарфора, это для пролетариев XIX века!

Лизочка как раз купает в тазике обиженную кузнецовскую супницу для пролетариев. Валентин Петрович не унимается:

— Лизочка, вам уже говорили, что вы — существо вне времени?

А ты ополаскивай супницу и улыбайся загадочно.

— Эти хулиганские чулки выглядят так по-детски. Вам никогда не приходилось примерять кринолин? Хотя бы маскарадный?

А ты улыбайся, вытирай насухо антиквариат и отвечай эдак небрежно, будто у тебя полшкафа кринолинов:

— Голубой или розовый?

И что, поможет? Нет, не поможет. Потому что он тут же обрадовано нахмурится:

— Елизавета Александровна, ужель вы обо мне так плохо думаете? Голубой, розовый — это для фарфоровых пастушек. Полагаю, палевая тафта. И даже, знаете ли, не кринолин, не люблю я этой чрезмерности. Небольшие фижмы. Исключительно чтобы подчеркнуть талию и создать пикантную загадку ниже. Серебристо-стальной атлас тоже будет неплох.

— А кофейный? — спрашивает простушка Лизочка.

— Помилуй боже, нет. Этот цвет вас старит. И напиток, если мне будет позволено высказать мнение, тоже не для юных дам. Цветочный чай, Елизавета Александровна. Может быть, зеленый. В крайнем случае, некрепкий черный с молоком. Ну, извольте видеть сами! — (Тут Лизочка, все еще сжимающая в руках несчастную супницу, оказывается развернута к четырехметровой высоты зеркалу). — Вам элементарно не идет коффэ.

От позорного бегства в слезах Лизочку спасает волшебный прием: «вообрази себе Николь». Будь тут Николь, в любимом полосатом свитере по колено, она бы царственно закинула голову, прикрыла глаза, дожидаясь конца тирады. А потом, поправив на носу воображаемое пенсне, изрекла бы, картаво и величественно: «Обосъ'аться!»

Валентин Петрович был несколько скандализирован, когда девчонка прыснула ему прямо в лицо, поспешно, впрочем, извинившись.

— Ну-с, Лизавета Александровна, на нет и суда нет, коли позволите, загляну к вам позже. Если будет серебрецо, не сочтите за труд отложить. Я вам телефонизирую.

И, отвесив глубокий поклон, Валентин Петрович покидает подвал.

Лизочка, водрузив наконец супницу на полку, тянется за дырявой кружкой «напейся — не облейся», типичный образец юмора пролетариев XIX века. Раньше там стояла собака немецкого фарфора.

Однажды рядом с тобой оказывается вещь, которая сладко и неуловимо навевает что-то такое. Как будто тебя окликнули из тумана, как будто давным-давно вы были знакомы. Возможно, именно из-за радости узнавания и ходят по комиссионкам и антикварным лавкам чудаки вроде Валентина Петровича. Он же не виноват, что Лизочку от него подташнивает. И Лизочка не виновата. Может быть, ради этих голосов из тумана она и пошла работать к Инне Феликсовне, неразумно распорядившись своей молодостью и талантом, которого, кстати, и нету.

Ноты

Впрочем, один талант все же есть, даже не талант, способность. В детстве Лизочку считали одаренным ребенком, и потому бабушка водила ее в изостудию, и на фигурное катание, и даже в детский английский театр, но нигде не задерживались подолгу. На сцене Лизочка робела и теряла голос, хотя вне сцены носилась и визжала на редкость пронзительно. Изостудия быстро

наскучила, а синяки на коленках и ягодицах у будущей фигуристки вызвали у бабушки ужас: «Бьют вас там, что ли?!» Дольше всего Лизочку мучили игрой на фортепиано. «Кисонька! Мягкой лапкой бьем по клавишам! Мягкой ла-а-апкой!» Клавиши были тяжелые, накладки слоновой кости, бронзовые подсвечники отражались в полированной черной деке. Бабушкина подружка Анна Фридриховна, «ставившая руку» Женечке и Лешику, ходила к ним дважды в неделю, вечная и неизменная, как этюды Черни. Женечка вырос и стал лауреатом какого-то конкурса молодых дарований, Лешик шлет любимому преподавателю трогательные открытки из Нью-Йорка, прочая череда воспитанников растворилась в тумане времен. «Круглая лапка, Лизочка, кругуглая! Мягко, но твердо!» Они даже успели разобрать три менуэта и сарабанду Корелли, но тут Анна Фридриховна Валуева, урожденная Зибельтау, уехала в Германию, доживать свой век на родине обожаемого Генделя и Баха.

При звуках фортепиано до сих пор вспоминался запах «Серебристого ландыша» и черная вышитая брошка среди белого кружевного жабо. Анне Фридриховне наверняка бы понравилась большая нотная тетрадь, появившаяся однажды в «Старье и хламе», хотя название лавочки она бы не одобрила.

Однажды, под католическое Рождество, мрачная и несчастная Лизочка прибрела на работу, похлюпывая мокрыми сапожками, пару раз едва не хлопнувшись в лужу. Инна Феликсовна отсутствовала, в такие погоды у нее разыгрывалась мигрень и инфлюэнца. На царском столике (а-ля Буль, цвета красного леденца, латунь и черепаховый панцирь, отличная реставраторская работа), на дешевенькой подставке для книг, какая у Лизочки была в первом классе, высился нотный альбум, сияя настоящим немецким рождественским сентиментальным великолепием. «Нотная тетрадь Анны Магдалены Бах. Часть 2», с золотыми виньетками на матерчатом огромном переплете, с благонравными детками за клавиром. Потертый репринт, точная копия с альбома XVIII века, а теперь и сам этот репринт стал антикварной ценностью. Роскошный подарок, из тех, что маменьки вручают, умиляясь, а дети принимают, внутренне содрогнувшись от тоскливого отвращения. Елочка сияла в зале, и ни в коем случае не всхлипывать от разочарования, хорошие девочки радостно благодарят и целуют ручку мамочке, а потом садятся на высокую табуреточку и играют прямо с листа миленькую пьеску, почти без помарок. Сколько маленьких мучеников по всему свету проклинали эту глупую курицу, Анну Магдалену? И раз-два-три, и раз-два-три, круглая лапка, деточка, мяаагкой лапкой по клавишам! Ритмичнее, дружочек мой!

Лизочка так и впилась глазами в раззолоченное орудие пытки. У Анны Фридриховны была тонкая коричнево-розоватая тетрадка, исчирканная карандшиком, с расставленными номерами пальчиков над самыми трудными пассажами. Целых 12 пьес, ну и гадина же ты, Иоганн Себастьян, нашел чем порадовать молодую жену! Но как бы вздохнула и всплеснула руками пожилая девица Зибельтау, если бы Санта-Клаус подложил ей под елочку такую… раритетную вещь.

И как-то ненавязчиво к концу рабочего дня Лизочка даже почти решилась выкупить альбом, ну и что, что только вторая часть. И потом, когда-нибудь, сидя в кухне, кричать через стенку: «Я все слышу, Масик, ну-ка снова с пятого такта!» А из комнаты недовольное: «Ну маааам, ну я уже три раза начинаю с пятого!» Потому что детей надо учить музыке по золотым старинным нотам, чтобы развивать в них чувство прекрасного. И за ногу привязывать к роялю, да. Шелковой голубенькой ленточкой, под щиколоткой, прямо поверх чулка, и туго-претуго, маменька никогда не умела рассчитывать силы. Тройным морским узлом на бантик.

Через четыре дня булевский столик стоял, сиротливо блистая черепаховыми вишенками и мотыльками. Сказочные ноты упорхнули так же беззвучно, как и появились.

Собака

Перемывая старинную посуду («внутри, снаружи и донышко не забудь»), Лизочка нет-нет да поглядывает на Ту Самую полку. На ту, куда сослан керамический плебс, где немецкие кружки с серебряными и бронзовыми крышечками, и кружки-затеи, и кружка с ручкой-чертом, в которой стоит букет из растрепанных перьевых роз. Такую розу (бледно-палевую) Лизочка честно выкупила за 30 рублей — нет удобнее метелки для пыли. Собаку принесла старушка из соседнего дома — сухонькая старушка, в синем бархатном пальто и шляпке весной и осенью, вытертой лисе зимой и белом полотняном плаще летом, — за год Лизочка изучила весь ее гардероб. Она приходила раз, а то и два в месяц, принося китайскую шкатулочку с секретом, связку пуговиц филигранной работы, деревянную шпильку с цветком. Сердцевина цветка — крошечная линза, в которой («Чудо враждебной техники!» — весело воскликнула Инна Феликсовна) белые домики на фоне гор и надпись: «С любовью из Юнгфрау».

Собаку Нина Дмитриевна принесла зимой. Улыбнулась, сказала виновато: «Не знаю, возьмете ли», — и начала медленно разворачивать платок. Сначала показалась что-то коричневое,

потом светлое, потом — р-раз — и вот она стоит молочно-белая в каштановых пятнах, замершая в стойке «чую дичь». Отчего-то Лизочка, не знакомая близко ни с одной охотничьей собакой, кроме дряхлого ирландского сеттера Джоя, сразу поняла, что означает эта приподнятая лапа. Знакомой синеватой зеленью блеснул ошейник-ленточка с облезлой золотой пряжкой. Под лапами на белой лужайке розочки, две аленькие и одна желтенькая, зеленые листья еле выступают из-под глазури, а цветочки свернуты из тончайших фарфоровых ноготков. В детстве так хотелось отломить одну и приколоть на платье кукле. Но сперва Лизочка, зажмурившись, провела пальцем по гладкой собачьей спине и знакомо запнулась на трещине, у самой попы хвостик был отбит и бережно приклеен снова. Уже потом она разглядела и сколотый кусочек лужайки, и сеть сероватых трещинок, покрывавших всю фигурку призрачной паутиной. «Фарфоровая собака… Два меча… ага… Примерно восемнадцатого века, мейсенский фарфор, в приличной сохранности», — безжалостно констатировала Инна Феликсовна следующим утром, после чего лично позвонила владелице и после пятнадцатиминутной светской беседы отправила Лизочку отнести конверт: «…вход под арку, налево первая парадная, квартира тридцать семь, три звонка, Нина Дмитриевна, не перепутай, и кстати, детка, поинтересуйся ненавязчиво: это был единственный фарфор?»

Дипломатически подводить разговор к фарфору Лизочке не пришлось. Домашняя Нина Дмитриевна — в халате вытертого синего бархата — сама показала ей мейсенского пастушка с собачкой (у мальчика отбит локоть, белый песик свернулся клубком), а в пару к нему нежнейшую пастушку, тоже отмеченную двумя взмахами синих мечей. На этом сокровища не иссякли, и из глубины орехового буфета были извлечены алебастровый флакончик для ароматического уксуса, узенькое горлышко властно обнимает грудастая нимфа («это, Лизочка, бельгийская работа…»), и театральная сумочка, расшитая переливчатым стеклярусом. Старушка суетливо отряхивала полки от невидимой пыли, смущенно хлопотала и порывалась напоить Лизочку чаем или кофейком. Есть хороший, растворимый. Лизочка пискнула «лучше чай, спасибо», но Нина Дмитриевна упросила девочку не скромничать, кофе у нее еще целая баночка. В чреве роскошного буфета ютились макароны, стеклянные банки с крупой, рижские красной жести коробки для бакалеи и ветхий букетик лаврушки. На нижней полке красовались парадные чашки кобальт с золотой сеточкой, матово сверкнула серебряная сахарница и солоночка на смешных гнутых ножках. «Сахар,

знаете, я на кухне не держу, раньше так дружно жили, такие соседи были хорошие, а теперь все прячу, Лизочка, самой стыдно!» Лизочка глотала сладковатую бурую жидкость и сочувственно кивала. «Ой, не спросила, а может, вы с молочком?» И, не дожидаясь ответа, метнулась к холодильнику, старой рычащей «Бирюсе». «Какая она милая! — подумала Лизочка. — И как…» В сухонькой старушечьей лапке, холодный и пузатенький, к Лизочке плыл серебряный сливочник, который она знала, как знала фарфоровую собачку. До последней мелочи, до смешного завитка, до белой каемочки отстоявшихся скудных сливок. Когда сливочник утвердился на кружевной салфетке, Лизочка медленно, как во сне, развернула его другим боком. Гравировка «С Любовию. Паульхен» была там, где ей положено быть. Нина Дмитриевна налила Лизочке молока, улыбнулась и погладила готические буквы.

— Да, это очень сентиментальная вещь. По-немецки сентиментальная, сейчас такое не принято, смешно даже как-то. Знаете, так и не смогла с ним расстаться, даже когда очень были деньги нужны. Сниму с полки, покручу — и обратно ставлю, без него и дом не дом.

Нину Дмитриевну Лизочка в последний раз видела в марте, и вот уж какую неделю внучатая племянница покойной, бойкая девица из Гатчины, коробками тащит в лавку ненужное наследство, а все не кончается.

Почти месяц Лизочка хитрила: с утра прятала собаку за кружечным забором, а к приходу Инны Феликсовны возвращала на престижную вторую полку ореховой горки — между маркизой в розовых гирляндах и китайским болванчиком. Смысла в хитростях не было никакого, фарфоровая гончая стоила как боевой слон, но Лизочка упорно повторяла ритуал дважды в день.

Во вторник четвертой недели, привычно сбросив туфли и придвинув удобнее дубовый табурет, она обернулась к горке — между расправившей юбки маркизой и ехидным мандарином стояла эмалевая табакерка. Не нужно было проверять записи, чтобы узнать, какая усатая, лощеная, пьющая зеленый чай гадина утащила ее собаку.

Спалось Лизочке скверно. Нет, никакой фарфоровый пес по зеленым сонным лугам не носился, а падало и билось что-то вдребезги, и детский голос, неизвестный и родной, сквозь слезы повторял:

— Не кидал! Прыгнула и поломалась, сама прыгнула и поломалась!

— Конечно, — говорила Лизочка, поглаживая шелковые

волосики, — конечно, она просто прыгнула. Собаки всегда прыгают. Папа купит тебе другую. Собачку, и киску, и охотника с рогом, и целый полк солдат… Не хочешь другую? Мы приклеим хвост, приклеим хвост — приклеим хвост, — напевает она, — и привяжем ее поводком.

Вечером Лизочка купила коробку пирожных и отправилась к Николь. Подруга варила кофе в керамической джезве с проволочной ручкой и толковала Лизочкин сон по Фрейду, Мерлину и девице Ленорман.

— И бонусное толкование от мадам Никольской, знатока потаенных изгибов женской души… — Николь постучала джезвой о край грязной плиты. — Взамуж вам надоть, матушка. И детишек парочку, которые переколотят все твои антикварные пылесборники к едрене фене, как давеча моя Дарья китайский чайник. Вот сейчас кофею откушаем, и поможешь клеить как профессионал. Крышку от «Момента» подержишь, к примеру.

Трубка

Вода в тазике с мыльным раствором уже давно остыла. Королева Абиссинии несколько раз басовито обронила «мау!», проинспектировала тарелку — а вдруг что новенькое нарисовалось за время сна. Пошуршала в лотке — не обнаружились ли пропавшие при большевиках бриллианты? Походила вокруг да около, на миг прижимаясь к Лизочкиным чулочкам. Нырнула в домик досыпать. Махровое полотенце промокло насквозь, зато и работы осталось чуть — пара соусников и пепельница — турецкий башмачок. Пепельницу, кстати, надо переместить в табачную витрину — к деревянной пахучей коробке из-под манильских сигар, к серебряным папиросницам, к мундштукам — великому пристрастию Инны Феликсовны, к трубкам… К трубкам. Черт их совсем побери! Чистый фарфор — лучший фарфор.

Трубку принесла какая-то дама. Точнее, принесла она не одну трубку, а целый красный суконный мешок на кулиске, примерно в таком же Лизочка таскала в школу сменную обувь. А еще тяжелую серебряную зажигалку с поцарапанными перламутровыми накладками. Если нажать незаметную кнопочку сбоку — звучала простенькая спотыкающаяся мелодия. Зажигалку купили почти сразу — молодая пара, на вид совершенно не могущая себе это позволить. Лизочка не без зависти смотрела, как Он снова и снова нажимает на кнопочку, а Она улыбается «я-знала-что-тебе-понравится, милый» улыбкой. Остальные сокровища Лизочка, морща носик, два дня мыла и чистила специальными ершиками:

множество мундштуков — костяных, деревянных и два янтарных; сильно изогнутую трубку из пенки, потом прямую, с длинным чубуком, как у капитанов на картинке, крохотную, словно игрушечную, из полупрозрачного зеленого камня, тяжелую, черного дерева, и Ту Самую. Она была вырезана из красновато-коричневой древесины ореха, отполирована прикосновениями до шелковой гладкости. Не большая и не маленькая, не слишком тяжелая, с чашкой в виде хитрой мордочки химеры и с потемневшей серебряной крышечкой. Табаком она пахла совсем слабо — призрачный медовый аромат. Содержимое красного мешка заняло полвитрины, той, рядом с которой застревают мужчины. В ней лежали два бинокля, опасная бритва с инкрустированной ручкой, несколько фляг (к одной прилагался неполный набор серебряных стаканчиков) и, предмет особой Лизочкиной нежности, часы-луковица от Буре.

Павел (почему-то Лизочка сразу знала, что он Павел) начал заходить в гости к трубке в понедельник. В среду он робко попросил вынуть ее из витрины. И Лизочка, конечно, вынула, и он подержал трубку в руке (у него были очень, очень красивые руки) и понюхал чашечку с мечтательным лицом. А в пятницу он встал с ней у зеркала — того, что Инна Феликсовна датирует «вторым эрмитажным пожаром», — и сделал суровое лицо, и это было очень славно, и сказал, что трубка очень взрослит, потому что преподаватель с такой юной рожей несолиден, и да, его зовут Павел… а вас Елизавета Александровна? Просто Лиза? Хорошо, я никогда-никогда не буду называть вас «бедной Лизой». А можно, скажем… это не будет ужасным хамством пригласить вас на чашечку кофе? Не сейчас? А потом он попросил придержать трубку неделю. И Лизочка, конечно же, немедля спрятала ее в верхний левый ящик своего стола, а через неделю он пришел с деньгами и маленьким букетиком гиацинтов, совсем к закрытию. И они пошли пить кофе, и сидели в курящем зале, а Павел очень неумело набивал трубку вишневым табаком, потом разворачивался в профиль и спрашивал, достаточно ли он теперь грозен. А потом они гуляли по Английской набережной, и там стоял огромный парусник — его пять стальных мачт поднимались над домами, и Павел сказал, что такие парусники управляются компьютером, но в них нет очарования, а вот когда в Питер вернется «Штандарт»… А она думала, что позвать его сейчас к себе, например выпить кофе, ужасно неприлично, но совершенно необходимо, и чтобы мосты развели. Лучше, конечно, на неделю сразу. А потом…

А потом не было ничего, и сначала тоже не было ничего, и

смотреть на стальной парусник Лизочка ходила с Николь, потому что некоторые идиотки боятся придержать товар втихую и не умеют попросить об этом в голос, а потом приходит старая сволочь Валентин Петрович, у которого таких трубок в коллекции, наверно, триста штук. И ни одну он не курит, потому что вообще не курит, и помрет здоровым. Медленной, мучительной смертью — если проклятья чего-то стоят.

> Трубка упадет и разобьется,
> в руке моей останется только разбитый черепок;
> такова и моя судьба.

Павел пришел через неделю и еще в дверях помахал деньгами и букетиком, но трубки не было, проклятье, уже не было, и — «может быть, вы посмотрите вот эту?.. не то, нет… Я не могу сегодня уйти пораньше, нет, я очень занята…» Очень, очень занятая идиотка, пьющая свой кофей в одиночестве. Ну и ладно, может быть, он и кофе-то вовсе не любит — просто так принято начинать знакомства.

Паульхен

Лизочка пристраивала свой нехрустальный башмачок меж прокуренных трубок, бормоча заклинание «чистый фарфор — лучший фарфор», когда закурлыкал телефон, антикварный мир вздрогнул, и все вернулось на круги своя. Анечка спрашивала, принимают ли сегодня, а то она еще коробку нашла, хочет принести. Ну так вот тебе, Золушка, еще полмиски чечевицы, сейчас мы еще и Анину посуду помоем. Общепит не брать, невзирая даже на слезы. Впрочем, Аня девочка простая, плакать не будет. Не возьмем мы, возьмут на помойке, куда и откочуют забракованные «все после сороковых».

Звякнул колокольчик, Лизочка улыбается, но улыбка подкисает, бледнеет и сходит на нет. Это не Аня и не случайный посетитель, это Валентин Петрович, ненасытный и вездесущий В. П. Специально под дверью караулил, что ли? «А это снова я, рады мне? Вижу, вижу, что рады! Вот верите, как сердце шепчет: зайди еще, вернись. Уж не вы ли, чаровница, по мне тосковали?» Лизочка бесконечно долго выполаскивает последний соусник и думает, не стоит ли по новой перемыть сервиз на дюжину персон? Валентин Петрович расхаживает вдоль витрин, содержимое которых знает назубок. «Отрадно видеть ваше прилежание, Лизочек! Ну неужто не отвлечетесь, не почтите беседой? Ох и в

строгости держит вас Инна Феликсовна. Как смоляночку, право, только пелеринки не хватает!» Но тут его монолог прерывается, потому что Анечка спускается по лестнице медленно, на ощупь, прижимая к груди тяжелую коробку.

В коробке погромыхивало, высокую стопку тарелок девица бесхитростно прижимала подбородком, дно картонки опасно прогнулось. С криком: «Позвольте, милочка!» — Валентин Петрович галантно бросился навстречу. Тут плечи его и затылок странно напряглись и окаменели, он почти вырвал коробку у оторопевшей барышни, осторожно, как бомбу, опустил груз на табурет и выхватил тяжелую невзрачную кружку. Длинные пальцы коллекционера заострились хищными когтями, впервые Лизочка увидела, как человек до синевы бледнеет прямо на глазах. Серую унылую кружку, облепленную венками и подплывшими буквами, он держал торжественно, как священную чашу.

— Это я сразу беру, без торга и разговоров. Что, хороша? Нехороша! Унылое убожество, вот это что, шир-пот-реб! — И голосом, предвещавшим великое и недоброе, возгласил: — Сие есть чаша крови московских дур и дураков. Позвольте представить вам, милые дамы, ходынскую коронационную кружку. Ничего не говорит? Пустой звук? Елизавета Александровна, не разочаровывайте меня, только не сегодня! Кровавая кружка, так их и называли, да-с. Всем пришедшим сулили кружку и пяток пряников в платочке. На дармовщинку и набежало желателей. Милочка, там у вас в хозяйстве не было тряпочки такой, с портретиками? Не припомните? — Он дрожащими пальцами любовно провел по серой пряничной короне: — «На память св. коронования»… Да-с, память долгая. Людей подавили — страсть, головотяпство сплошное. А кружечка-то с трещинкой. Как вообще уцелела? Вот сердце-то чуяло. Четыреста трупов, по полицейской сводке, четыреста… А говорили, что за три тыщи. — Бормоча, Валентин Петрович нервно мусолил кружку, оглаживал белесоватые бока, залезал пальцами внутрь, щупал донышко.

Как умалишенный, с содроганием подумала Лизочка. При взгляде на ликующего Мефистофеля ее отчего-то мутило.

Анечка, внезапно очнувшись, пискнула:

— Так было что-то же еще у баб Нины! Я сейчас посмотрю, я мигом!

А навстречу ей, дыша духами и туманами, спускалась великолепная Инесса Феликсовна, своевременно и эффектно, как бог из машины.

— Я, кажется, что-то пропустила? Валентин Петрович, что это с вами? — Мельком скользнула глазами по кружке, дождалась, когда Анечка хлопнет дверью, и бросила: — Тридцать пять. Для вас, ладно, двадцать. Но исключительно для вас. Двадцать и… тот ваш дамский мундштук фальшивого Фаберже. Не спорьте, будьте паинькой, и я сварю вам кофе. Или вы предпочтете ваш мерзкий зеленый чай? Состояние-то прекрасное, верно?

Валентин Петрович нехотя поставил кружку на столик, подошел к Инессе Феликсовне, склонился над ее рукой и мурлыкнул:

— Чаровница! Разорительница! Знаете, чем взять старика…

И оба скрылись за дубовой дверью с латунной ручкой. А Лизочка остолбенела. В неразобранной коробке сверкнул беззащитным серебром знакомый сливочник.

Валентин Петрович живет в склепе. В страшной мрачной пещере с климат-контролем. Там у него в стеклянных гробах томятся золоченые чашки, табакерки, фарфоровые собаки, старинные ноты, книги, которых никто не читает, трубки, которых никто не выкурит. Валентин Петрович приходит туда, зажигает бестеневые светильники и кружится, кружится среди мертвого своего богатства, как заводная балеринка, отставив напружиненную ногу в замшевой ботинке. А потом садится и прихлебывает зеленый чай из коронационной кружки. И туда же этот упырь запихнет Паульхена, навсегда ее Паульхена!

И тогда кроткая Лизочка совершает немыслимое. Она похищает сливочник из коробки и держит в руках, бережно, как птенца. А когда из офиса выходят замшевые туфли, опускает его между коленей, расправляя складочки и складывая ручки, как благовоспитанная юнгфрау. Паульхен лежит между ее коленками, в убежище из коричневой шотландки, тихо, как мышка, и оба смотрят, как Валентин Петрович, поводя носом, роется в опустевшей коробке, перещупывает немытые тарелки, рассеянно оценивает на просвет блюдечко костяного фарфора, ворчит: «Все не то, что-то же еще было! Да, Лиза, вы не упакуете мне кружку?» Лизочка сидит ни жива ни мертва, а Инна Феликсовна, не спуская глаз с пунцовой своей помощницы, сама достает из ящика буфета пупырчатый целлофановый мешочек. Медленно опускает кровавую кружку в фирменный коричневый пакет с бечевочными ручками, добавляет туда же костяное блюдечко как подарок от магазинчика, берет Валентина Петровича под руку и церемонно провожает гостя до самых дверей. Там, у дверей, она глубоким грудным голосом внушительно произносит: «Девочке ни слова, вы поняли? Для нее кружка стоит пять тысяч, и… вы же джентльмен,

Валентин Петрович! Вряд ли сегодня мне принесут алмаз „Орлов“, а если принесут, я отложу».

Вернувшись, Инна Феликсовна залихватски заламывает выщипанную бровь, наклоняется к Лизочке, заглядывает ей в лицо и конспиративно шепчет:

— Ну что же, деточка, так и будете сидеть, как баба на чайнике? Покажите же, что вы так пикантно спасали от нашего вурдалака?

Бестиарий

— Привет, тихо сегодня как у вас. Мне, пожалуйста, кофе, а этому господину… сливок ведь нет? Только «Петмол»? Ой, все равно хорошо! Будем кутить — И в этого господина — сливочек! И мороженое с фисташкой! Женя, это Паульхен, наливайте смело ваши сливки. Я его сегодня своими руками мыла. У нас с ним любовь с первого взгляда — сначала я его спасла от рабства, да еще таким пикантным способом, а я ведь приличная девушка из хорошей семьи. Потом я его выкупала, прилюдно расцеловала и несла, прижав к груди, — ну теперь он просто обязан на мне жениться. Вам не попадет за разлитие сливок в тару клиента? Где у вас камера — тут? Эй, смотрите-смотрите, это местные сливки, я их честно купила за пять эре и буду пить из личного сливочника. Знакомься, Паульхен: это Женя — самый лучший в мире бармен. Стоишь ты на стойке «Бестиария», несомненно, самого лучшего в городе бара. Вот это, мой милый, камин. Самая прекрасное, что есть в «Бестиарии», не считая, конечно, Жени. Дома я тебе камин не обещаю, но есть печка-голландка, она тебе понравится — очаровательная особа, и младше тебя лет на сто.

— Вот картины: эта мне не очень, эта тоже не очень, а вот тут запутанное, такое-непонятное-чудное я люблю. Женя, а что на этом рисунке? Ой, правда саламандра? Которая не горит в огне? А я думала, она как ящерка, а она немножко как собачка. Женя, а вы знаете, что только настоящий художник может разглядеть саламандру в огне, это я у Дюма читала, по-моему, про Леонардо… И еще, пожалуйста, Женя, сварите мне глинтвейн. У вас потрясающий глинтвейн, дома так не выходит, только сахару положите немножко больше, а то он у вас всегда получается такой мужской и суровый.

Ее слова текут сквозь сознание, как вода по неглубокому руслу, иногда шевеля коряги, водоросли и волосы утопленников, — на фразу о настоящих художниках он эффектно заломил левую бровь, а на упоминание Леонардо своевременно удивился:

— Даже так?

— Ой, спасибо. Замечательно. И сахару сколько нужно. Кстати, знаете, Женя, я вас раскусила. Я недавно читала в одной книжке… Я вам принесу обязательно, если хотите, даже подарю… Там про то, как устраиваются в жизни всякие боги, в которых уже не верят. И знаете, в общем, все у них в порядке. Анубис, например, держит похоронное бюро, а Дионис… И не сбивайте меня с мысли! Женя, ну признайтесь, вы же тоже такой бог? Смотрите сами: камин — это жертвенник, а еще мы постоянно что-нибудь проливаем, в основном вино, как положено. Ну и воскуриваем… воскуряем, не знаю, как правильно. Дайте пепельницу, Женя. Я вам немедля воскурю благовоние с ментолом. А еще вы так красивы, просто даже неприлично быть таким красивым. Я бы решила, что вы Дионис, но он и так неплохо устроился. Или это Бахус неплохо устроился? Вот и магазин у вас рядом. А? Как-то Бахус популярнее, а казалось бы — жирная такая, просто неприличная туша. У нас в лавке целых два Бахуса, один — чистый Рубенс, и ни одного Диониса. Я уже прожужжала в вас дыру? У меня словесный понос, да, Женечка? Это от счастья. Мелочь, казалось бы, сливочник, да, — но такой славный. Я вам уже говорила, что у вас очень красивые руки? Нет? Ну так слушайте, а то больше не скажу, это вы меня просто напоили сегодня.

Бармен, и не только бармен

Это было не с Леонардо. Хотя парень из Винчи талантливо конструировал монстров — с ближайших денег вместо тех двух уродских драконов надо заказать копии его бестий — под серебряный карандаш и в тонких рамках. А саламандру в камине увидел Бенвенуто Челлини, тот еще, кстати, мошенник, и немедля получил затрещину от отца — для памяти. Пять золотых содрал за карандашную почеркушку, и то уступил по дружбе, но рисунок того стоит. Саламандра с натуры — редкая удача. Все-таки они поразительно беспамятливы и ленивы — всего пара тысячелетий — и ледяную саламандру, одним куском кожи которой можно затушить пожар, поселили в огонь. В новых сказках колдуны таскают ее в карманах, как зажигалку.

Когда среди ночи вместо дремотного воздуха спальни в горло хлынул дым, он проснулся, наполняясь пониманием: убежище горит! Жена пробормотала что-то, не открывая глаз. Он снял с груди ее тяжелую, сонную руку, встал, схватил джинсы и, уже балансируя цаплей, понял: бесполезно. У него всегда были скверные отношения с огнем. Можно сказать, с рождения.

Сквозняк из разбитого окна подкормил пламя, бледные язычки набрали цвет, яркие дорожки побежали к первой двери, проскочили над неплотным порожком офиса, потом зал винного — аппетитное дерево декоративных бочек, звон стекла — это лопаются бутылки, — одуряющий запах выкипающего вина, короткий смежный коридорчик, зал ресторана — вкусные скатерти, запертая витражная дверь убежища. Десять лет коту под хвост. Почему коту? Или козлу. Как тут кричат дети: «Дом горит — козел не видит»?! А кто видит?

Саламандра проснулась, когда огонь, закусив ресторанными скатертями, принялся за лак столов. Он почувствовал ее пробуждение и шепнул:

— Кормись, девочка!

Ящерка билась о стекло изнутри, пока преграда не брызнула осколками, сбежала по стене, походя лизнула скамью — назавтра он заметит длинный темный след от ее языка и сам зашкурит дерево до белизны. И виноградные лозы в фальшивом расписном витраже двери поплыли, потемнели.

Через три часа все было кончено. Серегу, хозяина магазина, ресторана и бара, подняли звонком с постели, так он и примчался — в куртке поверх майки и кроссовках на босу ногу. Пожарные сматывали шланги, сонный сержант писал протокол о поджоге. Серега разлил по рюмкам водку:

— Повезло тебе, Женька. Офис мой — просто в угли, я тебе даже говорить не буду, насколько я влетел, и в ресторане — штук на тридцать ремонт. В магазине все бухло пропало, елки, а у тебя только проветрить — и открывай. Ты свечку сходи поставь, по уму. Неопалимая купина, блин. Кабак, что ли, переименовать? Не морщись, не стану. Цены, кстати, поднимай. Процентов на десять. Или на двадцать? Давай на двадцать. Там еще стекло на твоей картинке посыпалось, пожарные накосячили, а может, само лопнуло…

— Нет, она еще вчера упала, прибрать забыл.

Лизочка допила свой кофе, украдкой облизнула стеклянную креманку, обтерла салфеткой круглый серебряный сливочник и убрала свое сокровище в замшевую торбу. Осторожно заглянула в кожаную папочку, отсчитала деньги. Подумала — и добавила еще десятку. Радость у девочки, чаевыми швыряется. Слезла с высокого табурета, покрутилась перед зеркалом, пригладила кудряшки щеткой и потрясла головой, воссоздавая беспорядок.

— Спасибо. Женя, надеюсь, я не очень шалила?

Улыбнуться одновременно профессионально и интимно:

— Вам это к лицу!

Когда дверь за ней закрылась, он поставил вариться кофе — себе, прибавил звук в колонках, поиграл с частотами, пока вибрация ударных не начала отдаваться в дереве стойки, закурил. «Значит, книжка про богов. Десять лет на одном месте, пора — рано или поздно кто-то из клиентов подмечает твою нестареющую рожу. Обычно женщина, и никогда — жена. Ну почему в самый неподходящий момент всегда появляется какая-нибудь догадливая сука-нилгейман… Хотя в запасе еще лет семь. Ну, пять…»

На стенках чашки длинным языком лег осадок. Потерявший вкус кофейный песок царапал нёбо. Он налил в стакан воды, прищурился, разглядывая жидкость на просвет, отмечая, как хрусталь прорастает рубиновыми прожилками, как цвет сгущается и тяжелеет. Сделай такое прилюдно, и толпа потребует хлебов и рыбы, кабы не водки. Качнул стаканом, посмотрев, как ползут по стеклу винные «ножки». Отсалютовал камере: «Только один раз и только для вас — вечно молодой, вечно пьяный. Хайрете».

Николь

Только у замызганной двери с двумя рядами звонков Лизочка осознала, что пришла не домой. Автопилот, ничего не поделаешь. На одном из звонков прямо по белой пластмассе рамочки намертво выжжено: «Никольская О.». Виновато вздохнула (поздно! коммуналка!) и коротко нажала квадратную кнопку.

Николь приоткрывает дверь на необходимые для Лизочкиного просачивания тридцать сантиметров и, не удивившись, шепотом инструктирует: «Лампочка перегорела, дети уложены, старухи на посту, так что строго в моем кильватере, соблюдая тишину и таинственность», — и зашагала, высоко поднимая колени, беззвучно напевая: «Мы длинной вереницей пойдем за Синей птицей…»

В комнате у Николь как в пещере сорока разбойников — бардак, полумрак и полно сокровищ. Витражный фонарь где-то под потолком расцвечивает грязноватую, давно не беленную лепнину красным, желтым и лиловым. На стене светится шар пузырчатого стекла, оплетенный пальмовым волокном. Тьму он не рассеивает, зато красиво отражается тройным золотисто-зеленым пятном в старинном трюмо, заваленном книгами. Поймав Лизочкин взгляд, Николь гладит зеркало: «На днях оценщица из Русского музея облила его горючими слезами — смотри, аж шпон облез, но мы были непокобелимы: нас отсюда

вынесут только вместе. Кофе?» И, не дожидаясь ответа, раздвигает дубовую столешницу — там, на хитро пристроенной полке, живут разнокалиберные чашки и блюдца, мисочки-бульонницы, широкие стаканы для виски, стопочки для саке зеленоватой растресканной поливы и старший брат Лизочкиного кофейника той же польской фирмы «Кристобель». Лизин пан Кристобель жил в ее семье, сколько она себя помнила, и до сих пор сиял как новый. Своего же красавца Николь хищно выхватила из случайной помойки года три назад, откипятила в семи водах, причем вместе с грязью бедняга лишился и скудного слоя серебра, но был вознагражден за страдания новой ручкой. Вместо истлевшего изящества черного дерева теперь торчал кривой кусок отполированной яблоневой ветки.

Сидеть в коммунальной кухне, пока не сварится кофе, выше Лизиных сил: там на полу оторваны оргалитовые плитки и тараканы, одурев от света, крутят лапкой у виска — вы чего, сейчас наша смена! Но вот кофейник вернулся, на стол поставлены сахар-рафинад, старорежимный ликер «Вана Таллин», тарелка с сыром (длинные брусочки волокнистого сулугуни, прозрачные дырчатые ломтики маасдама) и чашки — на сегодня приземистые, лилово-коричневой пористой глины снаружи, черной блестящей глазури изнутри. Пришла вежливая кошка Бастардесса, вспрыгнула на третий стул, неспешно оценила сервировку, предпочла маасдам, выбрала кусочек, унесла в уголок. Лизочка достала из сумки Паульхена и пристроила его рядом с сыром, для красоты.

— Хорош? Ты просто не поверишь, как он мне достался.

— Только не говори, что ты за него отдалась, в остальное поверю. Совершенно твоя игрушка. Для меня он слишком блестящий — сама знаешь, я ценю зримые следы времени — не так грязь видно.

Отодвинув свою чашку, Лиза смотрит на чистенького Паульхена и кокетливо улыбается:

— Ника, и как ты только меня терпишь?

— Это у меня просто денег нет на саксонский фарфор, вот и компенсирую созерцанием твоей красоты, особенно за полночь, на сон грядущий. А так — с трудом, дорогая, с трудом. Сама понимаешь: совершенно невыносима подруга, ради которой надо разбирать срач и держать в холодильнике сливки. Но чего не стерпишь ради кофейного сестринства.

— Ради чего?

— А, то есть мой диск ты так и не слушала. А я-то старалась, переписывала тебе…

— Я слушала, я правда очень-очень слушала, я даже поняла,

что это Бах.

— Прости, солнце мое, с тем, что такая вся из себя Лизхен не знает немецкого, я не смирюсь никогда. Ну ладно, только учти — это хромой на обе ноги подстрочник:

Кошки не оставляют ловлю мышей.
Девицы остаются кофейными сестрами,
И мамы обожают кофейные пары,
Бабушки упиваются тем же…

Кстати, может, еще сварим?

Кода

Скормив «Индезите» чулки и блузку, Лизочка чистит зубы, принимает душ, позевывая, переодевается в футболку и чистые «сонные носки», аккуратно складывает бежевый плед, отгибает одеяло в пододеяльнике с прошивками, тянет за угол и взбивает слежавшуюся за день подушку. Паульхен приглушенно поблескивает за стеклом буфета. Лизочка щелкает выключателем, опускает голову на подушку. Нащупывает выключатель вновь и, выбравшись из еще не належанного гнезда, идет к буфету, открывает дверцу в бесцветном витраже, оглаживает серебряный бочок. Засыпает она, накрыв ночник платком, глядя на Паульхена, стоящего возле кровати на придвинутом табурете.

Ее разбудит запах кофе и свет с непривычной стороны.

И на бис

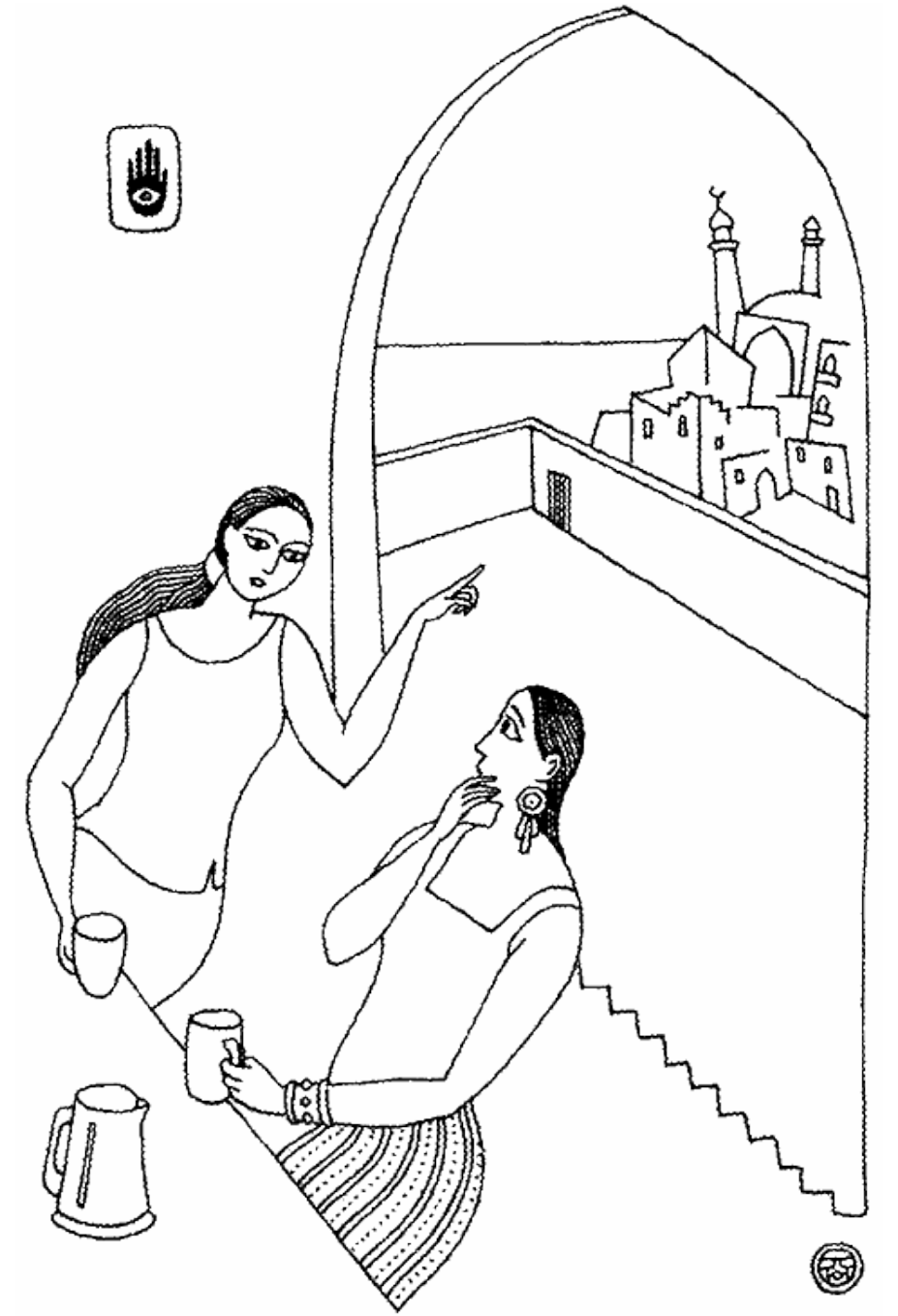
«Любезный друг, N* премилый городок, и я уже завел несколько приятных знакомств, скрашивающих мое одиночество. С особой радостью посещаю я дом референдария Пауля Штилленберга как ради приятности бесед с господином референдарием, человеком разумным и прекрасно образованным, так и ради дивного кофе, который готовит его супруга, прелестная Элиза. Не смейтесь надо мной, мой друг, и не щиплите многозначительно свою бородавку — при всем очаровании милой Лизхен (мне, в силу почтенного возраста, дозволено величать хозяйку дома таким образом) главным магнитом для меня является именно волшебный напиток. Смею утверждать, что даже в Вене не пил я столь прекрасного кофея…»

Кофе «Гранада»

(Рецепт баристы Саши)

Сахар подогревается в крохотной джезве, потом чуть-чуть подгорает до запаха карамели. Потом Саша про него вспоминает, несколько раз плавно встряхивает джезву, бормочет про себя что-то по-мавритански, кидает в джезву, не глядя, полторы ложки мелко молотой «Арабики». Туда же сломанную сухую гвоздичинку, три ритуальных скребочка по коричной палочке, мелкую лиловую розочку (пахнут, заразы, убийственно, кончаются очень быстро, найдете — покупайте побольше). Подумав, добавляет апельсиновую корочку. Заливает водой. Только холодной. Только кипяченой. Джезва томится в жарком мавританском песке до шелковой кремово-коричневой шапки.

Ася Вайсман



Кофе по-восточному

Здесь несколько домов, сад и забор, а за забором — Восток. Мы уже четыре месяца живем на Востоке, но пока за забором, чтобы научиться разговаривать поместному и привыкнуть. Мы все молодые и приехали из разных стран, потому что в каждом из нас есть восточная кровь — в ком-то больше, в ком-то меньше, и все мы имеем право попробовать жить на Востоке. Нас обещали год кормить и учить за казенный счет, а мы тем временем будем привыкать. И нас действительно учат — в основном местному языку — и кормят — в основном местной едой, от которой у большинства наших изжога и снится, что вокруг пустыня и во рту песок.

А мне нравится еда, которой нас кормят, и сны нравятся, только я молчу, мне неудобно, потому что почти все вокруг говорят, что есть восточную пищу невозможно, а от снов похмелье.

А еще нас возили в ближайший восточный университет, куда мы поступим, если хорошо выучим местный язык и переживем первую Великую Жару. В этом университете самые новые компьютеры, и огромная библиотека с книгами на всех языках, и высокие потолки, а в нашем общежитии потолки низкие и каждую ночь кто-то плачет, и раз в две недели встреча с психологом, а он говорит — вы привыкнете, ведь в вас течет восточная кровь.

К воротам часто приходят смуглые восточные люди из местных и ждут наших девушек. Нам говорили, чтобы мы с ними не ходили, потому что восточные люди делятся на несколько племен, и между собой они враждуют, и есть такие племена, что не могут породниться друг с другом, так что ничего не выйдет, да и вообще вам лучше думать об учебе, а если вдруг какие проблемы, отправим вас домой, там и рожайте. Людей из разных племен можно различить по придыханию, с которым они произносят некоторые звуки, а еще у них на запястье по-разному выпирает косточка, но главное — интуиция, она подсказывает. А у нас нет опыта, поэтому нам лучше с местными мужчинами вообще не общаться, мы не поймем, с кем имеем дело. А как мы приобретем опыт, если не будем общаться?

Многое нам рассказывали, а главному не научили. Вчера одна девушка с нашего этажа пошла в магазин купить шоколадку и случайно познакомилась с восточным мужчиной. Они разговорились на восточном языке — интересно говорить на восточном языке по-настоящему, не на уроке, — и он пригласил ее выпить кофе. Так и сказал: «Пойдем выпьем кофе». И девушка с нашего этажа согласилась. Он был симпатичный и говорил о кино, а не о машинах, о которых обычно говорят восточные мужчины. Потом она вспомнила, что ей показалось — он как-то

даже расстроился, когда она согласилась выпить с ним кофе. О кино перестал говорить, отвернулся и начал что-то напевать. Но взял ее за локоть и повел к какому-то дому. Раз — и они идут в его квартиру, которая на первом этаже с отдельным входом. Вначале девушке с нашего этажа показалось, что это кафе, потом она подумала, что он хочет угостить ее кофе у себя дома. Но как только они вошли, восточный мужчина накинулся на нее и повалил — прямо на пол. Она стала кричать и отбиваться и от волнения забыла весь восточный язык. Только кричала «нет! нет!». Он вроде бы удивился, стал хватать ее за руки, но отпустил, и она вырвалась и убежала. Шла по этой восточной улице и плакала. К ней подошел какой-то мужчина и стал расспрашивать — что, мол, случилось. И выяснилась удивительная вещь. На Востоке, оказывается, если мужчина предлагает женщине «выпить кофе», а она соглашается — значит, она соглашается на то, чтобы он привел ее к себе домой и куда-нибудь повалил. Это у них такой эвфемизм. Потому что восточные люди очень стыдливые. Здорово, а? Нас учат всякой древней истории Востока, а о таких вещах никто не говорит. И не дай бог научиться на своих ошибках.

Впрочем, я не опасаюсь совершить подобную ошибку, потому что мой мужчина живет там же, где и я, — с нашей стороны забора, и говорит со мной на одном языке. Мы познакомились тут, на Востоке, и он сказал, что теперь не сомневается — ехать сюда стоило. А я рассказала ему, что мне нравятся сны, которые снятся от здешней пищи, и что в последнее время песок у меня во рту стал сладким на вкус и я не хочу просыпаться, тем более что в комнате холодно, а во сне, в пустыне, тепло. Он посмотрел на меня и сказал: «Ты переживешь Великую Жару». С чего он так решил, я не знаю, но после этого он просунул руку мне под майку и спросил: «А так тебе не холодно?» И потом еще несколько раз это делал, и всегда спрашивал, не холодно ли мне, и смеялся. А я не могла больше ни о чем думать, даже перестала учить новые восточные слова. Правда, они сами запоминались, и никто ничего не заметил.

Собственно, много слов мне пока не нужно. Главное помнить фразу «у меня есть друг». Как-то местный парень, который часто вертится возле столовой — то ли на кухне работает, то ли мешает тем, кто работает, — спросил меня: «Тебе нравится наша еда?» Нравится, говорю, спасибо. Ему, наверное, никто так не отвечает. «А пойдем, — говорит, — погуляем. Нет? Почему?! У тебя есть друг? А откуда? Из твоей страны? Да он тут ничего не знает! А я тебя угощу кофе!»

Спасибо, говорю, я пью кофе со своим другом. «Он умеет

делать кофе?» — спрашивает этот парень. «Да, — отвечаю, — он делает мне кофе по-восточному». — «О», — сказал псевдоповар. И сразу руку убрал.

А мы действительно почти каждую ночь собираемся человек по десять в одной комнате и пьем кофе. Называется этот напиток «кофе по-восточному» — ведь мы же на Востоке.

И другие напитки тоже пьем.

К сожалению, у нас очень трудно остаться вдвоем. Все время кто-то ходит или сидит. Мы несколько дней не виделись наедине и вот наконец договорились встретиться в пять часов, когда мои соседки пойдут в дальний магазин. А без четверти пять пришла одна девушка, Анна. Рассказала, что она обещала какому-то восточному красавцу быть в пять у ворот, а теперь думает — может, не ходить. Может, говорит, Я ЛУЧШЕ С ТОБОЙ ПОСИЖУ? Нормально, да, посидит со мной, когда ко мне должен прийти человек, который сказал, что я переживу Великую Жару. В общем, я ее спросила, что за красавец ждет ее у ворот и как у него с придыханием. А она сказала, что не знает, но он очень мускулистый и говорит, что она такая красивая, что он умирает, и еще он хочет угостить ее кофе по-восточному. Она сказала, что и так пьет кофе по-восточному каждый вечер, а еще нас водили в то кафе, где варят кофе в песке, но он заявил, что угостит ее таким напитком, который умеет делать только он, и спросил, не согласится ли она все-таки выпить с ним кофе. И она согласилась, а он почему-то очень обрадовался, чуть не запрыгал. И наверное, она пойдет, в конце концов, почему бы не выпить с ним кофе, даже интересно. Тут я вздрогнула и посмотрела на часы и ничего не сказала. Я подумала — может, не все восточные мужчины вкладывают в это выражение что-то не то. В конце концов, она взрослый человек и сама разберется. Если я ей скажу, она спросит, почему я так думаю, и мне придется рассказать про девушку с нашего этажа, а она просила никому не говорить. Я ничего не сказала, и Анна пошла к воротам, а ко мне пришел мой друг.

К ужину Анна не вернулась, а я специально поглядывала на стол, где она обычно сидела. Все как-то забегали и засуетились, и сходили в ее комнату, там ее тоже не было. И к отбою она не пришла, это было ЧП, небывалый случай, пришлось сообщить в полицию. Нас стали опрашивать, и мне даже не пришлось ничего говорить, ее соседки по комнате рассказали, что она шла встречаться с молодым человеком, который живет в соседнем городе.

Наутро ее по-прежнему не было. И я поклялась, что, если Анна вернется и с ней все будет в порядке, я пойду к здешнему

начальству и расскажу про себя всю правду. Мой друг не понимал, почему я схожу с ума, он не знал, что это я во всем виновата. Я плохо себя чувствовала и не пошла учиться, и мой друг тоже не пошел, мы сидели вдвоем и пили кофе по-восточному, но мне ничего не хотелось, только плакать.

Анна вернулась к обеду, начальству рассказала совершенно неправдоподобную историю про то, как она упала в обморок и случайный знакомый отвез ее в больницу, а оттуда не выпускали, потому что хотели, чтобы она сдала анализы. А нам она рассказала, что он классный и было очень приятно, а на груди у него шрам, и он подарил ей мобильник, и она, наверное, не будет поступать в университет, он хочет жениться и много детей, и обещал познакомить ее с родителями, только ее теперь небось не скоро отпустят за ворота. Сейчас она сидит и рассказывает это по третьему разу очередной группе девушек, а я сижу и думаю, как завтра пойду к нашему начальству и сообщу, что во мне нет ни капли восточной крови. Я просто пошла на отборочные тесты за компанию с подругой. Дело было осенью, было уже холодно, и подруга уговорила меня сдать с ней заодно, и я прошла интеллектуальный тест, потом психологический, а потом тест на адаптацию к восточному языку. Там надо было повторять странные слова и пытаться различить странные звуки, и я так хорошо сдала этот тест, что экзаменаторша спросила, учила ли я восточный язык раньше. Остальные тесты я тоже сдала хорошо и осталась ждать окончательных результатов, а вокруг все говорили про Восток. Я знала, что на Востоке тепло и много древностей. Остальные знали не больше. Потом меня опять привели к психологу. В комнате сидели еще люди, и самый важный поздравил с результатами тестов и спросил, есть ли у меня документы о том, что во мне течет восточная кровь, и я сказала, что документов нет, и добавила — «не сохранились». Женщина, которая экзаменовала на адаптацию к языку, что-то прошептала важному на ухо, он кивнул головой и сказал — «ну да, я понимаю, бывает». Он сказал, что вообще-то это не по правилам, но они запишут с моих слов. Тут я поняла, что происходит, и хотела засмеяться. Но я в последнее время часто думала, как хорошо было бы куда-нибудь уехать. И я не стала смеяться. Родителям я сказала, что на Востоке очень хорошие университеты и что в молодости надо путешествовать. А подруга моя тесты сдала хуже и никуда не поехала.

Когда я все это расскажу, они наверняка отправят меня обратно. Как глупо — я даже не успела пережить Великую Жару и увидеть настоящую пустыню. Я думаю, она продолжит мне сниться, даже когда я вернусь домой и стану есть домашнюю еду,

и я буду просыпаться с песком во рту.

Рецепт кофе по-восточному, который мы пьем по ночам

Украсть в столовой растворимого кофе (заходишь на кухню за добавкой восточной еды и немного кофе отсыпаешь в салфетку).

Налить воды из-под крана в чашку с надписью «Ленинград 1980», привезенную из дома. Засунуть туда кипятильник, включить в розетку.

Насыпать растворимого кофе в керамическую чашку с восточным орнаментом, которые нам тут выдали бесплатно.

Залить кофе вскипевшей водой. Тщательно размешать.

Перелить полученный напиток в чашку с надписью «Ленинград 1980», привезенную из дома, чтобы пить именно из нее.

Пожеланию — добавить сахар (предварительно украсть из столовой).

Постараться не морщиться.

Кэти Тренд

Кофе с пряностями

Просыпаюсь с утра от того, что солнце светит с непривычной стороны.

Ну вот, теперь уже и солнце.

Поднимаюсь, выглядываю в окно. Нет, солнце на месте, но за ночь под окном выстроили шестиэтажный стеклянный торговый центр, который отражает лучи прямо в мой угол. Вяз для этого пришлось сместить в сторону особнячка с деревянной башней. Особнячок пока стоит, что, в общем-то, странно. Но ведь и я пока никуда не исчезаю, нас двое на этом острове, я и домик, который я помню красным. Теперь-то он серый, а успел побывать зеленым.

Рано проснулся. Хочется кофе, а в доме шаром покати. И делать-то вроде нечего: статья сдана, уже, должно быть, и деньги за нее пришли. Наскоро бреюсь, разыскиваю телефон, пустой кошелек, банковскую карточку. Карточка обнаруживается в Цветке. Это не я, честно. Мне не могло прийти в голову кормить Цветок банковскими карточками, не для того я его с помойки спас. Стряхиваю землю, огладив пальцем забавного гиппокампуса в уголке карточки. Надеюсь, от земли карточки не портятся.

Интересно, где сегодня банкомат. Чтобы его найти, надо расслабиться, не думать о кофе, не думать о деньгах, вообще не думать. Погулять я иду, вон погода какая, холода прошли, яблони цветут. Вчера на моей улице финские яблони цвели, все в розовых облаках, а сегодня уже китайки, сами огромные, длинные, ложатся ветвями на провода, а цветы у них мелкие.

Заворачиваю за угол: вчера мой банк был там, и банкомат у него был в отдельной будке, за дубовой дверью с медной ручкой. Сегодня там обувной магазин, перегородку между будкой и основным помещением снесли, в закутке продают стельки и шнурки. Не думай о банке, гуляй, дыши. Три дня не вставая за компьютером сидел.

Неделю назад можно было в ларьке, который стоял вот тут, пива купить, попивать на ходу. Но ларьков у нас теперь нет вовсе, здесь такое сильное течение, что сносит их первыми. Вдруг — на тебе — магазинчик в подвале. Удачно. Заскакиваю в подвал, нашариваю по карману последнюю мелочь, беру выпендрежную мятую бутылку и довершаю ею свой джинсовый имидж. За моей спиной хмурые мужики в синих комбезах начинают демонтаж вывески «Продукты», рядом, прислоненная к стене, стоит уже вывеска про какой-то гламур. То ли женская одежда, то ли еще что похуже. Хорошо, успел.

Звонит телефон.

— Митька, — раздается на том конце несчастный голос

Светки, — ты не знаешь, где сегодня купить полипропиленового троса? Ты же у нас краевед.

— Не знаю еще, — говорю, — а тебе зачем?

— Да Наське обещала построить на даче лазалки, сегодня ехать, а все снаряги как корова языком слизала. Помоги, а, ты же всегда знаешь, что где! Пожалуйста…

— Ладно, ладно, — вздыхаю, — как только встречу — отзвонюсь.

Значит, теперь надо не думать еще и о веревках. Я так старательно не думаю о веревках, что вдруг обнаруживаю на углу банкомат моего банка. Засовываю карточку — о, доехало! Снимаю всё, наполняю кошелек пятью зелеными тысячами и несколькими синими полтинниками. С деньгами в кармане необходимое равновесие немедленно меня настигает, я уже не ищу ничего, не хочу кофе, не думаю о веревках, я самодостаточный человек посреди летнего городского острова.

В таком настроении я сразу, одно за другим, нахожу два прекрасных места.

На первом этаже старого Дома культуры появился продуктовый супермаркет. Позавчера тут была дубовая дверь, а теперь… нет, никаких сожалений, стеклянная, и ладно. То ли еще будет завтра. Захожу в магазин — и немедленно обретаю кофе в крафтовом пакете, кенийский, молотый, под названием «Живой кофе». Пахнет умопомрачительно. Это очень хорошо, что молотый, кофемолка у меня есть, но без крышки — течением снесло. Значит, кофе у нас есть, одно очко мне.

Второе место, большой строительный магазин, обнаруживается возле Печатного Двора, на месте фирменного книжного магазина. Вместо Печатного Двора там уже ресторан «Печатный Двор», ну, в сущности, небольшой сдвиг. А строительный магазин огромный и завораживающий. Застреваю там часа на два. Разглядываю инструменты, доски, штуки всякие полезные. На втором этаже даже скутеры продаются, и я несколько минут размышляю, не купить ли себе такой кататься по острову. Но стоит он, по крайней мере, трех статей, пока их напишешь, небось и магазина этого уже не будет. Там же, на втором этаже, обнаруживаются и веревки самого разного качества, намотанные на черные катушки. Звоню Светке. Обещаю постоять в дверях, подержать магазин.

Запускаю обрадованную Светку в магазин, отправляюсь дальше. Мне еще нужны пряности, которые можно купить только на рынке. Старательно не думаю о рынке.

Мимо проезжает вечный сороковой трамвай, на маршрут

которого нанизаны все острова. Если бы мне удалось хоть раз сесть на него, думаю я, я бы сразу все нужное нашел. Но, как назло, каждый раз, встречая сороковой трамвай, я нахожусь катастрофически далеко от ближайшей остановки, да и иду чаще всего в другую сторону. Нет так нет, иду вдоль трамвайных рельс. У меня хорошее предчувствие на их счет.

Пиво давно кончилось, начинает хотеться есть. Продуктовый магазинчик нахожу в какой-то щели между обувным и сумочным, захожу, покупаю себе еды домой и пару пирожков, зажевать на ходу. Выглядываю на улицу — и вижу полную даму, со всех ног несущуюся к магазину от перекрестка.

— Молодой человек! — пыхтит она. — Подождите! Подержите его для меня…

Послушно стою в дверях. Дама вскакивает в магазин, и я ее узнаю. Живет она недалеко от меня, примелькалась.

— Знаю… — задыхаясь, грозит она мне пальцем, — пока вы тут, магазин не исчезнет!.. Спасибо.

Снова встраиваюсь в вектор трамвайных рельс. И рельсы меня не подводят. Чудо: на маленькой поперечной улочке книжный магазин! Такая редкость.

Бросаюсь к нему, чтобы не убежал, долго брожу вдоль полок, щупаю корешки. Ко мне подходит продавец, длинный белобрысый парень с замашками голубого, нежно спрашивает, чем мне помочь.

— Мне бы фантастики какой-нибудь, — сообщаю не задумываясь.

— Вот. — Он подводит меня к полке с краеведческой литературой. «Улицы Городского острова», «Каменноостровский проспект», «Выборгская сторона», «Архитектура двадцать первого века». Действительно, фантастика. Люблю такие книги: впечатление от них разнится день ото дня. Выбираю себе три, по ближайшим улицам, интереснее всего перечитывать их отдельными главами, сравнивая с тем, что приносит течением. В магазин заходит женщина с недовольным выражением лица, продавец подходит к ней, я жду, пока он освободится, и слушаю, как женщина почему-то распекает его за то, что не успеешь оглянуться, как все уже исчезло. Удивленно пожимаю плечами: не только исчезает, ведь и появляется тоже! Вот какая прекрасная книжная лавка появилась, знай лови да радуйся.

Рынок я нахожу на месте старого трамвайного парка. Все они теперь успели во что-то превратиться, и где ночует вечный сороковой трамвай, я уже не представляю. Когда-нибудь мне все-таки удастся в него сесть, вот уж тогда посмотрю я собственными

глазами. А на рынке нахожу я и зерна кардамона, и звезды бадьяна, и сушенные целиком имбирные корешки.

Из окна кухни теперь виден дом с высокой зеленой крышей и фальшивыми печными трубами. Удачный мне подогнали вид для кофеварения: торговый центр уже снесло течением, на его месте возник старый фонтан, который я помню с детства, куст боярышника и два куста персидской сирени.

В моей квартире пока ничего не изменилось. Каждый раз, отправляясь на охоту, я надеюсь, что однажды сдвиг затронет и дом и откроется проход в ту самую комнату. С детства мне снилось, что внутри брандмауэра есть у меня лестница, ведущая в комнату, в которую все проваливается. Всякие любимые предметы, пропавшие из дома неведомым путем, скорей всего, там: кольцо моей бабушки, плюшевый Чебурашка, которого мне подарили на трехлетие, старые папины круглогубцы, стилет, который в семнадцать лет я выточил себе из напильника, конопляная рубаха, которую сшила мне Лу в период безудержного хиппизма; главное, о людях не думать, нет, только вещи, им не будет хуже от того, что я на них надеюсь. Но сколько бы всего ни менялось в городе, в доме все остается по-прежнему. Видимо, иногда бывают просто сны.

Кофе с пряностями

Четыре ложки кенийского кофе
Восемь зерен кардамона
Один лепесток бадьяна
Имбирь — на глазок

Кардамон и бадьян растолочь в ступке. Имбирь натереть на терке. Пряности прогреть в сухой джезве, засыпать кофе, залить горячей водой, поставить на маленький огонь. Трижды дать шапке пены приподняться. Снять с огня, легко, но настойчиво постучать джезвой о стол, пока пена не посветлеет. Пить, глядя на деревья и высокие крыши.

Лея Любомирская

После обеда

После обеда, когда обитатели дома престарелых Санта-Ана разбредаются по своим комнатам поспать час-другой, дона Мария де Жезуш идет к воротам. Ворота всегда закрыты, чтобы не разбредались постояльцы, многие из которых уже ничего не помнят и ничего не испытывают, кроме неудержимого желания хоть куда-нибудь уйти. В заведении не так уж и плохо, кормят вполне прилично, есть сад с розами и телевизор, а сиделки и медсестры внимательны и почти не раздражаются, даже если старики начинают капризничать и скандалить из-за места у телевизора или шоколадного мусса, которого всегда слишком мало. Но все там пропитано такой серой тягостной тоской, такой унылой обреченностью, что трудно дышать. Даже крепкие, ко всему привычные сиделки иногда срываются с места, выбегают за территорию и стоят там, жадно хватая воздух ртом.

Дона Мария де Жезуш прислоняется лбом к прохладной металлической ограде и закрывает глаза, чтобы не видеть машин и людей. Она бы и уши закрыла руками, но руки ей нужны свободными. Несколько мгновений дона Мария де Жезуш стоит неподвижно, напряженно вглядываясь в темноту под веками. Потом поднимает правую руку и щелкает выключателем. Комнату заливает яркий свет, такой резкий, что дона Мария де Жезуш от неожиданности открывает глаза, но тут же закрывает снова и торопливо щелкает другим выключателем. Яркий свет сменяется приглушенным, янтарным, очень уютным. Дона Мария де Жезуш удовлетворенно кивает головой, достает из кармана передника маленькую тряпочку и смахивает невидимую пыль с красивого светильника на комоде. Потом включает огромную квадратную радиолу и настраивает ее на радио Палмелы. Три года назад господин инженер подарил ей на Рождество большой телевизор, будете смотреть сериалы, сказал, улыбаясь, но дона Мария де Жезуш так и не привыкла к телевизору и отдала его кому-то из племянников.

По радио начинается программа по заявкам. Дона Мария де Жезуш проходится своей тряпочкой по радиоле, старенькому комоду и деревянным подлокотникам зеленого кресла. Потом прячет тряпочку обратно в карман передника и вытаскивает из-за шкафа большую гладильную доску. Дона Мария де Жезуш очень любит гладить белье и слушать радио. Это куда лучше, чем какие-то там сериалы.

* * *

После обеда дона Граса позволяет себе присесть на минутку в

кресло. С утра она уже перестелила постель — господин инженер не любит спать два дня подряд на одних и тех же простынях, — постирала, сменила наполнитель в кошачьем туалете, вычистила обе ванные, прибрала в детской, сделала обед, забрала из школы барышню Жулию. накормила ее и отправила с шофером к учительнице музыки. Теперь осталось только помыть посуду, подмести, вымыть полы и погладить белье. Дона Граса терпеть не может гладить, но господин инженер платит ей за глажку дополнительно сто пятьдесят евро в месяц, а деньги ей сейчас, когда Фернанду уволили, очень нужны.

Дона Граса закрывает глаза и ждет, пока глаза привыкнут к темноте и впереди засветится солнечное пятно. Потом она выходит из арки и идет по направлению к авениде Луизы Тоди. Там, чуть-чуть не доходя до авениды, есть что-то вроде дома престарелых — небольшой потертый особнячок с чудесным, но очень запущенным розовым садом, по которому в любую погоду молча гуляют старики с отрешенными лицами. Дона Граса входит через маленькую дверь в ограде сбоку от особнячка. Ей хотелось бы хоть раз войти через парадный вход, но он всегда закрыт на огромный ржавый замок, и дона Граса никак не подберет к нему ключа. Старики, бесплотные и равнодушные, как будто вырезанные из бумаги, даже не смотрят на нее, когда она берет ножницы и начинает бережно подрезать розы.

* * *

Дона Мария де Жезуш доглаживает последнюю наволочку и убирает ее, еще теплую, в шкаф. Ставит выключенный утюг на металлическую подставку на комоде, складывает и задвигает за шкаф гладильную доску. Потом выключает радиолу и смотрит на часы. Если она поторопится, она еще застанет дону Грасу и выпьет с ней чашечку кофе.

Bavaroise[1] de café

Для приготовление capilé:
Вода — 3,5 л
Сахар — 2,5 кг
Вода из-под апельсинового цвета и листья а венки (Adiantem capillus-veneris, папоротник адиантум «венерин волос», растет в европейских субтропиках и на подоконнике) — по 100 г

Мелко нарубленные листья «венерина волоса» сложить в кастрюлю, залить 1,5 литрами кипящей воды и закрыть крышкой. Пока стынет вода, из оставшейся воды и сахара сварить сироп до пробы на «тонкую нитку».

Остывшую воду с листьями процедить через влажную ткань, тщательно отжимая листья руками, и смешать с сиропом.

На огне довести до пробы на «слабую помадку», снять с огня и, когда слегка остынет, добавить воду из-под апельсинового цвета.

Остудить, залить в бутылку.

Для приготовления bavaroise:
Желток — 1
Capilé — 1 большая рюмка
Кофе — 3,5 дл

На слабом огне взбить миксером желток с рюмкой capilé. Не прекращая взбивать, влить тонкой струйкой очень горячий кофе и, когда пена начнет липнуть к лопаткам миксера, выключить миксер, разлить напиток по подогретым бокалам и немедленно подавать.

Это не кофе

— Это не кофе, — рявкнул Мигел и замахнулся. Филомена испуганно сжалась. Пожалуйста, подумала она, пожалуйста, пожалуйста…

— Это не кофе, — мягко сказал Амброзиу и крепко взял Летисию за запястье. Летисия побледнела, но попыталась улыбнуться. Пожалуйста, подумала она, пожалуйста, пожалуйста…

— Кофе, — размеренно говорил Мигел, отвешивая Филомене пощечины. — Должен. Быть.

— Горячим, — промурлыкал Амброзиу, удерживая руку Летисии в кофейнике. — Кофе должен быть горячим, моя дорогая.

Из носа и разбитой губы у Филомены текла кровь, но она стояла неподвижно, даже старалась не моргать,

чтобы не разозлить Амброзиу. Летисия боялась даже

подумать, что будет, если он разозлится.

— Ты меня поняла? — Мигел брезгливо вытер руку о халат.

— Если нет, в следующий раз я объясню доходчивее. — Амброзиу еще раз улыбнулся и выпустил руку Летисии. — Идите умойтесь, моя дорогая.

— А то весь халат мне испачкала кровью.

— А потом сварите мне хорошего кофе, — Амброзиу выделил голосом «хорошего».

— И побыстрее,

— Дорогая.

Филомена *подняла поднос* и, пятясь, *вышла из комнаты*.

* * *

Идет охота на производителей кофе?

Тело еще одного кофейного плантатора, тридцатипятилетнего Амброзиу Пинту Баштуша, было обнаружено в минувшую пятницу, сообщает наш корреспондент из Кубала.

Полиция пока воздерживается от каких-либо заявлений.

* * *

Чайный салон «Фелисия» приглашает всех желающих на чашечку чая.

Сегодня и ежедневно вам будут предложены лучшие сорта чая со всего мира, а также домашняя выпечка.

Чайный салон «Фелисия»: мы понимаем в напитках.

* * *

Фелисия берет чашку затянутой в перчатку рукой.

— Это не кофе, — говорит Фелисия.

— Это не кофе, — повторяет за ней Фелисия. Из-за

маленького шрама в углу рта кажется, что она все время улыбается.

— Это не кофе, — соглашается корреспондент и отставляет свою чашку. — Ну ладно, приступим. Расскажите, как вам пришла идея открыть чайный салон?

Café creme

Крепкий кофе — 3 децилитра
Молоко — 3 децилитра
Сахар — 200 граммов
Яичные желтки — 4

Тщательно взбить желтки с сахаром.

Согреть молоко и доливать его понемножку в желтки, все время помешивая.

Как только закончится молоко, сделать то же самое со свежесваренным и отфильтрованным (если варился в джезве) кофе.

На водяной бане взбить венчиком или миксером до кремообразной пышности. Подавать в чашечках.

Moendo café

…а ты думал, будто я не знаю, что ты делал вчера, когда я молола на кухне кофе, о глупый муж мой?

Я бросила на стол щедрую горсть зеленых зерен родом из Вьетнама, юных, невинных зерен, загадочных и равнодушных, как твои глаза, и они рассказали мне, как ты на цыпочках крался прочь из дома, о недостойный муж мой.

Потом я бросила горсть свежеобжаренных зерен родом из Бразилии, благоухающих коричневых зерен, ярких и сладких, как твоя кожа, и они рассказали мне, где ты провел всю ночь, о неблагодарный муж мой.

В конце я бросила горсть пережженных зерен, горько пахнущих зерен родом из Анголы, черных, как твое сердце, и они рассказали мне, кого ты обнимал до утра, о лживый муж мой.

Утром ты пришел на кухню, о неосторожный муж мой. Ты пришел на кухню и попросил меня сварить тебе кофе. Ты надеялся, что аромат кофе заглушит чужой запах от твоей одежды и я его не почувствую, о самоуверенный муж мой?

Я сделаю тебе кофе, о неверный муж мой.

Я смету со стола в мельницу зеленые зерна родом из Вьетнама, и коричневые зерна родом из Бразилии, и черные зерна родом из Анголы. Твои глаза, твою кожу, твое сердце смелю я в старой ручной мельнице, о ненавистный муж мой.

Вечером, когда твоя женщина не дождется тебя и придет искать тебя в моем кафе, я молча налью ей кофе. Кофе, какого она никогда еще не пила. Кофе, крепкого, как твое тело, горячего, как твои ласки, и сладкого, как твои речи, о прекрасный муж мой. Твоя женщина отопьет глоток и забудет тебя. Забудет тебя и полюбит мой кофе. Я знаю, о чем говорю, о бедный муж мой. Их много, этих женщин в моем кафе. Они каждый день пьют кофе и не спрашивают, где те мужчины, которые их обнимали когда-то.

Ну что ты плачешь? Ты же знал, что до тебя у меня было много мужей, о забывчивый муж мой.

Кофе «Brulote»

Очень крепкий кофе — 1/2 литра
Сахар — 8 кусочков
Агуарденте или коньяк — 1/2 децилитра
Лимон, корица, гвоздичка — сколько хочется

В серебряную мисочку положить: сахар, одну палочку корицы, корочку одного лимона, три гвоздичины.

Полить агуарденте или коньяком и поджечь.

Мешать, пока сахар не растворится.

Смешать со свежесваренным, очень горячим кофе.

Подавать в маленьких чашечках

Наслаждаться.

Кофейная Тетушка

Кофейный Человечек — см. Человечек Кофейный

Человечек Кофейный — человечек размером с кофейное зерно. У народов банту — дух-покровитель родственных связей и символ счастливого материнства. Увидеть ЧК во сне: к радости, исполнению желаний. Увидеть ЧК в чашке: к

скорейшему разрешению проблем. Незамужней девице увидеть ЧК в зеркале: к скорой свадьбе и многочисленному здоровому потомству[2].

«Вот зачем я сегодня пришла к ужину? — с тоской думает Кофейная Тетушка, сидя на корточках и обводя пальцем в пыли контуры своих босых ног. — Ведь знала же, что она опять будет весь вечер меня воспитывать! Уже сто раз зарекалась! Нет, поперлась…»

— Ты меня не слушаешь, — укоризненно произносит Матушка Какао, вымешивающая тесто для коржиков. — Ты опять вертишься и не слушаешь! С тобой разговаривать — как с несвежим кокосом!

— Почему — с несвежим кокосом? — вяло удивляется Тетушка, озабоченная тем, чтобы линия была непрерывной.

— Потому что! Выражение лица деревянное — раз. Если потрясти, булькаешь что-то невнятное — два. — Матушка Какао раздраженно пытается заправить за ухо выбившуюся из сложной прически косичку. Косичка не слушается и выворачивается из пальцев как живая. На лоснящейся коричневой щеке Матушки Какао остаются белые полоски от испачканных в муке пальцев. Кофейная Тетушка, не сдержавшись, хихикает. Вначале тихонько, потом все громче, запрокинув голову и всплескивая руками. Матушка Какао бросает на младшую сестру сердитый взгляд, но Кофейная Тетушка этого не видит — она не удержала равновесие и свалилась в пыль и теперь лежит на спине, как перевернутая черепаха, хохочет и болтает в воздухе ногами.

— Дурочка, — с ворчливой нежностью говорит Матушка Какао. — Вот что ты вытворяешь? Извозюкалась вся, как бородавочник. Вставай и отряхивайся, а то как дам по заднице!

— Не имеешь права — по заднице, — заявляет Кофейная Тетушка, поднимаясь на ноги и не особенно старательно отряхивая от пыли когда-то яркую, а теперь серо-бурую коротенькую набедренную повязку. — Я совершеннолетняя!

Матушка Какао с улыбкой смотрит на нее и снова заправляет за ухо непослушную косичку.

— Вот именно, — говорит она. — Ты уже взрослая, детка, а ведешь себя как дитя несмышленое. Давай-ка бросай свои глупости и выходи замуж. Ухажеры вокруг тебя толпами ходят!

— Как гиены вокруг трупа, — хмуро заявляет Кофейная Тетушка. Настроение у нее опять портится.

— Детка…

— И отстань от меня с ерундой! — Кофейная Тетушка топает ногой, вздымая облачко пыли. — Я не пойду замуж! Никогда! Никогда!!!

— Детка…

— Что — детка?! — почти кричит Кофейная Тетушка. — Ну что — детка?! Ты вон вышла замуж! Нравится тебе?! Счастлива ты?! У тебя же синяки с лица не успевают сходить!

Красивые глаза Матушки Какао наливаются слезами.

— Это неважно, — шепчет она. — Это не главное. Зато у меня будут дети. Ты ничего не понимаешь, дети — это единственное счастье, возможное для женщины в этом мире…

Кофейная Тетушка осторожно обнимает поникшую сестру, стараясь не задеть ее круглый живот, и гладит ее по спине.

— Между прочим, — шепчет она в перепачканное мукой круглое ушко, — для того чтобы иметь детей, вовсе не обязательно выходить замуж!

— Ты что?!! — в ужасе отшатывается Матушка Какао. — Ты что, дурочка, что ты несешь?!! Ты что, беременна?! Тебя же бросят крокодилам, если узнают! Детка моя, что ты натворила!!!

— Ну прекрати, не паникуй! — Кофейная Тетушка вовсе не выглядит напуганной. Наоборот, она довольна, ее глаза радостно искрятся, а губы сами собой расползаются в улыбке. — Смотри!

Из круглого мешочка, висящего на шее, Кофейная Тетушка достает маленькое зеленое зернышко с ложбинкой посередине. Кладет его на ладонь, подносит ко рту и начинает осторожно на него дышать.

— Что это? — шепчет Матушка Какао.

Кофейная Тетушка делает страшные глаза — не мешай, мол, — не переставая дышать на зернышко. Постепенно зернышко из землисто-зеленого становится коричневым и блестящим и начинает издавать упоительный аромат. Потом у него проклевываются ручки, ножки, круглая головка, и вот уже на ладони у Кофейной Тетушки лежит крошечный, совершенно голенький мальчик. Кофейная Тетушка высовывает кончик розового языка и по-кошачьи вылизывает ребенку личико. В ту же секунду малыш открывает глаза и начинает хныкать.

— Можно я его потрогаю?! Пожалуйста! — Дрожа от возбуждения, Матушка Какао прикасается к мальчику вначале пальцем, потом мягкими губами. В аромате, который исходит от ребенка, появляется томительная сладкая нота.

— Как его зовут? — спрашивает Матушка Какао, не отводя глаз от малыша.

У Кофейной Тетушки вид победительницы.

— Нуууууууууу… — тянет она. — Пусть будет Мокка.

Мокка

Кофе — 3 децилитра
Горячий шоколад
Сахар, колотый лед, взбитые сливки

Для горячего шоколада:
Горячее молоко — 1 литр
Сладкий шоколад — плитка в 225 граммов
Горячая вода — 1 децилитр
Ваниль, сахар — по вкусу

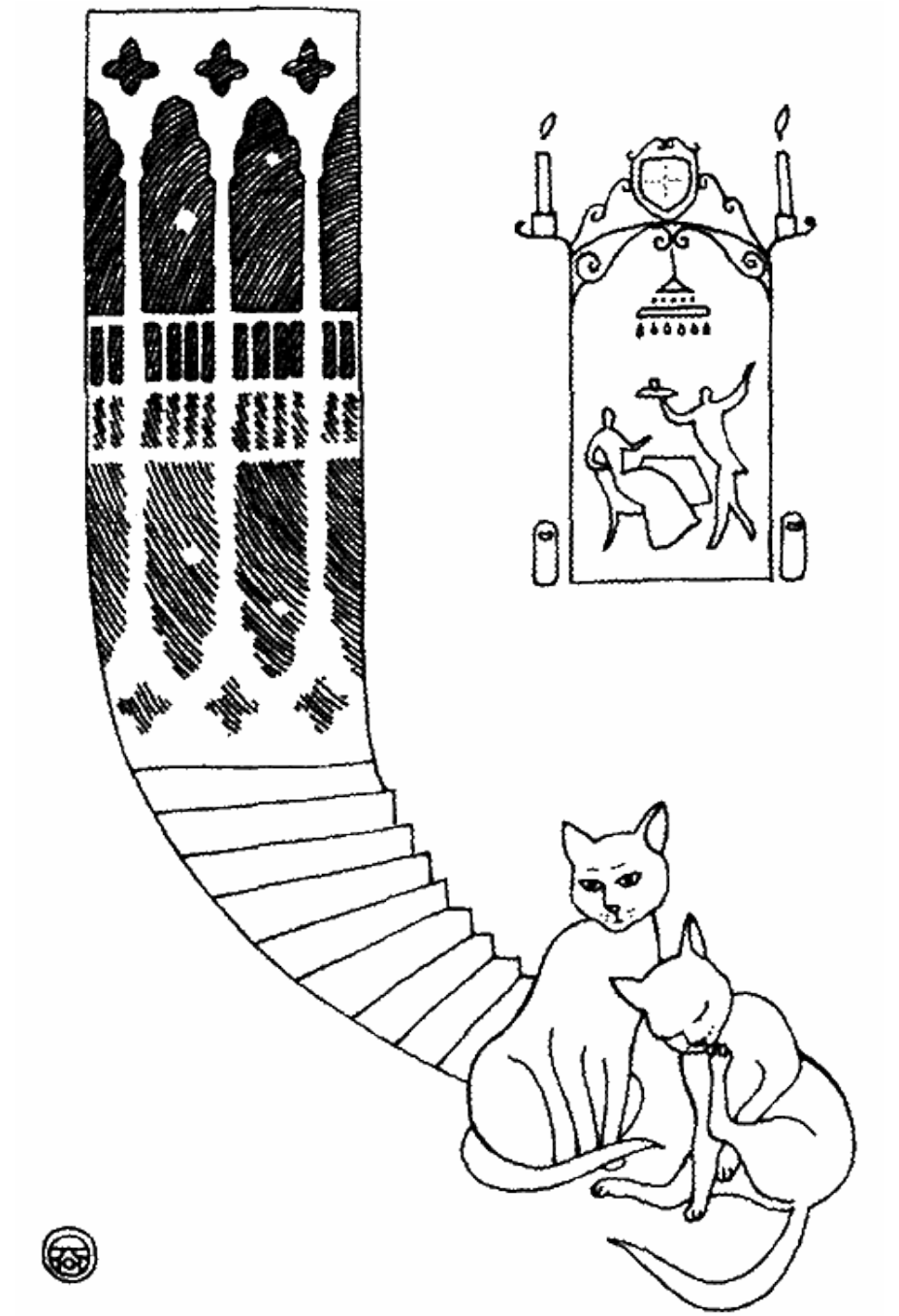
Разломать шоколад на кусочки и растворить в воде на маленьком огне. Добавить молоко и ваниль, все время помешивая в течение 20 минут.

Выключить огонь, смешать с горячим, свежесваренным кофе. При желании добавить сахару.

Охладить, потом переставить в холодильник и почти заморозить.

Подавать в широких низких бокалах с колотым льдом, украшать взбитыми сливками.

Александр Шуйский



Из цикла «Пять предметов, пять времен суток»

Джезва

ВРЕМЯ: То, что в этот день называется утром, то есть промежуток от одиннадцати утра до двух дня, в зависимости от того, во сколько лег.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Тело, Дух и Джезва

Дух. Полпервого уже, между прочим…

Кошки (*за кадром*). Яа-а-ау!

Тело (*сонно*). Идите к черту, гады, дайте поспать. А ну, слезла с принтера, мерзопакость!

Принтер (*за кадром*). Бдляк, чавк, вжж, а у меня, между прочим, синий цвет в картридже ожил, тьфу бумажку!

Тело (*не просыпаясь*). Я безмерно счастлив это слышать…

Дух. Кофе.

Тело (*жалобно*). Яа-а-ау!

Кошки (*за кадром радостно подхватывают*). У-я-ааау!

Кошка Ульяна приходит трогать лапой. Дух бежит на кухню и начинает шарить среди баночек.

Дух (приговаривая). Кофе-кофе-кофе-коофе…

Тело (охренев). Уська, ты чего? Да, хорошо, хорошо, я встаю.

Пошатываясь, встает с кровати, у него кружится голова, тело поспешно садится.

Дух (с упреком). Мог бы и привыкнуть уже.

Тело (беззлобно). Сгинь, нечистая сила.

Дух (настойчиво). Кофе.

Тело (постепенно просыпаясь). Кофе. Хм. Это мысль.

Осторожно идет на кухню. Кошки кидаются под ноги в самом узком месте коридора. Но это происходит каждый день, и тело машинально сохраняет равновесие. Лезет за кормом, рассыпает по мискам. В тот момент, когда тело наклоняется над мисками, его застает второй утренний приступ головокружения.

(*Быстро сев и уперевшись лбом в стенку*). Ой, бляяяя…

Дух (*настойчиво*). Кофе!!

Тело кладет в недосягаемое место корм (в кухонный диванчик, очень удобно, из всех шкафов они доставали) и берет в руки джезву. В ней еще со вчера осталось немного кофе. Выливает

в чашку, выпивает.

Тело. Мм, настоялся… Так, что нам сегодня сварить? Корица, мускат, имбирь…

Дух (*деловито, но уже не так напористо, пора объединяться с телом*). Имбирь. У тебя все еще башка кружится.

Тело. Ага…

Моет джезву, сыпет кофе, заливает водой, начинает колдовать.

Дух (*удовлетворенно*). Ну вот, так гораздо лучше. Доброе утро.

Кофе для воссоединения души с телом

Взять джезву, засыпать четыре чайные ложки кофе, залить водой. Когда начнет закипать, добавить имбиря, желательно свежего, на терке, но можно и в виде готовой специи. Сахар не класть; если уж очень трудно проснуться, можно добавить ложку меда в чашку.

Волшебная машинка для набивки сигарет

ВРЕМЯ: Примерно половина восьмого вечера. Очень тепло и очень тихо.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Машинка для набивки сигарет, Города.

Положить табак, вставить гильзу, закрыть, резким движением передернуть, как затвором. Вильнюс.

Стоит выйти на берег реки, моментально оказываешься в том Вильно, который два века назад.

Ничто не изменилось, кричат толстые тетки, звякает колокольчик на двери маленькой аптеки, мечется белье на веревках, вода прошедшего ливня несется вниз по булыжнику мостовой. О том, что спадает жара, возвещает колокольный звон, пять вечера, пора служить Богу.

Крыши и башни, дворы и переулки, магазинчики сувениров и кофейни тасуются, как колода карт, джокеров полон рукав, колоды все время разные. Когда затертая игральная, из какого-нибудь притона, неоднократно крапленная, но полная. А когда —

совсем новенькая, только что из типографии, ее только для виду немного выпачкали и засалили. Но в этой колоде много пробелов, и недостающие картинки кем-то дорисованы от руки. Смерть и Повешенный, и Четверка Мечей, и Девятка Чаш.

В двух моих окнах днем видны три башни и множество крыш, — и на свету это смешное барокко. Ночью же они превращаются в сказочные призраки, то ли строения, то ли скалы, в пятнах голубого и желтого света. Весь день облака на лету отъедают от них по кусочку, а за ночь башни нарастают снова. Слышится музыка и постоянное хлопанье крыльев. Жара и грозы каждый день. Липы пахнут так, что ложишься на ветер и плывешь в этом золотом мареве, а где нет лип, там цветет жасмин или скошена трава. Воздух можно резать ломтями и есть на завтрак. Смерть и Повешенный, и Четверка Мечей, и Девятка Чаш. И Близнецы, хоть я и не знаю, из какой они колоды.

Положить табак, вставить гильзу, закрыть, резким движением передернуть, как затвором. Ялта.

Маленькая табачная лавочка на набережной материализовалась из ниоткуда: крошечная дверь в стене, запахи — как в табачном раю, немного старого дерева, немного старых трав. Нашлись гильзы, нашелся свежий табак, а машинка у меня своя.

Над морем — странное марево, оно смешивается с сигаретным яблочным дымом. На краю мира начинает мигать маяк, белая башня, и сквозь марево я вижу, как на мгновение он раздваивается — две высокие башни с горящими окнами, те, что загорались в сумерках сбоку от мансарды. Сигарета докурена, я лезу в кисет, проделываю весь ритуал заново, передергиваю машинкой, как затвором. Маяк подмигивает с края мира. Сейчас совсем стемнеет, и море будет обозначать только полоса беспокойного прибоя. А дальше чернота и маяк. Или близнецы миссионерской церкви.

Положить табак, вставить гильзу, закрыть, резким движением передернуть, как затвором. Киев.

Жить бы где-нибудь здесь.

На горке над Крещатиком, где-нибудь сбоку от Лютеранской улицы, смотреть на Город сверху, как смотрят птицы, недоумевать вместе с ними.

Бродить целыми днями, пинать круглые, гладкие каштаны, шевелить большепалые листья, ловить свет, как дождь, ртом и руками, слизывать с пальцев. Болтать с химерами и капителями колонн — они все болтливые, удержу нет, все химеры хихикают, все колонны пытаются корни пустить, даром что коринфский ордер, имперское чванство, он все равно заканчивается башенкой набекрень, как шляпкой на городской сумасшедшей.

Или осесть на Андреевском, бегать вверх-вниз по всем его лесенкам, по холмам и горкам, считать купола над городом, как ворон на деревьях: один полетел, два остались. Или схорониться в яблоневом саду за калиткой в Лавре. Залезть кошкой в медуницу, сунуть нос в пахучие травы, листву под бок подгрести и дремать, пока не настанут морозы, а там уж можно куда-нибудь под крыльцо или еще что придумать.

И растягивать, растягивать эту осень, этот золотой свет, этот золотой лист, этот каштановый град на всех улицах, тянуть ее, сколько возможно, как долгую-долгую ноту высоким соборным голосом, удержать осень за золотую косу, посадить над Днепром, как Лорелей, пусть сидит всем на гибель, косы чешет, ворошит листья, ворожит солнце. И жить бы где-нибудь здесь, у нее под боком, хоть химерой на доме, хоть камнем в звонкой брусчатке, хоть каштановым паданцем в листьях, только бы жить где-нибудь.

Положить табак, вставить гильзу, закрыть, резким движением передернуть, как затвором. Венеция.

Этот Город. Венецианский треугольник, есть где пропасть, есть от чего потерять память и разум.

В нем воды больше, чем камня, эта вода стояча, она колышется и переливается маслянисто, как кровь или нефть, — при свете дня и при свете ночи, и свалиться в нее, заглядевшись на башни, проще простого, она жадная и бездонная, эта зеленая вода. Камень здесь не держит ничего, камню не удержать эту воду, эта вода уже не безумия, а той стороны безумия, счастье которой так велико, что ослабляет, как рана, — и так же смертельно. Острова отрезаны друг от друга морем, все улицы ведут вниз по ступеням в воду, а мосты ничего не соединяют, только больше запутывают тех, кто еще держится на ногах. Двери открыты в воду, окна открыты в воду, все тысячи тысяч ступеней этого города ведут в воду, она всегда стоит Городу у самого горла. В городе зияют сотни дыр, они осязаемы и зримы, провалиться в них — проще простого, еще проще, чем свалиться в канал. И единственное, что держит его, — это сотни и сотни

осиновых кольев, вбитых ему в зеленую влажную плоть. Они торчат над водой, к ним привязывают лодки, даже раскрашивают в яркие цвета и золотят — ну да, осиновый кол, очень толстый, подумаешь, велика важность, дело привычное.

Положить табак, вставить гильзу, закрыть, резким движением передернуть, как затвором. Кафе на кривой узкой улочке, три столика, один занят.

— Привет. Ты кофе здесь пьешь?
— Ага. Присоединяйся. У меня вишневый табак.
— Отлично. А где это мы?
— Понятия не имею. Заодно и выясним. Садись, остывает.

Рецепт для не слишком хорошего эспрессо в кофейне

Любой плохо сваренный в кофейне эспрессо можно улучшить очень простым способом: попросить к нему меда и лимона. Лимон тщательно выжать, попробовать результат. Если все еще не очень, добавить немного меда.

Примечание: на американо не действует, даже не пытайтесь. Плохой американо не исправишь ничем.

Доска для записей

На самом деле ее нет — доски, на которой можно было писать фломастерами или мелками или лепить записки магнитиками. Давно пора купить, да все как-то не собраться. Но если бы она была, то выглядела бы примерно так.

ВРЕМЯ: Круглосуточно.
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Доска с мелком и магнитами, все обитатели квартиры.

«Я сегодня поздно, купи колы, кошек я кормила, целую, Тигр».

«Очинь мало! (*Отпечатки трех кошачьих лап.*) Между прочем мы слышели отакой породе — бигимотапатамы. Их кормят восимь рас вдень. Праверьти наши радасловные!»

«Фигу вам. Между прочим, у тех, кто подсматривает в монитор, пропадает аппетит, а еще их лупит по заднице хозяин.

Стр.». (*Нарисована зверская рожа.*)

«Я только что убежал. Кофе».

«…!» (*Неразборчиво, зачеркнуто.*)

«Ты не видел мой маникюрный набор? Да, и очки я где-то оставила. Купи мне, пожалуйста, физраствор, у меня кончается!»

«Все на комоде, физраствор куплю. Заберешь меня завтра из города? Звонила Анька, сказала, будет завтра вечером».

«Звонила Анька, завтра ее не будет. Конечно заберу. Тигерь».

«Какая сволочь наблевала мне на рабочий стол? Никто ничего не получит до самого вечера».

«Патамушьта этот ваш новый корм — дрянь. Так и скажыте прадавцам. Ищо миня ташнило под батарейей и под диваном. Лямбда».

«Господи, бедный котенок. Я вечером куплю ей консервов, заяц, заедь завтра на Петроградку за нормальным „иглпаком“, а то мы с ее почками хлопот не оберемся, люблю, Тигерь».

«Мы уже два чиса читыре дня ничево ни ели!»

«Меня осталось три ложки. Сигареты просили передать, что их две штуки в пачке, с табаком связаться не могу. Кофе».

«Пройдусь по магазинам, заодно счета оплачу, не скучай, если придешь раньше. Анька-то приедет сегодня? Стр.».

«Звонила Анька, заедет завтра. Купи ужин, ладно?»

«Тигр, рыжий, полосатый, на веревочке осатый!»

«Сам ты колбаса на веревочке оса, вот! Я с Анькой приеду, но поздно. Хорошо, что мосты еще не разводят. Тигр, Прыгающий на Хвосте».

«Девачка моя я тибя хачу».

«Кто это написал? Стр.».

«М-да. Я думала, что ты. Тигр Хихикающий».

«Я когда-нибудь выкину на фиг всех этих котов! Стр.».

«Мы есть хатим!» (*Три отпечатка кошачьих лап.*)

«…!» (*Неразборчиво, зачеркнуто, нарисована зверская рожа.*)

«Я таки приказываю посторонних вещей на печке не писать под угрозой расстрела всякого товарища с лишением прав! © Тигр Хихикающий и Прыгающий на Хвосте».

Утренний кофе с тремя котами

Выйти на кухню, споткнуться об котов. Нашарить банку с кофе, обнаружить в ней две с половиной ложки. Чертыхнуться, выйти с кухни, споткнуться об котов. Залезть в кладовку в поисках кофе, нашарить банку с персиковым компотом, принести ее на кухню, вскрыть, оглохнуть от истошного мява: с точки зрения котов,

консервы бывают только с мясом или рыбой. Покормить котов. Сожрать персик из банки, вспомнить про кофе. Еще раз сходить в кладовку. Долго рыться, найти пять разных пачек, в зернах, турецкий, с орехом макадама, с ванилью, с шоколадом. Выбрать. Вернуться на кухню, вынуть кота из банки с персиками и сварить себе наконец хоть что-нибудь.

Кошкины слезки

Вокруг меня всегда очень тихо. Может быть, поэтому она пришла именно ко мне.

Когда мне хочется разбить тишину, я вытягиваю губы трубочкой и издаю тонкий свист, который слышат только собаки и летучие мыши, но ближайшая собака живет тремя этажами выше, а летучих мышей в нашем доме нет.

И когда она появилась у меня на лестничной площадке, я вытянул губы и присвистнул — такая тощая и жалкая она была с виду.

— Не кричи, — сказала она, недовольно морщась. — Могу я войти? Я хочу есть и пить, а у тебя полный пакет еды.

Я растерянно взвесил в руке пузатый пакет из универсама и принялся искать ключи по карманам.

— Конечно, — сказал я. — Только у меня не прибрано.

— Ерунда, — сказала она с видом царицы Савской и зашла в дом.

Мы разделили на двоих куриную печенку с картошкой — картошка мне, печенка ей, — она из последних сил залезла на диван, пробормотала «прошу прощения» и заснула на сутки.

Пока она спала, я прошелся по магазинам: мое холостяцкое жилье было совершенно не приспособлено для женщины. Проснувшись, она оглядела мои покупки, фыркнула, но тут же перепробовала все обновки.

— Наполнитель купишь впитывающий в следующий раз, — распорядилась она. — И блох у меня нет, можешь не распечатывать этот зеленый ошейник. А так все хорошо.

Мое утро всегда начинается с кофе, даже если оно начинается в четыре часа дня. Ночью я обычно работаю — переводы, таблицы, платят не слишком много, но это можно делать из дома, а общаться с заказчиком только почтой. За срочность платят больше, и я часто ложусь не когда стемнеет, а когда закончу. После этого мне нужно отоспаться, а проснувшись, сварить кофе. Не рабочий допинг наспех, который лишь бы покрепче, а

настоящий, «на три воды», с корицей и мускатом.

Она вошла на кухню, как только стихла кофемолка. Я выложил ей еды, она быстро и аккуратно поела, потом молча ждала, пока я не сцедил себе черную жижу в чашку и сел, и только после этого вспрыгнула мне на колени.

— Мне, в общем, только бы отоспаться, — сказала она накануне вечером. — Я поживу у тебя дня четыре?

— Может быть, останешься? — сказал я тогда робко.

— Ну, может быть, — протянула она. — Еще не знаю. Как получится.

А сейчас я прихлебывал кофе, гладил ее по пестрой трехцветной шерсти, чувствуя каждый выпирающий позвонок, и думал, как бы спросить, что она решила.

Но заговорила первой она:

— Ты ведь не станешь спрашивать, как меня зовут? Вы всегда даете кошкам свои имена.

— Не стану. Если только ты сама не захочешь.

— Тогда придумай что-нибудь.

Я рассмеялся и сказал: «Сара, конечно». — «Почему Сара?» — «Потому что царица Савская».

— А, — сказала она и зевнула. И принялась вылизываться.

Кошки всегда вылизываются, когда не хотят говорить или не знают, что сказать. Точно так же люди начинают теребить на себе одежду, или курить, или чесаться, или разглядывать ногти. Я посмотрел на свои ногти и подумал, не обидел ли ее чем-нибудь, но мы оба промолчали.

Когда я собрался в магазин, она потребовала выпустить ее во двор. «Я скоро вернусь», — сказал я. «Угум», — сказала она и быстро лизнула переднюю лапу. Из подъезда мы вышли вместе, она исчезла за углом, даже не оглянувшись.

Я не должен был этого делать, но я пошел за ней. В спину не дышал, конечно, отставал на один поворот, но в наших проходных дворах легко проследить, куда идет кошка, ведь она всегда останавливается перед каждой подворотней, а их много. Она прошла четыре двора насквозь, пересекла узкую улицу, вошла в арку напротив, нырнула в кусты и исчезла. Этот двор не имел сквозного прохода, она могла уйти только в подвал. Я огляделся, запоминая место: четыре подъезда, чахлый газон с сиренью и акацией, пять машин на тесном пятачке, единственный тополь и скамейка под ним. Надеюсь, она скажет мне, если у нее тут котята, подумал я.

Я выбрался из двора и на всякий случай зашел в соседний. Так и есть. Один из подъездов, заколоченный с той стороны, был

открыт с этой, окна лестницы выходили как раз на двор с тополем. Я поднялся на второй этаж и присел на подоконник. Сара сидела под скамейкой с таким видом, будто была здесь всегда, с сотворения мира. Подожду немного, подумал я.

Мы ждали около трех часов. Уже начинало темнеть, когда Сара зашевелилась под скамейкой. В арку стремительно вошла молодая женщина с двумя набитыми пакетами в руках. Сара высунула нос, следя за ее проходом через двор, проводила взглядом до самого подъезда, но выходить не стала. В квартире на втором этаже зажегся свет, в открытое окно кухни донеслось звяканье посуды, а через несколько минут запахло горячим маслом. Сара вскочила на скамейку, чтобы разглядеть окна получше. Хозяйка хлопотала на кухне, даже, кажется, что-то напевала. В кухню вышел мужчина, подошел к ней и обнял со спины. Сара соскочила на асфальт и ушла со двора.

Когда я вернулся с продуктами, она уже сидела у моих дверей, тщательно умываясь.

Поздно вечером она пришла ко мне на письменный стол и заглянула в монитор.

«Что ты делаешь?» — «Перевожу. С английского на русский».

Я видел, что она удивлена и заинтригована.

— Переводишь людей для людей? Бедный. — Она даже слегка боднула меня в плечо в знак сочувствия.

Я поспешил ее утешить:

— Ну что ты. Я же не вижу тех, кого перевожу, и тех, для кого перевожу. Мне не нужно жить в двух мирах, как вам. Для вас это вопрос жизни и смерти, а для меня — только заработка.

— Но ты все равно знаешь, — возразила она, спрыгнула со стола и ушла на кухню.

Кошачье племя — прирожденные переводчики, они живут на границе между «есть» и «могло бы быть», видят оба мира разом. Любой котенок очень быстро учится слышать разницу между тем, что люди говорят и что имеют в виду, потому что под самым простым «кис-кис-кис» может скрываться все что угодно, от «иди сюда, я тебя покормлю» до «у меня есть консервная банка, и я хочу привязать ее к твоему хвосту». Те, кто не учится, просто не выживают.

Я закончил главу, встал из-за компьютера и вышел сварить себе кофе. Сара умывалась на диване.

— Извини, что я спрашиваю, — сказал я. — Но ты… ты пыталась переводить людей для людей?

Она продолжала тщательно мыться. Но в конце концов ответила:

— Я просто ушла.

Каждый день в одно и то же время она просила ее выпустить. Я знал, куда она ходит — встречать хозяйку. Иногда она пропадала на день или два, и я не находил себе места. Иногда ходил вслед за ней и видел ее во дворе, под неизменной скамейкой. Иногда не видел. Однажды, сидя на своем посту в подъезде, я не дождался Сары, но дождался ее хозяйки. На скамейке сидела бабушка, она приветливо кивнула соседке:

— А я тут давеча вашу Глашеньку видела, прям вот тут, под скамейкой, — сообщила бабка сладким голосом. — Сидела она тут, сидела, а как Игорек-та начал тебя снова честить на все лады, так она и ушла. Я ей кис-кис, иди домой, а она — в подворотню, только ее и видели.

— Бабаваля, — устало сказала женщина, — сколько раз я вас просила.

— Да что «бабаваля», — беззлобно огрызнулась бабка, уже ей в спину. — На весь двор же орал, дармоед несчастный, глухим надо быть, чтобы не слышать, согнала бы ты его, не пара он тебе, или хоть подстричься бы заставила, что ли, взрослый мужик, а патлы как у хиппи, простихоссподи… Вот видела бы это твоя матушка-покойница, царствие ей небесное, мученице…

В другой вечер и я стал свидетелем такого скандала, действительно, кричали они на весь двор, ссорились самозабвенно, по-итальянски, с грохотом посуды и плюхами. Я не кошка, но даже мне было понятно, что оба берут силы в этих ссорах. Я уже собрался уйти, как вдруг увидел, что длинноволосый Игорь выскакивает из подъезда, бранясь себе под нос: «У-у, с-сука, дура гребаная». В открытое окно вылетела спортивная сумка, от удара об асфальт на ней лопнула молния, вывалились какие-то тряпки. Игорь подобрал сумку и еще минут пять кричал в окно бессвязные ругательства. Наконец он ушел, а во двор вышла хозяйка Сары. Она принялась обходить кусты, повторяя «Глаша, Глашенька». Голос у нее был заплаканный. Обшарив двор, она ушла в соседний, громко призывая свою кошку, и я поспешил домой. Сара не появилась — ни тем вечером, ни через день, ни через три дня.

Я увидел Сару только неделю спустя. Как ни в чем не бывало, она сидела у моей двери. «Зайдешь?» — спросил я. «Зайду», — с достоинством ответила она. Но, переночевав, ушла снова.

Я сам начал ходить в тот двор и сидеть в нем часами. Работа не клеилась, я брал только мелкие тексты, от которых спешил отделаться. Меня спасал опыт и привычка всегда «быть на

хорошем счету», в качестве мои переводы не теряли, только в количестве. Я работал по ночам, утром спал, а вечером приходил на свой подоконник. В квартире зажигался свет, тянуло стряпней, пахло размеренной, спокойной жизнью. Сара иногда сидела на окне и щурилась — олицетворение домашнего уюта. Я уговаривал себя, что прихожу убедиться, все ли с ней в порядке. Но когда однажды поздно вечером во дворе появился Игорь, все с той же набитой сумкой, подстриженный и чисто выбритый, я признал, что лгал себе все эти дни.

Блудный сын был принят без возражений. Я просидел на подоконнике почти до утра, но ничего не дождался.

Сара появилась у меня через два дня, грязная и взъерошенная. Несколько дней она только спала и ела, а когда я ее гладил, то чуял самый скверный запах, который может исходить от кошки: жирной влажной земли и свалявшейся шерсти. Так кошки пахнут, когда собираются умирать. Все это время она молчала, я тоже не донимал ее расспросами. Но на радостях делал по десять страниц в день.

Когда скверный запах исчез, Сара снова попросилась на улицу. Я выпустил ее и пошел следом.

Она не стала забираться под скамейку, а села прямо в темном проеме подъезда и сидела так до тех пор, пока не появилась хозяйка. Та поставила на асфальт пакет и молча уставилась на свою кошку. Сара ждала.

— Ну? — наконец произнесла хозяйка.

Сара встала и неловко потерлась о ее ноги.

— Нет уж, — сказала хозяйка. — Ты, пожалуйста, реши. Ты моя кошка или приблудная. А то вы горазды стали приходить и уходить, когда вам хочется.

«Ты бы это не кошке говорила, — подумал я, — а Игорю своему. Нашла, на ком твердость характера отрабатывать».

Сара потерлась настойчивее. Но хозяйка была явно не в духе.

— Решай, — повторила она. — Сейчас решай.

Сара села поодаль и лизнула лапу. Хозяйка подняла сумку и прошла в подъезд. Сара неуверенно шагнула за ней, потом развернулась и побежала прочь. Из подъезда выскочила хозяйка с криком «Глаша!», метнулась обратно, звеня ключами, я услышал, как хлопнула дверь, а потом хозяйка вылетела во двор, уже без сумки, и помчалась по дворам, причитая: «Глаша, Глашенька, кошечка моя, ну прости меня, ну пожалуйста».

Я варю кофе и поглядываю в открытое окно. Что-то Сара задерживается. В соседнем дворе у нее появился ухажер, я очень

рассчитываю на котят к концу лета. Я варю кофе и думаю о чувстве любви и чувстве вины. Тогда, месяц назад, Сара пришла еще грязнее, чем обычно. Когда я взял ее на руки, то увидел мелкую россыпь влаги вокруг глаз — кошкины слезки. В первый момент я подумал, что у нее загноились глаза, и потянулся к аптечке, но она фыркнула: «Брось, ерунда».

А потом добавила: «Я совсем ушла. Я перестала понимать себя и испугалась».

«Я знаю разницу между чувством любви и чувством вины, — сказала она. — Я знаю ее у людей, знаю у себя. Мы живем тем, что чувствуем разницу между тем и этим. Между „есть“ и „могло бы быть“. И я испугалась, когда перестала ее чувствовать. Так делают только люди. Я испугалась, что перестану быть кошкой».

Я попытался ее утешить — все-таки я переводчик.

«Люди часто выдают одно за другое, — сказал я. — Потому что с чувством вины иметь дело гораздо легче, чем с чувством любви. И если одно на другое подменили еще в детстве, приходится так и жить — ссориться и мириться, выгонять, уходить, а потом возвращаться, просить прощения и прощать».

«Я знаю, — сказала Сара. — Пусть так будет у людей, я не против. Но ни одна кошка не может позволить втянуть себя в эту игру. Для этого надо быть человеком, говорить на вашем языке и слышать то, что говорят, а не то, что имеют в виду. Я не могла себе это позволить. Дай мне, пожалуйста, поесть».

От нее больше не пахнет землей и сухой шерстью, моя Сара лоснится, по ее пестрой шкурке пробегают искры, когда я ее глажу. Я варю кофе и посматриваю в окно. На лавочке перед подъездом сидит Бабанадя с неизменным вязанием в корзинке. Завидев бегущую домой Сару, она начинает сюсюкать: «Кис-кис-кис, какая славная кошечка завелась у нас на первом этаже, ты ж моя сладкая. Как он тебя зовет, а? Была бы собачка, звали бы Муму».

Сара дергает хвостом, обходит ее по большой дуге и ныряет в подъезд. Я снимаю кофе с плиты и иду открывать.

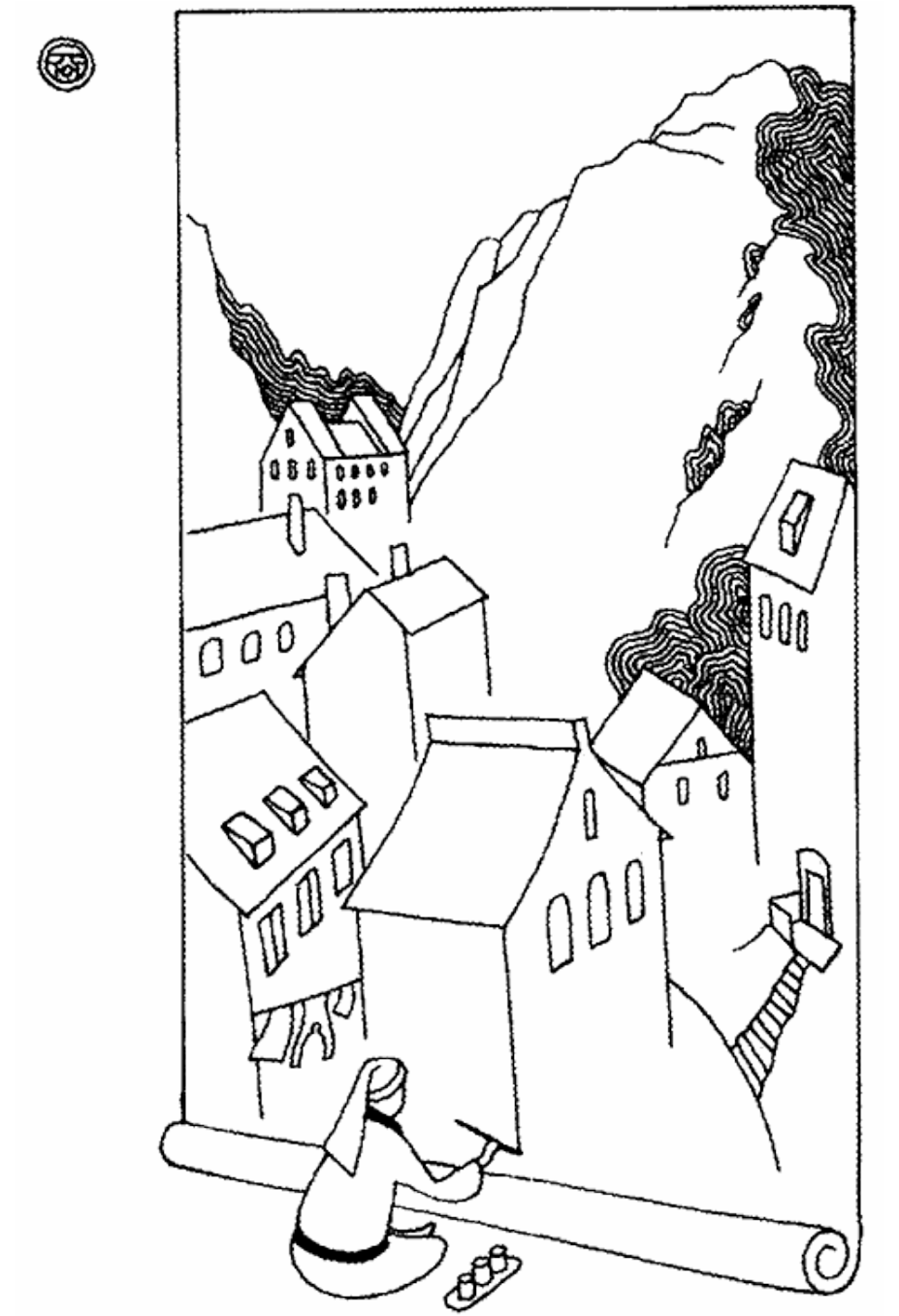
Кофе «Три воды» наутро после большой работы

Бросить в джезву чайную ложку тростникового сахара, добавить чуть-чуть воды, чтобы растопился, но не прижарился.

Насыпать кофе — четыре чайные ложки на чашку, лучше кенийский, тонкого помола и темной обжарки.

Долить в джезву воды до половины. Дождаться, когда кофе начнет говорить. Тогда долить еще воды до

полной джезвы — тонкой струйкой, с высоты. Это для того, чтобы вода взяла как можно больше кислорода. Добавить муската и корицы. Снять до кипения, настоять пару минут.



Анна варит кофе, а я на нее смотрю. У Анны высокие скулы и слегка вздернутый веснушчатый нос, круглые серые глаза и длинный улыбчивый рот, крашеные желтые волосы торчат в стороны как перья. Теоретически, она некрасива. Однако я люблю смотреть на нее больше всего на свете.

Если верить единогласному вердикту друзей и знакомых, Анна отлично варит кофе. Но мне все равно, я его терпеть не могу, ни в каком виде, пью только ради удовольствия смотреть, как Анна стоит у плиты, вооруженная джезвой и длинной коктейльной ложкой. Она никогда не догадается о моей неприязни к священному напитку, потому что я знаю, как надо себя вести: после первого глотка придать лицу восхищенное выражение, а после второго адресовать чашке недоверчивый взгляд: дескать, неужели такое бывает? Неужели существует на этой земле столь божественное сочетание вкуса и аромата?! После третьего глотка недоверие должно смениться блаженством: верую, Господи, совершенство достижимо, и оно у меня во рту вот прямо сейчас, спасибо Тебе. Потом можно расслабиться и закурить, с каким выражением я буду допивать кофе, не важно, лишь бы не скривиться, забывшись, потому что невыносимо горькая все-таки дрянь, пряный аромат мускатного цвета и кардамона ничего не меняет. Но я хочу смотреть на Анну — сейчас и потом, еще много-много раз, а значит, надо хранить стойкость.

Кот Арсен глядит на меня с осуждением. Он знает, что я лицемер, а потому никогда не залезет ко мне на колени. Но мнение Арсена, по счастию, не интересует Анну. Она думает, кот просто ревнует ее к очередному гостю.

— Что тебе сегодня снилось? — приветливо спрашивает Анна, открывая блокнот.

Мне ничего не снилось — ни сегодня, ни вчера, ни позавчера. И вообще никогда. Я не вижу снов. Мне не раз говорили, что так не бывает, дескать, все люди видят сны, просто не все их запоминают. Не знаю, может, и так, мне все равно. Вернее, было все равно, пока я не познакомился с Анной и не выяснил у общих приятелей, что самый верный способ сойтись с нею поближе — это рассказывать свои сны. Анна собирает и записывает чужие сновидения, говорит, ей нужно для книги, но я подозреваю, что книга — дело десятое, Анна уже так втянулась в это занятие, что будет допрашивать всех встречных и после выхода книги, хорошо еще, если не вместо; во всяком случае, мне, стороннему наблюдателю, ясно, что ею движет скорее азарт коллекционера, чем дотошность исследователя. Видели бы вы, как горят ее глаза, когда я открываю рот и говорю:

— Я шел через долину, поросшую темно-лиловой, почти черной травой, ноги утопали в бирюзовом песке, а впереди, на холме, был Город.

— Тот самый? — сочувственно спрашивает Анна.

— Тот самый, — киваю я.

Поначалу я рассказывал ей что попало. Дескать, старая работа снилась, или от злодеев по темным коридорам драпал, или покойная бабушка явилась в венке из незабудок. Но быстро понял, что ей все это не очень интересно. То есть Анна старательно записывала мои отчеты, благодарила, но чувствовалось, что они ее не увлекают. Наверное, уже наслушалась подобной ерунды по самое немогу. И тогда я придумал Город. Именно так, Город с большой буквы, куда я все время иду разными дорогами и никак не успеваю прийти — просыпаюсь. Соврал, дескать, сны про путь в Город снятся мне с детства. Не каждую ночь, конечно, но в последнее время все чаще. Никому никогда не рассказывал, но тебе, пожалуй, можно. Анна аж взвилась, вцепилась в меня мертвой хваткой: да-да, мне можно, рассказывай все, обязательно рассказывай!

А мне того и надо.

— Интересно, ты когда-нибудь доберешься до этого города? — спрашивает Анна.

Не вопрос. Доберусь, конечно. Как только сумею придумать что-нибудь стоящее. Какие там дома? Какая система улиц? Как выглядят жители? Чем занимаются? Какой транспорт? Течет ли река? Есть у них электричество, или обходятся? И так далее. Надо бы все-таки однажды собраться и сочинить для Анны этот чертов Город, пока ей не наскучили мои придуманные сны и я сам заодно.

Я не обольщаюсь на свой счет. Я не нравлюсь Анне. То есть нравлюсь, но не настолько, чтобы через день поить меня кофе, не говоря уже о чем-то большем. Я не в ее вкусе, как, впрочем, и все остальное человечество, за исключением одного-единственного экземпляра. Анна по уши влюблена в своего итальянского мужа, который проводит здесь месяца два в году, ну и она у него в общей сложности примерно столько же — идеальный режим для счастливого брака, думаю, они оба это прекрасно понимают, вот и не съезжаются, отговариваясь важной работой, уже пять лет планируют, что после Рождества обязательно, а сами не чешутся, какой же дурак от четырех медовых месяцев в год добровольно откажется.

Так что я нужен Анне только в качестве поставщика удивительных сновидений о недосягаемом Городе, она говорит, ничего подобного в своей практике не встречала. Оно и понятно,

все остальные ее респонденты правду рассказывают, а я вру бессовестно, лишь бы смотреть на нее три раза в неделю, или даже четыре, если повезет. Я так люблю смотреть на Анну, что готов смириться со своей скромной ролью и не требовать большего. Сказал бы мне кто еще год назад, что так будет, ни за что не поверил бы. Сидеть, смотреть, кофе этим ее горьким давиться без малейшей надежды на развитие ситуации — какая унылая херня. Но сейчас мне вовсе не кажется, что это унылая херня, я смотрю на Анну и совершенно счастлив.

— А какой он, этот твой город? — спрашивает Анна. — Я понимаю, что ты его еще не видел, но — ты во сне знаешь, куда идешь? Это хорошее место? Или опасное?

— Прекрасное, — твердо говорю я. — Лучше просто не бывает. По крайней мере, во сне я в этом не сомневаюсь.

Если бы я решил, что Город — страшное место, придумывать интересные истории о нем было бы куда проще. Но Анна как-то проговорилась, что уже закрыла тему кошмаров. В смысле, закончила посвященную им главу. С тех пор я стараюсь придумывать только хорошие сны. А уж Город свой загубить, одним неосторожным словом превратив его в бесполезный для Анны кошмар, — это надо быть совсем идиотом.

— И ты очень хочешь туда добраться?

Анна мне искренне сочувствует. Это очень приятно.

— Да нет, мне, в общем, все равно, — отвечаю. И тут же прикусываю язык. «Все равно» — это звучит как-то неправдоподобно. Надо было сказать: мечтаю, жажду больше всего на свете, покоя не нахожу ни во сне, ни наяву. А то она, чего доброго, заподозрит обман, накроются наши посиделки за кофе медным тазом, и как я тогда?

Но нет, Анна выглядит заинтересованной, выходит, я ей угодил. Повезло.

— Я, конечно, не твой психотерапевт, — говорит она. — И вообще ничей. И не психотерапевт вовсе. Но ты-то сам понимаешь, что означает этот твой сон? Все так прозрачно, по-моему.

— Мечтательность? — неуверенно предполагаю я. — Инфантильность? В смысле, мне до сих пор детский сон снится? Ты это хочешь сказать?

— Да ну, — отмахивается Анна. — «Инфантильность» — дурацкий какой ярлык… Не в этом дело. Я хочу сказать, ты привык думать, что все самое прекрасное — не для тебя. Недостижимо. И привык притворяться, будто тебе все равно. Такая самозащита, чтобы не слишком огорчаться. Ну понятно же, да?

Не в бровь, а в глаз, честно говоря. Хоть и не сон расшифровала, а дурацкую выдумку. А все равно, выдал я себя с головой. Интересно, Анна догадывается, что она и есть «самое прекрасное», которое недостижимо? Да нет, вряд ли. Поклонников она от дома быстро отваживает, они ее раздражают, мешают сладко тосковать по далекому итальянскому мужу и вообще отвлекают.

— Я поэтому очень хочу, чтобы тебе однажды приснилось, как ты вошел в свой Город, — говорит Анна. — Это важно. Это был бы большой прорыв.

Ладно, думаю. Будет тебе прорыв. Устроим. Что ж не порадовать хорошего человека. Не прямо вот завтра, конечно, но через пару недель — непременно. Как раз к тому времени придумаю что-нибудь достойное, чтобы блокнот этот твой дурацкий задымился.

— Кофе подлить? — ласково спрашивает Анна.

— О, — восхищенно вздыхаю я. — О-о-о-о! И ты еще спрашиваешь!

* * *

Я лежу в постели и смотрю в потолок. Это черт знает какая уже по счету попытка сочинить для Анны увлекательный рассказ о прекрасном Городе. В голову лезет какая-то ерунда, в качестве заветной цели, к которой шел много лет, все эти пряничные домики с башенками выглядят, прямо скажем, неубедительно. Может быть, потому, что придумываю я для Анны, чьих предпочтений толком не знаю, а надо — для себя. В конце концов, это не ее, а мой сон, моя недостижимая цель, моя несбыточная мечта. Выдуманная наспех, по случаю, а все равно моя. Тебе-то самому куда хотелось бы в итоге прийти? — спрашиваю себя.

Я не знаю. У меня нет ответа. Но, по крайней мере, теперь есть правильно поставленный вопрос. Я закрываю глаза и вижу синие черепичные крыши где-то далеко внизу. Так выглядит мой Город с высоты птичьего полета. Синяя черепица — интересно, из чего они ее мастерят? Ну и дела. Я хочу рассмотреть получше, думаю — надо бы спуститься пониже, — делаю какое-то загадочное усилие, не то мышечное, не то волевое, но вместо того, чтобы аккуратно приблизиться к синим черепичным крышам, начинаю падать, все быстрее и быстрее, и — просыпаюсь на полу, в добрых трех метрах от кровати. Выходит, я как-то успел заснуть. И синие черепичные крыши мне приснились. Я

спал и видел сон. Ничего себе. Ничего себе. Ничего себе.

* * *

— Мне приснилось, что я опаздываю на поезд, — говорю я Анне.

Вообще-то, стыдно должно быть. Наспех позаимствовал у коллективного бессознательного популярный кошмар. Всем моим знакомым время от времени снится, что они опаздывают на поезд; все они очень не любят такие сны. И я теперь туда же. А что делать? Анна позвонила сама, предложила выпить кофе, и я согласился не подумав, по привычке: если Анна зовет, надо идти, преисполнившись благодарности. Ну вот, пришел, сижу, пялюсь на нее как дурак малахольный, счастлив, как всегда, но рассказывать о том, как разглядывал во сне синие черепичные крыши Города с высоты птичьего полета, мне почему-то совсем не хочется. Нет, даже не так. Я чувствую, что рассказывать об этом нельзя ни в коем случае. Давешний сон — моя Самая Страшная Тайна, не знаю почему, но это так.

Анна доброжелательно кивает и даже записывает что-то в блокнот, но на дне ее серых глаз притаилась скука. Ну да, могу представить, сколько раз ей про опоздание на поезд рассказывали, если уж даже я таких историй наслушался, никогда никого про сны специально не расспрашивая. Мне очень хочется ее удивить и поэтому я говорю:

— И знаешь что? Я сперва суетился, метался по вокзалу, бежал куда-то, искал нужную платформу, все как положено. А потом вдруг обрадовался: как же хорошо, что я опоздал, теперь можно не ехать на этом поезде, а сесть в какой-нибудь другой — вон их сколько. И это было такое счастье, такое облегчение — передать тебе не могу.

Анна внимательно смотрит на меня. Кажется, я ее удивил. И, пожалуй, обрадовал — вон как сияют ее глаза.

— Какой хороший сон, — говорит она. — Действительно хороший. Как я за тебя рада, ты не представляешь.

Я, кстати, тоже очень за себя рад почему-то. Хоть и выдумал все это вот прямо сейчас, наспех, чтобы Анна не заскучала от моего рассказа.

* * *

Я стал очень рано ложиться, еще до полуночи. Не засыпаю,

конечно, просто лежу и смотрю в разноцветную темноту под закрытыми веками. Жду. Мне легко быть терпеливым и не торопить события. Я умею говорить: «Мне все равно», — более того, я умею в это верить. К тому же мне нравится сам процесс: лежать, смотреть, ни о чем не думать. Ждать.

Где-то рядом раздается негромкий перезвон. Я открываю глаза — что это? Где? А это просто ветер теребит связку колокольчиков над входом в мой дом. А я сижу на крыше и внимательно ее разглядываю. Синюю черепицу, судя по всему, делают из синей же глины. Во всяком случае, я не вижу на ней никаких следов краски или тем более глазури. Обычная кровельная черепица, только цвет… Очень необычный цвет. Такая светлая, почти голубая черепица — большая редкость, потому что мастерская Йонки, где я ее заказывал, маленькая, да и спешить он не любит, так что во всем Городе едва ли наберется три дюжины таких светлых крыш. Мне просто повезло, Йонка мой однокашник, вместе в Подводную школу ходили, вот и не смог мне отказать, еще и подмешал в глину какой-то редкий порошок, так что черепица приобрела едва заметный бирюзовый оттенок, больше у него так ни разу не получалось. И это очень здорово. Если уж я чего-то захотел, в лепешку расшибусь, но добьюсь своего, а тут все само собой вышло, самая красивая крыша в Городе — моя.

Все это хорошо, но надо слезать. Лавка нараспашку, а хозяина нет на месте — где такое видано? Тем более в моих завалах сам черт ногу сломит, лавка букиниста — это не то место, где покупатель может сам взять необходимое, положить деньги и идти восвояси. Без меня никто ничего не найдет, только бардак разведут, так что — вперед. А сюда вернусь ближе к вечеру, с моей крыши отличный вид на закат, если повезет, можно поймать момент, когда заходящее солнце отражается в перилах Стеклянного моста, с этим зрелищем ничего не сравнится.

Вовремя спустился, в лавке полно школьниц, сидят на подоконнике, как птички, болтают ногами, щебечут. Нита, Йонкина дочка, с подружками, таким нельзя давать заскучать, это они только с виду милые барышни, а на самом деле — стихийное бедствие, все вверх дном перевернут, если вожжа под хвост попадет.

Нита прыгнула мне на шею прямо с подоконника, я едва на ногах устоял.

— Дядя Клаус, выручай! Нам срочно нужна книжка про сны, — тараторит она. — Только не сонник, конечно. И не ученый трактат о природе сновидений. А чтобы там просто чужие сны

пересказывали, настоящие, которые людям снятся. Очень надо! Очень-преочень! Правда же, у тебя есть?

— Кое-что найдется, — говорю я и лезу в сундук. Потом в другой. Да куда же она подевалась, совсем недавно видел… А, вот. — Держи, — говорю. — Редкий экземпляр. Кому другому не продал бы, но тебе — так и быть.

— Анна Нейли. «Роль сновидений в жизни жителя современного ме-га-по-ли-са», — читает Нита. — Дядя Клаус, а что такое «мегаполис»?

— Просто большой город, — говорю я. — Очень большой. Даже слишком. Как десять наших.

— Представить не могу! А разве такие бывают?

— Еще и не такие бывают, — пожимаю плечами. — Чем дольше живу, тем лучше понимаю, что бывает вообще все. В том числе такое, чего мы и представить не можем.

— Это именно то, что надо! — улыбается Нита, наскоро пролистав книгу. — Какое же тебе спасибо! А ты сам ее читал?

— Читал когда-то.

— Ну и как? Сны этих… «жителей ме-га-по-ли-сов» — они похожи на наши? Или совсем другие?

— Понятия не имею, — говорю. — Не с чем сравнивать. Я никогда не вижу снов.

Анна варит кофе так:

Пустую джезву с толстым дном ставит на плиту, потрошит несколько зеленых плодов кардамона, так чтобы мелкие зернышки вывалились в джезву, шкурки кидает туда же, пусть жарятся там минуту-две, до появления головокружительного кардамонного аромата.

Кладет в джезву щепотку молотого имбиря, щепотку мускатного цвета (можно и молотый мускатный орех, но мускатный цвет — лучше).

Ждет еще несколько секунд, алчно втягивая носом благоухание разогретых специй, кладет в джезву свежесмолотый кофе (Анна предпочитает эфиопский, но это дело вкуса) и только тогда наливает воду. Иногда, под настроение, кидает туда палочку гвоздики (больше одной не стоит, а то кофе, чего доброго, приобретет привкус маринованых грибов). Осталось дождаться появления пенки, снять кофе с огня и помешать его (Анна для таких целей пользуется коктейльной ложкой с длинной ручкой, но можно завести специальную деревянную палочку). После этого джезву хорошо бы еще

немного подержать на медленном огне до появления новой пенной шапки, снова снять, размешать и вернуть на огонь. Повторять это действие от трех до шести раз, в зависимости от наличия времени и терпения.

Вода для кофе должна быть мягкая, поэтому в большинстве городов водопроводная не годится, но это и так понятно, да?

Ну и если класть в кофе сахар (Анна не кладет), то только тростниковый. На худой конец можно взять пальмовый сахар, это вычурный и дорогой вариант, а все-таки лучше белого рафинада, который в данном случае совершенно неуместен.

Черные и красные, желтые и синие

Лето, думает Тереза, проснувшись среди скомканных, влажных от пота простыней, еще одно дурацкое лето. Вот почему, почему в апреле всегда кажется, еще немножко и все *наконец-то будет хорошо*. И в мае, когда начинают цвести вишни, кажется: да-да-да, вот-вот-вот, оно, оно, еще чуть-чуть — и… И! Неизвестно что, непонятно как, неведомо зачем, но будет-будет-будет, сбудется, и тогда начнется *настоящая жизнь*, сейчас и вообразить невозможно, какая она, только тосковать оттого, что еще не началась.

Но вместо *неизвестно чего* наступает просто июнь, а потом июль, постепенно становится жарко, поначалу радуешься, что наконец-то можно спрятать куртку в шкаф, выскакивать из дома в майке и шлепанцах, а потом на радость не остается сил, их вообще ни на что не остается, жара изматывает, по крайней мере городская жара, и никакая река не спасает, не спасают даже две реки, была бы третья, и это, пожалуй, ничего бы не изменило.

Говорят, в жару надо пить зеленый чай. Ерунда. В жару надо пить кофе. Кофе, впрочем, надо пить всегда и везде, при всяком удобном случае, он превращает существование в жизнь — это Тереза знает точно. Но в жару кофе надо пить в два раза больше, чем обычно, если не хочешь целый день проваляться в постели ватным чучелком, сердитым, горячим, мокрым от пота чучелком, бррр.

А вот кофе-то в доме и нет. Ну как — нет, две чайные ложки, неприкосновенный утренний запас, на одну чашку. Но это — всё. Потом придется бежать в лавку, в самый солнцепек, не откладывая до наступления прохлады, потому что до вечера на одной чашке не продержаться. Вернее, продержаться-то можно, а вот работать уже не получится. А перевод надо сдавать завтра. А с

четырех до одиннадцати смена в кафе, нашла подработку на свою голову, корова, жадина несчастная, ругает себя Тереза, еще одно лето псу под хвост, а платят там копейки, и чаевые, на которые так рассчитывала, оказались копеечные, а время уходит, лето заканчивается, жизнь твоя тратится на ерунду, и другой жизни у тебя, между прочим, нет, ты в курсе?

Тереза в курсе. Но это ничего не меняет. В любом случае, работа нужна, спасибо еще, что летом в кафе всегда требуются люди. Переводов с мая по сентябрь мало, заработка едва хватает на оплату жилья, а на что покупать еду и кофе? То-то и оно. Кофе, кофе, где же ты, мой кофе, вздыхает Тереза, допив последний глоток. Ладно, ничего, сейчас сбегаю.

Перед тем как выйти из дома, она умывается холодной водой и, не вытираясь, выскакивает на улицу, с мокрым лицом, влажными волосами, в забрызганной футболке. Первые пять минут будет полегче, а за это время, если постараться, можно добежать до улицы Пилес, хотя бы до лотков с сувенирами, где плавятся на солнце янтарные бусы, того гляди, снова станут смолой, прольются на булыжную мостовую тяжкими, горячими каплями. Тереза бежит мимо не останавливаясь, у нее хорошее дыхание, она еще долго может так бежать, не любит, но может, чего уж там.

Кофейная лавка «Гурман» на другом конце Пилес, но улица короткая, ее даже пешком за три минуты можно пройти насквозь, а бегом — вообще не вопрос. Когда древняя старушка, торгующая на площади букетами синего цикория и оранжевых ноготков, поднимает наконец трясущуюся голову, чтобы обстоятельно ответить на традиционное «здрасьте», Тереза уже тянет на себя тяжелую деревянную дверь, заходит внутрь и с наслаждением ежится от холодного кондиционированного воздуха.

— Давно вас не было, — улыбается полная рыжая женщина, такая красивая, что у Терезы всякий раз дух захватывает. Тереза совершенно уверена, что рыжая продавщица из «Гурмана» — бессмертная лисица-оборотень, как в старинных китайских новеллах. Мало ли что у нее муж, четыре дочки-школьницы, домик в Жверинасе и скучное имя Бируте, китайские лисы-оборотни тоже иногда развлечения ради селились среди людей и перенимали человеческие повадки, что им, бессмертным, какие-то сорок-пятьдесят лет, подумаешь.

— Я заходила недавно, — говорит Тереза. — Дня четыре назад. Просто вы в тот день не работали.

— Двести граммов кении, как всегда? — спрашивает рыжая.

— Сегодня триста. Я его в жару больше пью, — объясняет Тереза.

— Тогда сделаю вам два пакета, — кивает рыжая. — В один больше двухсот пятидесяти не помещается.

— Хорошо. А все, что не поместилось, смелите, пожалуйста, — просит Тереза.

Она всегда мелет кофе сама, непосредственно перед варкой. Но сегодня даже это делать лень, очень уж жарко.

Рыжая кивает, засыпает кофейные зерна в допотопный агрегат, антикварная машина издает нечеловеческий рык и ужасающий вой, но кофе мелет на совесть, не хуже, чем Терезина ручная мельничка, даже лучше, честно говоря, но мельничке об этом знать не следует, думает Тереза, ни за что ей не скажу, а то обидится и сломается, только дополнительных расходов мне сейчас не хватало.

На прощание рыжая продавщица-лиса протягивает Терезе леденец из зеленого чая. Такой презент полагается всем покупателям, по крайней мере всем постоянным клиентам, но Терезе приятно думать, что зеленая конфета — очень личный подарок, только для нее.

Обратно она идет медленно, глазеет по сторонам, напоминает себе: Вильнюс очень красивый город, ты же с детства мечтала тут жить, с тех пор, как с классом на экскурсию приехала, и вот теперь живешь, у тебя, деревенской девчонки, есть мансарда в самом центре и работа, чтобы ее оплачивать, радуйся же, глупая, не переводи добро! Радость получается, прямо скажем, не очень искренняя, но даже такое настроение — гораздо лучше, чем обычная утренняя тоска. Кисловатый леденец перекатывается за щекой, вот тебе и завтрак, думает Тереза, отличный завтрак, щадящий кошелек и фигуру. Знакомая старушка на площади обрызгивает свои букеты водой из пластиковой бутылки с проделанной в крышке дырочкой. И меня, просит Тереза, и меня! Старушка укоризненно качает головой, дескать, не подобает одной элегантной даме просить о такой услуге другую элегантную даму, но просьбу исполняет, щедро поливает Терезу нагревшейся на солнце водой. «Je vous remercie»[3], — говорит Тереза, прикладывая руку к мокрому сердцу, отпечатанному на футболке, и элегантные дамы — одна в обрезанных выше колена джинсах и тряпичных тапочках на резиновой подошве, другая в пожелтевшей от времени ажурной кофте и древней соломенной шляпе с пыльными розами — расстаются, довольные друг другом.

Миновав заставленную сувенирными лотками площадь, Тереза сворачивает на Бокшто, здесь всегда тень, можно подумать, жители этой улицы обладают какой-то специальной

привилегией или просто скидываются и оплачивают дополнительную услугу, летнюю тень. Но улицу Бокшто мы любим не только за это, думает Тереза. А еще, к примеру, за то, что вооон в том дворе, за высокими, потемневшими от времени деревянными воротами, когда-то жил василиск. Чертовски приятно знать точный адрес василиска! Веский повод для самоуважения. Двор ей показали друзья-старшекурсники, давным-давно, когда она только поступила в университет; ясно, что ребята просто шутили, но Терезе плевать, что сказано, то сказано, в любом случае, реальность — это то, о чем я с собой разговариваю, думает она, а значит, василиск жил в этом дворе, и точка.

Возле Барбакана Тереза невольно ускоряет шаг — на крепостных стенах загорают студенты и туристы, их праздный вид служит ей напоминанием о собственных делах, которые никто за нее не сделает. Она неприязненно косится на загорающих — вот ведь бездельники, целыми днями тут сидят, я бы на их месте… Что именно, Тереза не формулирует, и так ясно, она знает тысячу прекрасных способов распорядиться свободным временем, которого у нее никогда нет, черт, черт, черт! И пиво с самого утра, неодобрительно думает она, пиво, с утра, в такую жару, и ведь совершенно добровольно, никто их не заставляет, брррр.

Миновав Барбакан, она ныряет во двор. К дому можно пройти мимо заброшенных гаражей, а можно по тропинке, между чужими огородами и дровяными сараями. Тереза выбирает тропинку, через гаражи она сегодня уже ходила, результат налицо: все штаны в репьях и свежая царапина на щиколотке.

На тропинке нет ни репьев, ни чертополоха, зато здесь иногда встречаются соседи. Тереза не любит соседей. Здесь, в старых двухэтажных бараках, каким-то чудом сохранившихся в самом центре города, обитают те еще персонажи. Для Терезы они не столько живые люди, сколько неиссякающий источник отвратительных звуков. Пьяная ругань, детский визг да русский шансон — прекрасный набор. И все это, заметьте, с шести утра до двух часов ночи. У большинства алкоголиков проблемы со сном. А уж какие проблемы со сном у их соседей, знал бы кто, сердито думает Тереза. А я-то еще удивлялась, что хозяйка так дешево мансарду сдает. Зря удивлялась, за такое прекрасное окружение еще литов двести надо бы скостить. И ведь даже ругаться с ними бесполезно, таких ничем не напугаешь, вот уж кому действительно нечего терять, а если и захотят пойти навстречу, к вечеру забудут обещания, с памятью у них проблемы почище, чем со сном, вернее, у них-то как раз никаких проблем…

Вот не надо, никогда не надо заранее думать о неприятностях, говорит себе Тереза. Только подумаешь, а они — хлоп! — и материализуются у тебя на пути. Натурально на пути: тропинка перегорожена тремя ветхими табуретами, хороший хозяин такими камин топить и то побрезгует. На двух сидят дочерна загорелые мужички неопределенного возраста, больше похожие на крестьян, чем на городских забулдыг, на третьем установлена газовая горелка с баллончиком, греется вода в древней эмалированной кастрюльке. Еще один мужичок взирает на происходящее сверху, со ступеньки лестницы, ведущей на крышу дровяного сарая.

— О! — Завидев Терезу, он торжественно поднимает к небу палец. — Пани, вы замуж, случайно, не собираетесь?

— Спасибо, я уже, — сухо говорит Тереза. Вообще-то, после слова «уже» должно следовать слово «была». И уточнение: «Три года назад». Но говорить все это вслух Тереза не намерена. А то сразу выяснится, что у нее теперь есть целых три жениха, готовых — не факт, что вот прямо сейчас жениться, но уж выпить по случаю помолвки — непременно!

— Жалко, — говорит он. — А я-то думал, такая красивая пани, вдруг замуж собирается? А мы бы вам голубей к свадьбе организовали, по-соседски, недорого.

От удивления Тереза останавливается и внимательно глядит на своего собеседника.

— Голубей к свадьбе? Это как? Их, что ли, теперь на свадьбах едят?

— Упаси боже, — басит один из сидящих внизу. — Еще чего. Голубей, пани, на свадьбах выпускают. На счастье.

— Надо же, — говорит Тереза. — А я и не знала. А у вас тут, получается, голубятня?

— Ну, — деловито кивает первый мужичок, тот, который сидит наверху.

— А почему никто не летает?

— А мы сюда только перебрались, — объясняет он. — Вот, сидим, новоселье отмечаем. Кофе варим. Хотите кофе?

Тереза с недоверием глядит на эмалированную кастрюльку, в которой греется вода. Да уж, эти красавцы, пожалуй, наварят.

— Спасибо, — вежливо говорит она. — Не хочу. Разворачивается, чтобы уйти, но в последний момент, не удержавшись, спрашивает:

— А… какие у вас голуби? Белые?

— И белые тоже, — охотно соглашается басовитый мужичок. — Всякие!

— Черные и красные. Желтые и синие, — подхватывает

третий, который до сих пор молчал.

Тот, кто сидит наверху, начинает хохотать, да так заразительно, что Тереза тоже хихикает, прикрыв рот кулаком, как-то очень по-девчачьи, в смысле, как в детстве, когда с тобой вдруг начинают шутить чужие взрослые, — и смешно, и стыдно, и немножечко страшно, бог весть почему.

Хорошие какие мужички, думает Тереза. Голуби для свадеб, ну и бизнес! Придумали же…

— А ну покажите, какой у вас кофе, — строго, чтобы скрыть смущение, говорит она.

С отвращением смотрит на полупустую пачку дешевой молотой дряни, пахнущей лежалыми опилками, — и ведь некоторые люди совершенно добровольно соглашаются это нить, никто их не заставляет. Немыслимо.

— Ладно, раз так, вот вам подарок на новоселье, — объявляет Тереза. И достает из кармана пакетик с Кенией.

Ничего, не жалко, тут совсем немного, граммов пятьдесят, пустяки, не разорюсь, думает она. И не зря, выходит, попросила смолоть, у этих красавцев, сразу видно, никакой кофемолки даже дома нет, вообще вряд ли в руках ее хоть когда-нибудь держали.

— Только смотрите, чтобы не закипел! — Тереза обводит притихших мужичков суровым взглядом. — Как только пенка появится…

— Сразу снимать! — хором подхватывают сидящие на табуретах, а третий веско добавляет: — А как же иначе?

— Ну и хорошо, — вздыхает Тереза. — Пейте на здоровье. А мне работать надо, извините, что не составлю компанию.

— Спасибо, соседка, вы же тут живете, а где ваше окно, спасибо, приходите, когда будет время, кофе попить, а если замуж надумаете, сразу скажите, мы вам за полцены… — хором галдят они, пока Тереза идет к дому, толкает скрипучую калитку, взбирается по лестнице на второй этаж.

Первым делом она открывает окно, потом включает плитку, достает из кармана пакет, пересыпает кофейные зерна в мельничку, ставит джезву на условный электрический «огонь». Тереза мелет кофе и смотрит в окно, туда, где только что пировали ее новые знакомые. Но тропинка между сараями и огородами пуста, там нет ни табуретов, ни походной газовой горелки, ни самих мужичков. Интересные дела, думает Тереза, куда они подевались? Не могли же вот так сразу, залпом заглотить кофе и убежать, пока я с ключами возилась… Или могли?

В небе появляется стая голубей. Тереза не успела заметить, когда и откуда они взлетели. Большая пестрая стая. Что-то с ними

не так, думает Тереза. Но что именно?

Что-что. Цвет, конечно же. «Пестрая стая» — это еще слабо сказано. Черные и красные, желтые и синие голуби, яркие, как детские игрушки, кружат над двухэтажными бараками, огородами и сараями в бледном, вылинявшем от солнца июльском небе, выполняют какие-то сложные пируэты, то и дело перестраиваются, как цветные стекляшки в калейдоскопе, образуя бесконечное множество неповторимых узоров.

Еще одно хорошее лето, думает Тереза, пока черные и красные, желтые и синие голуби кувыркаются в звенящем от зноя воздухе. Очень хорошее лето.

Кофе в эмалированной кастрюльке

Хороший кофе можно сварить в любой посудине — при условии, что вы делаете это на улице. Дома, на кухне, без джезвы не обойтись, а во дворе, поставив газовую горелку прямо в траву или установив ее на первый попавшийся пень или найденный за соседским сараем ящик, — запросто.

Если дело происходит в лесу и рядом течет ручей или бьет родник — прекрасно. На такой воде вы можете варить кофе хоть в эмалированном ведре, хулы не будет. Если же источника воды поблизости нет, будем надеяться, что у вас в рюкзаке найдется бутылка хорошей, не водопроводной воды. Вы, разумеется, сообразили, что она вам пригодится, когда укладывали в рюкзак кофе, кастрюльку и походный примус.

Кофе, конечно же, не должен закипеть, его нужно снять с огня, как только появится пена. Это наиважнейшее из правил, если не последовать ему, вас не спасет ни родниковая вода, ни специально прихваченный из дома кенийский кофе, результатом усилий станут отвратительные помои. Если у вас есть чем накрыть кастрюльку — прекрасно. Пусть постоит несколько минут где-нибудь в траве, под крышкой, пока вы мучительно соображаете, куда бы его теперь налить. Надеюсь, вы как-нибудь решите этот вопрос, пить кофе прямо из кастрюли — занятие романтическое, но опасное, можно обжечься.

Зато без специй вполне можно обойтись, свежий воздух — отличная приправа. А если вы бросите в кастрюлю смородиновый лист, цветок шиповника или просто неведомую травинку, сорванную где-нибудь

поблизости, приготовление кофе в походных условиях станет самым настоящим ритуалом, что, несомненно, улучшит настроение участников процесса и заодно качество напитка.

Слон из мухи

Нервничать я начинаю еще на пороге. Разрываюсь от желания немедленно — не-мед-лен-но! вотпрям-щас! — узнать, *как все теперь будет*, и расслабиться, потому что, когда знаешь наверняка, а не гадаешь, сразу как-то легче, даже если знание не устраивает тебя совершенно, даже если от такого знания волком выть и на стены кидаться.

И вот я разрываюсь от желания узнать все немедленно и наверняка, но почему-то тяну время, неспешно раздеваюсь, тщательно развешиваю одежду, а это, честно говоря, совсем не в моих привычках. Потом мою джезву, ставлю ее на плиту, лущу зеленые зерна кардамона, скребу ножом имбирный корешок. Тем временем кофейные зерна с грохотом сыплются в кофемолку, катится по полу жестяная крышка от банки, льется вода; пока варится кофе, я мою чашку, оставленную на столе с утра, и еще одну, вчерашнюю, достаю кисет, неторопливо набиваю сигарету и только после этого включаю компьютер.

Теперь снова надо ждать, минуты три, не меньше. Я закуриваю и с преувеличенным интересом кошусь на джезву — как там дела?

Дела там хорошо — в смысле, густая шоколадная пена уже образовалась на поверхности, того гляди попрет сейчас, как дрожжевое тесто из квашни, так что надо отрывать задницу от стула, снимать джезву с плиты, аккуратно переливать кофе в чашку — проделывать все это, разрываясь от нетерпения. Сколько уже можно оттягивать долгожданный, не то сладкий, не то страшный миг.

Наконец дело сделано, чашка наполнена, компьютер уже давным-давно готов приступить к работе, и, жмурясь от почти сладкого ужаса, я кликаю по наглому красному нулю, открываю «Оперу», нахожу в закладках нужную; пока она грузится, малодушно отворачиваюсь от монитора, делаю глоток кофе, почти не чувствуя вкуса, пепел падает на возлюбленные мои штаны, потому что руки трясутся от напряжения, нельзя так распускаться, стыд, позорище.

Наконец я собираю волю в кулак, призываю на помощь все свое мужество и смирение, поворачиваюсь к экрану в полной готовности прочитать свой приговор и как-то жить дальше, а там

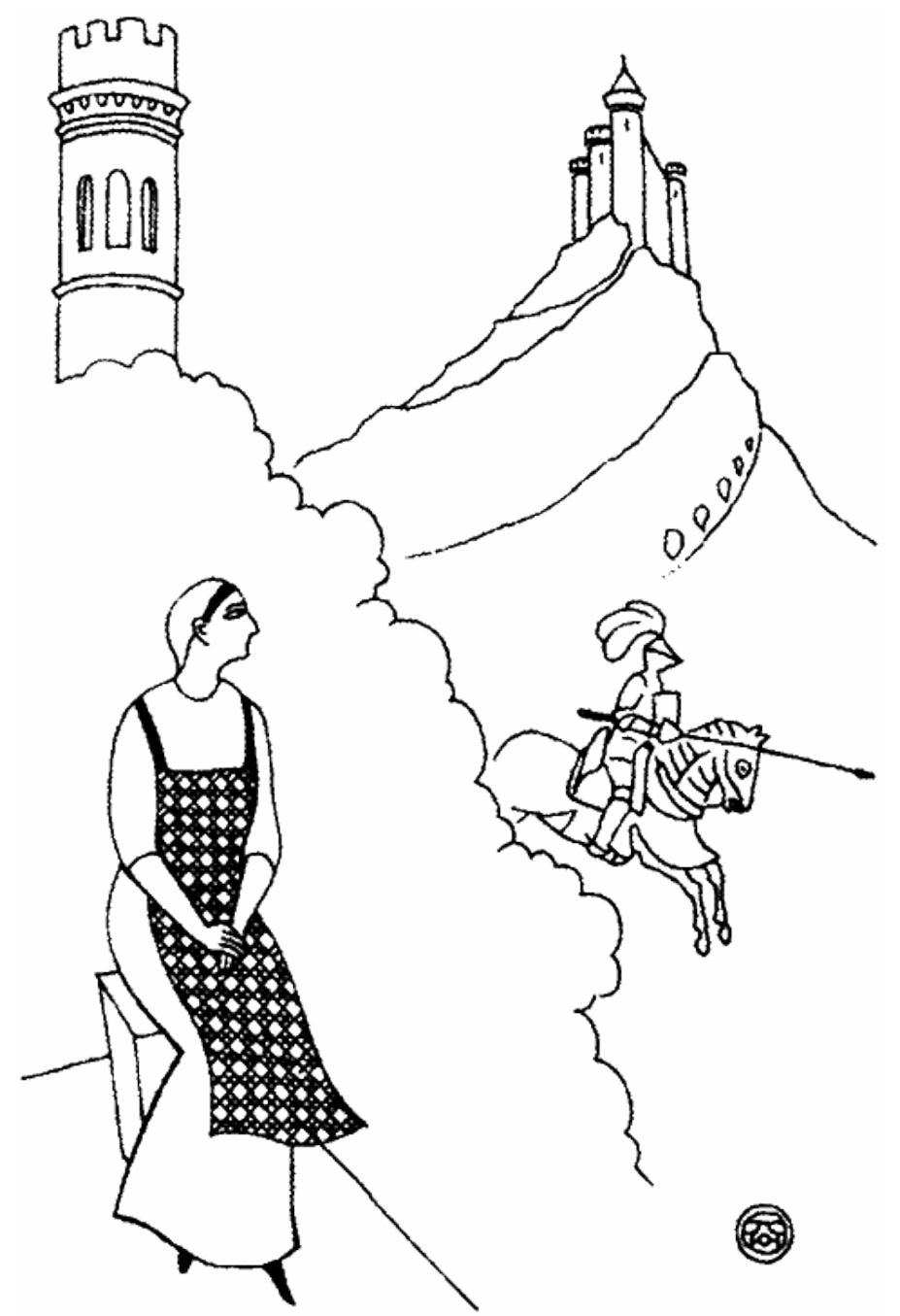
а там: +2, +4, +3, +3, +5 — и так далее, можно было не дергаться, ни одного морозного дня не будет у нас в ближайшие десять дней, если верить синоптикам; я им не то чтобы верю, но более авторитетной инстанции в этом вопросе, увы, все равно нет, даже прекрасная цыганка с золотыми зубами и волосами, с которой мне выпало повстречаться нынче утром на крошечном островке посреди огромной, почти непреодолимой лужи, была вынуждена признать, что не сможет предсказать по моей руке сводку погоды на февраль, — и на кой, спрашивается, нужны все эти эзотерические услуги в таком случае.

Имбирный кофе для холодного февраля

Прежде всего нужно приготовить имбирную воду. Свежий корень имбиря очистить от кожуры (ножом, как картошку), натереть на крупной терке, бросить в закипающую воду (примерно один большой или два мелких корешка на литр воды) и варить на очень медленном, почти воображаемом огне пять минут. Имбирная вода готова. Ею можно вот прямо сейчас заваривать чай или просто пить без всякого чая, добавив лимон (лайм), тростниковый сахар или мед по вкусу. А можно остудить и потом сварить на ней кофе.

Кофе на имбирной воде варят так же, как на обычной, только специй потребуется гораздо меньше или вовсе никаких. Я всегда добавляю кардамон, иногда кидаю сушеный розовый бутон — и это всё.

Екатерина Перченкова



Ave, Felicia!

О безумье, о жажде, о вере
Прозвени, моя песнь,
прозвени.

Даниил Андреев

Фелиция Львовна каждый раз появляется на кухне в восемь часов, когда я, продирая глаза и запахивая полу халата, где не хватает пуговицы, пытаюсь поджарить яичницу или сварить кофе. Говорят, неприлично в таком виде появляться на людях… так разве ж это люди?! И потом, мне — можно. Мне вообще можно все: курить на кухне, питаться бутербродами, терять в коридоре браслеты, бигуди и заколки. Маленькая магическая штучка: красная корочка с золотым тиснением «Пресса» и тоненький сборник стихов, второй год валяющийся на антресолях. В общем, я — гордость нашей коммуналки, и с этим никто не спорит.

А она появляется в аккуратном сером платье и клетчатом фартуке; жиденькие седые волосы связаны в пучок, на носу красуются огромные очки в роговой оправе, а чуть ниже — такая же огромная улыбка. Такая вот Всеобщая Добрая Бабушка.

Фелиция Львовна долго и внимательно смотрит, как тетя Таня собирает в школу своего Витюшу, потом закрывает дверь за рассеянным Пилипчуком, а потом садится за стол напротив меня и подпирает рукой щеку.

— На работу? — спрашивает она каждое утро.

Я киваю с набитым ртом и, внутренне сжавшись, жду продолжения.

— Про что сейчас пишешь?

Ей интересно. Честное слово, ей на самом деле интересно! И я начинаю перечислять. Интервью с директрисой фитнесс-клуба. Потом еще одно — с задравшими носы и постоянно принимающими картинные позы студентами ВГИКа. Кстати, Фелиция Львовна, одна из них — Оля Шендер, которая в том сериале, помните, черненькая? Обязательно принесу почитать. Потом еще журналистский эксперимент… я сама еще не поняла, в чем там дело; приеду — шеф расскажет. Потом — этого я уже не скажу — покидаю в сумку несколько дискет и поеду по издательствам. И везде, как пить дать, везде развернут меня обратно…

— Написала бы про нас, — совершенно серьезно говорит Фелиция Львовна. Если бы я не слышала этой фразы каждое утро, поперхнулась бы остывшим кофе. — А что, — продолжает она, — чем мы отличаемся от других?

Ничем.

Ни капельки.

Бабушка, милая, ну кому нужен твой клетчатый фартук, воспоминания о безвременно ушедшей кошке Люське и о четырех годах войны, проведенных в тылу за Уралом? Кому нужна тетя Таня с ее двоечником Витькой? Вот Пилипчук — он хотя бы фигура колоритная: лицо красное, нос синий…

Выход есть. Забыть про дамские журналы, вытащить из-за дивана коленкоровую коричневую тетрадку, начатую четыре года назад. Написать. Просто так, для себя. И снова убрать, но уже с чувством выполненного долга.

И опять неувязка.

Фелиция Львовна не нужна богатым домохозяйкам. Они хотят красивые шмотки, новую сплетню, похудеть, парочку тестов, штук десять рекомендаций, как затащить в постель понравившегося кадра.

Фелиция Львовна не нужна мне. Ей нечего делать в моей заветной тетрадке по соседству с крестоносцами, менестрелями, альбигойцами и прочими средневеково-романтическими личностями.

Поэтому каждое утро будет начинаться этот неудобный, почти уже ритуальный разговор на кухне. И я буду извиняться, убегать в свою комнату, одеваться, собирать сумку…

Добрая бабушка, которая мне и не бабушка вовсе, закроет за мной дверь. А завтра все начнется сначала.

Но однажды утром все изменится.

— На работу? — спросит Фелиция Львовна, сидя напротив меня.

Я кивну.

Она помолчит немного, покачает головой и скажет:

— А мне сны снятся. Чудные… Не просыпалась бы прямо!

Я сделаю вид, что мне интересно.

— Высокие башни, — начнет она, — высокие белые башни на берегу моря.

Там, наверху, развеваются флаги. И тучи, огромные, черные, грозовые тучи.

— И чайки, — внезапно севшим голосом скажу я.

— Да, чайки. И чайки, и башни на фоне неба — золотые.

Я буду молчать. Молчать и слушать. Переплетая под столом пальцы, криво улыбаясь, отводя глаза.

А она, бабушка, предел мечтаний которой — колбаса за два двадцать и свободное место в троллейбусе, расскажет мне, как полощутся на ветру знамена и блестят щиты, как тревожно

кричат чайки и поет море.

И я буду медленно умирать от нечеловеческой зависти, от огромной, безжалостной несправедливости.

Мне никогда ничего не снится.

Вообще никогда.

И еще я ни разу в жизни не была на море. Бог мой, откуда мне знать, что чувствовали мои рыцари из коленкоровой тетрадки, выезжая на песчаный берег? Как замирали, останавливались сердца, когда посреди пустыни вырастали высокие башни, а еще дальше, за стенами, за барханами и оазисами, сияло море…

Я не поеду на работу.

Я уведу Фелицию Львовну в свою комнату, задерну плотные шторы и зажгу свечу на столе.

Я достану старинную шкатулку сандалового дерева, дно которой устлано сухими розовыми лепестками. В ней хранится потемневший от времени католический крест на тонкой цепочке. Не знаю чей. Может быть, когда-то его носила моя прабабушка-полька.

Я вложу крестик в ее сухую ладонь и начну: «…и, узрев врата огромного города и людей у врат, спросил сэр Эдвин: не Иерусалим ли это? И ответили ему…»

Она будет слушать так же, как если бы я рассказывала о работе и растущих ценах на картошку. Внимательно, лучась безразличной старческой улыбкой и согласно кивая.

Плохой из меня рассказчик: я буду захлебываться словами, путать имена и лица, с ужасом уводить несчастного сэра Эдвина от зыбучих песков, обвалов и вездесущих ассассинов Старца Горы. Я буду рассказывать о том, чего не успела еще написать, жалея, что быстро забуду.

Конец наступит внезапно: сэра Эдвина окружат со всех сторон, и в последний путь его будут провожать черная птица в небе и скрип палестинского горячего песка на зубах…

И только тогда я замечу, что Фелиция Львовна шепчет что-то себе под нос. Не важно что — старую песню, заклинание, еще какую-нибудь чушь… И ее шепот громом разносится над притихшей пустыней.

Как в те дни грозовые, так ныне не о рыцарской доблести пой, но о вечной, как солнце, святыне, там, за узкою горной тропой. Пусть тебя от свистящей погони непорочная скроет мечта — крепче франкского шлема и брони, неподкупней святого щита.

И я ничего больше не скажу ей.

Пусть.

Она знает, она все прекрасно знает — как возвращался в родную Англию сэр Эдвин, как ждала его в огромном и величественном замке белокурая леди Джейн.

Она знает, что замок обветшал и стал прибежищем летучих мышей, а леди Джейн много лет спустя умерла в монастыре.

Сэр Эдвин продолжил свой путь, но никогда больше нога прославленного рыцаря не ступила на благословенную землю Британских островов. След его навеки потерялся в палестинских песках, в пожелтевших страницах хроник.

Впервые за много лет мне приснится сон. Ничего особенного, просто — море. Бескрайняя сияющая гладь и крики чаек.

А еще меня уволят.

Но это пустяки. Честное слово, пустяки. Под ручку с фотографом вваливаться к очередной экранной диве, задавать дурацкие вопросы и смотреть, как она пытается загадочно сверкать глазами в объектив…

Ave, Felicia! Не надо бояться, не надо — о клетчатом фартуке и ценах на лук! Когда я возвращаюсь домой от фальшивых звезд, ты встречаешь меня — настоящая! Сэр Эдвин продолжает поход, лицо его опалено палестинским солнцем, а сердце слышит твой голос; высокие башни светятся утренним золотом, полощутся флаги, и кричат чайки над огромным морем — и что нам до леди Джейн.

Кофе на коммунальной кухне (Рецепт от Макса Фрая)

Давным-давно, когда динозавры уже вымерли, но колбаса и джинсы еще не появились на прилавках магазинов, а импортный растворимый кофе считался роскошью, недоступной простым смертным, мы обжаривали зеленые кофейные зерна в толстодонной чугунной сковороде, мололи их в страшной черной мясорубке, произведенной, согласно надписи на корпусе, в штате Коннектикут в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году, заливали благоуханную пыль водопроводной водой и варили в маленькой алюминиевой кастрюльке с длинной, как у джезвы, ручкой.

Специи тогда были таким же дефицитом, как колбаса и джинсы. Соль, перец да палочка корицы — вот и весь набор, наивысшим шиком было хранить в ящике

кухонного стола окаменевший от времени мускатный орех. Его и коричную палочку мы скоблили ножом над кастрюлькой; интуитивно чувствовали, что этого мало, и добавляли в кофе несколько крупинок черного перца и соли, совсем чуть-чуть, на кончике ножа.

Кофе благоухал на всю коммунальную кухню, да так, что зажиточные соседи, счастливые обладатели полубанки импортного «Нескафе», завистливо глядели нам вслед, когда мы торжественно уносили потемневшую от копоти кастрюльку с кофе в комнату, на свою суверенную территорию.

Дождь

Дождь идет третий день.

Я привык. Привык, что я давно уже как все. Тропинку мимо бетонного забора, мусорные баки, полустертую «зебру» через местный раздолбанный хайвей — знаю наизусть. Стеклянные проходные, бесплотная бабушка на вахте, желтые занавески в масляных пятнах, грохочущий за стенкой матричник, мой стол, где вечный беспорядок и почему-то всегда поломанные карандаши в ящике. Мне уже не страшно ходить в старом сером костюме и с серьезным лицом. Не страшно быть одним из сотен тысяч, просыпаться в полседьмого, пить мутный чай, бежать на работу. Но иногда…

Хочется свободы и силы. Землю крестьянам, фабрики рабочим, кухни интеллигентам, котельные диссидентам…

Мне — лишний выходной. И ничего больше не надо.

Наверное, я всерьез старше длинного нескладного человека в зеркале. Он еще очень молодой, а мне уже неинтересно…

Я завидую очкарику из шестого отдела. У него эпилепсия, паранойя и зрение минус одиннадцать, он хороший специалист и пламенный революционер. Ненавидит демократов, депутатов, евреев, анархистов, монархистов, коммунистов… Он хочет счастья для всех даром и чтобы никто не ушел…

Он привел меня в кафе возле подземного перехода. Кривой деревянный домик, чудовищная вывеска, которой не видно с дороги, алюминиевые пепельницы, прибитые к столикам здоровыми гвоздями. Вполне приличный кофе и вечный джаз из хрипящего динамика. С тех пор я по будням встаю на час раньше, отправляюсь в кафе, сижу там на неудобном пластмассовом стуле и смотрю в маленькое окошко. За ним мелькают машины и качается ветка тополя.

Зачем?.. Бог его знает… Просто так не делает никто, кроме меня, — это слабое, но все же действенное лекарство против серых костюмов и серьезных лиц.

У бесконечного пути есть цвет, звук, запах и вкус. Серое утреннее небо, гул колес и резкие гудки, незнакомая музыка, табачный дым, кофе, кисловатые, отдающие железом капли городского дождя.

Я — никто, пылинка, обломок, осколок. Я смотрю в окно, а бесконечный путь проходит мимо меня. Каждый день.

Утром первого сентября в придорожном кафе неожиданно много людей. У стойки толпятся школьники из экскурсионного автобуса, длинный стол вдоль стены заняли невыспавшиеся дальнобойщики. Случайные лица запоминаются намертво — так, я помню рыжую девочку с прозрачными зелеными глазами, двоих длинноволосых парней, бледных до синевы «после вчерашнего», бодрого дедулю в куртке, заштопанной цветными нитками. Кто-то из них так же будет помнить меня. Красные георгины в руках строгой женщины, яркие школьные сумки с бесконечными микки-маусами и черепашками ниндзя.

Это время…

Время…

Я застываю камнем, камни вечны, не течет время под лежачий камень…

Я беру со стойки чашку кофе и отправляюсь искать свободное место. У окна, под тяжелой деревянной балкой, клюет носом юная белобрысая девица, телосложением напоминающая сильно вытянутую швабру.

Разумеется, черт меня дергает спросить, свободно ли место за ее столиком.

Разумеется, она отвечает «да» хрипловатым прокуренным голосом. Простужена почти насмерть, и неудивительно: на ней тонкая водолазка, поверх которой надета только серебряная цепочка. Рядом со стулом — внушительных размеров рюкзак. Сама же девица затянута в черное и вид имеет скорбный и мудрый. По крайней мере, именно такой она себе кажется.

Возможно, она хороша собой.

Возможно, даже очень.

Но мне сейчас не до этого. Я вижу другое… Моя соседка — такая же неподвижная часть мира, как белые кофейные чашки и высокий табурет возле стойки, как голубоватый табачный дым, висящий над столами. Я многое отдал бы, чтобы она осталась

здесь навсегда. Но — школа или училище, родители, любимая собака, кошка, хомячок, канарейка, музыкальный центр, книжная полка, подружка зайдет вечером, а он все не звонит, какая гадость этот дождь, хоть бы одна сволочь остановилась… Впрочем, кто знает… Скорее всего, рюкзак и дорожная одежда сродни нелепому костюму на сцене. Может быть, она живет в двух шагах отсюда и никуда не спешит, но ей хочется быть чудной странницей в черном. Может быть…

Не может. Дурацкое сочетание: пренебрежительная усмешка и огромные сияющие глаза. Но, бог мой, как ей идет! Ей хочется чудес, любых, крохотных, нелепых, просто чтобы удостовериться, что они — бывают. А я — совершенно случайно — сижу напротив.

И понятия не имею, с чего начать разговор. Не с погоды же…

— Дождь… — тихо говорит она и смотрит сквозь меня.

— Дождь… — соглашаюсь я.

Мы долго молчим.

Она понятия не имеет, кто я такой, не знает про конструкторское бюро, дорогу вдоль бетонного забора и поломанные карандаши. О каком чуде может идти речь, когда напротив со скучающим видом сидит тип вроде меня? Инженер, дурак, зануда… К счастью, здесь нет никого, кто мог бы рассказать ей правду. Я также понимаю, что моя соседка — примерная школьница или студентка, мамина дочка, чья-нибудь девушка и наверняка слушает всякую сентиментально-бездарную дрянь. Но мне хочется, чтобы она была — ничья, ниоткуда, внезапно возникшая; хочется знать, что скоро она выйдет за дверь и растворится в дожде и тумане, продолжая свой путь никуда.

Поэтому я нарушаю молчание первым. Мне не нужно ничего придумывать — слова давно нашли меня сами. Мне тоже хочется сказки… и наплевать, кто будет за это платить.

— Дождь…

Первое слово сказано, веревочка закрутилась; подбираю разноцветные бусины, жемчуг и граненое стекло, золото и латунь — вперемешку. По выщербленным ступеням, по белому песку дальних берегов, сквозь высокие залы и осенние леса, через реки и тропы — меня ведут ее сумасшедшие глаза. Я чувствую себя прижатым к стенке… и совершенно свободным. Утренняя дрожь отступает, сменяясь непривычным теплом, будто мы сидим у костра и слышим, как дождь уходит по опавшим листьям. Она должна расслышать. Что она видит вокруг — такими глазами? Чувствует ли тепло и свободу?

У нее холодные, неживые руки. Она не верит мне. Думает, что я псих. Или, еще хуже, что я к ней клеюсь. Взгляды и шаги

скользят рядом. Время проходит, не задевая нас; мы слишком привычны здесь, нас никто не заметит. Ее стакан с апельсиновым соком подпрыгивает, когда за окном проезжают тяжелые машины, мой кофе давно остыл; школьники погрузились в свой автобус под окрики женщины с георгинами.

Боже мой, думаю я, так было всегда. Почерневшие от сырости и табачного дыма потолочные балки, дождь, глухо стучащий в жестяной подоконник, и девочка с замерзшими руками; она глядит на меня еще недоверчиво, но…

Дождь переполняет реки и озера, вода размывает непрочные берега, срывает плотины…

…и всегда, неизбежно — в пути; копить секунды, минуты, часы, годы, отнятые у дома — в дар дороге; в пути — будто в погоне за дождем и ветром, за запахом дыма и теплом костра, за прикосновением руки случайного попутчика, за вечной молодостью…

Смотрит не моргая. Лицо — каменное. Только губы дрожат.

Я дурак. Клинический.

Я ведь сейчас уйду, а она поедет домой, отыщет веревку покрепче, приладит петлю… Или разругается с матерью, с подружкой, с молодым человеком — отведет душу. Или просто проплачет всю ночь.

Потому что не бывает бесконечной дороги и вечной молодости. Она слишком много читала, видела, слышала, чтобы поверить мне. Никто не виноват.

Я ухожу быстро. Очень быстро, не оглядываясь.

Теперь она может все. Выйти за дверь, подставить лицо ветру и дождю, остановить машину, уехать на край света…

Только зайдет домой покормить хомячка и позвонить подружке, а потом — плохая погода, завтрашняя учеба, домашние дела… Кому нужен вдохновенный бред случайного знакомого, когда вокруг — такие настоящие стены?

А у меня проект два дня как завис, мне не подготовили документы, горячей воды нет уже неделю, и не к кому зайти вечером. И на лице все это наверняка написано. Кому нужны сказки, рассказанные таким сказочником? Мне хочется, безумно хочется, чтобы она удивленно посмотрела мне вслед, покрутила пальцем у виска, допила апельсиновый сок и отправилась домой. Пожалуй, это единственно возможный счастливый финал для моей сказки. Чтобы ни с кем ничего не случилось.

На мокром шоссе меня не сбила заляпанная грязью машина, я закрыл за собой стеклянную дверь, показал вахтерше пропуск, и все стало как раньше.

Навсегда.

Дождь идет третий день…

Когда свободного времени слишком много, перестаешь его замечать.

Кафе возле подземки снесли лет пятнадцать назад. Недавно на его месте появился торговый центр, разноцветный и легкий, как будто собранный из детского конструктора. На втором этаже, под прозрачным куполом, обнаружилась вполне приличная забегаловка. Белые столики, складные стулья и чистые стаканы. Курить нельзя…

У меня так и осталась привычка просыпаться задолго до рассвета. Мне не на кого тратить время и деньги, потому что никого нет. Не сложилось… Чашка кофе вместо завтрака не разорит бывшего инженера, в портфеле вчерашняя газета, ветки тополя качаются над куполом, и не хватает только старого динамика и музыки…

Очкарик из шестого отдела умер позапрошлой зимой. Внучке двенадцать лет, дочка плакала… Ему бы здесь не понравилось.

Рано или поздно умирают все. Я не исключение, и скорее рано, чем поздно, но… Я до сих пор в это не верю. Не верю — и все.

Вчера она сидела за крайним столиком. Апельсиновый сок, серебряная цепочка на шее, перепутанные светлые кудряшки. Шестнадцать лет, не больше. А должно бы под пятьдесят.

Однажды — к тому времени осенняя вода станет льдом, или лед тронется, или зацветут вишни — она сядет за мой столик и возьмет меня за руку. Если узнает…

У нее будут голубые глаза ребенка — и бессмертное сердце; она поймает первое слово, драгоценный камень или граненую стекляшку — какая разница? Она расскажет мне, что случилось потом, когда я вышел не оборачиваясь, оставив на столе пустую чашку, оставив ее — смотреть мне вслед.

Она вернет мой дар, мое право на вечную молодость и бесконечную дорогу. Это всегда случается вовремя, и я не боюсь опоздать. Поэтому каждое утро я выхожу из дома в дрожащий туман, иду мимо бетонного забора и мусорных баков, жду зеленого огня нового светофора… У городских дождей тот же привкус ржавчины, что и тридцать лет назад, так же шелестят колеса по мокрому асфальту, такой же горький дым от горящих листьев.

Только бы она узнала меня.

Кофе в придорожном кафе

(Рецепт от Макса Фрая)

Уезжая из дома, я всегда беру с собой походную баночку с кофейными специями: молотый кардамон, имбирь, мускатный цвет, перемешанные в равных пропорциях, к ним

можно добавить немного корицы, ванили и гвоздики, а можно не добавлять.

Места в кармане такая баночка занимает немного, а щепотка специй, добавленная в чашку, сразу же, пока кофе еще очень горячий, превращает любые помои в сносный напиток.

Если в кафе найдется лимон, это и вовсе прекрасно. Лимонный сок превращает самый отвратительный кофе в эспрессо романо, одно только название чего стоит.

Елена Касьян

Франка Варэзи и Карла Таволино

— Сеньор Варэзи подтвердил бы, что это полный бред! — сказала сеньора Варэзи.

— Вы не можете этого знать, милочка, — сказала сеньора Таволино, отхлебнув капучино. — Это случилось еще до того, как скончался сеньор Таволино. И уж конечно, до того, как скончался уважаемый сеньор Варэзи.

Обе всплакнули.

— Откуда же вам это известно? — спросила сеньора Варэзи.

— Ну, просто я подумала, что у каждого приличного сеньора должна быть молоденькая любовница. Вы же считали своего супруга приличным сеньором?

— Это да… — вздохнула сеньора Варэзи.

Сеньора Таволино хитро подмигнула и отхлебнула капучино.

* * *

— Франка Варэзи! Ваша кошка залезла в мой холодильник и украла двести граммов бекона. — Сеньора Таволино картинно размахивала ложечкой.

— Карла, дорогая, этого не может быть! Миччола не ест бекон. И не умеет открывать холодильник. К тому же она проспала на веранде все утро.

— Вы знаете, Франка, что я на строгой капучиновой диете?

— Вы говорили мне, Карла. — Сеньора Варэзи смотрела, как оседает пенка в чашке.

— Вы знаете, Франка, что я никогда не нарушаю свое слово?

— Вы говорили мне, Карла. — Сеньора Варэзи потрогала пенку пальчиком.

— Разве не логично, что я не могла съесть двести граммов бекона, а ваша кошка, наоборот, могла?

— Это да… — вздохнула сеньора Варэзи.

Сеньора Таволино удовлетворенно кивнула и отхлебнула капучино.

* * *

— Как вы думаете, Карла, мне пойдет зеленая шляпка с кружевной оборкой и ромашками на полях?

— Вы купили новую шляпку, Франка? — Сеньора Таволино постучала ногтиком по чашке.

Сеньора Варэзи кивнула.

Обе помолчали.

— Франка Варэзи, вы когда-нибудь видели меня в зеленой шляпке с оборкой и ромашками? — спросила сеньора Таволино.

Сеньора Варэзи опустила глаза.

— И как вы думаете почему?

— Почему? — спросила сеньора Варэзи шепотом.

— Потому что ни одна уважающая себя сеньора не выйдет из дому в зеленой шляпке с дурацкой оборкой и пошлыми ромашками на полях!

— Это да… — вздохнула сеньора Варэзи.

Сеньора Таволино торжествующе улыбнулась и отхлебнула капучино.

* * *

— Ах, можете не утруждать себя походом в магазин, Франка. То маленькое черное платье вам не подойдет. — Сеньора Таволино помешивала сахар в чашке.

— Я все-таки схожу примерю. — Сеньора Варэзи слизнула с ложечки пенку.

— А я говорю, вам не подойдет! Я примеряла — мне оно мало!

— Но я ведь тоньше в талии и стройнее в бедрах… и оно мне так нравится… — Сеньора Варэзи мечтательно закатила глазки.

— Вы знаете, Франка, что я на строгой капучиновой диете?

— Вы говорили мне, Карла.

— Вы знаете, что кое-кто садится на диету, чтобы другой кое-кто не думал, что он самый стройный и может влезть в любое платье?

Сеньора Варэзи поперхнулась пенкой и закашлялась.

— И знаете ли вы, — продолжала сеньора Таволино, — что каждая благородная сеньора всегда ставит дружбу выше маленького черного платья?

— Это да… — вздохнула сеньора Варэзи.

Сеньора Таволино гордо вздернула носик и подумала о второй чашечке капучино.

* * *

— Если бы сеньор Таволино был жив… — сказала сеньора Таволино.

— И если бы сеньор Варэзи был жив… — подхватила сеньора Варэзи.

Обе всплакнули.

— То я каждое утро носила бы ему в постель капучино! — сказала сеньора Таволино.

— И я! — подхватила сеньора Варэзи.

— Франка, что вы говорите? Разве вы когда-нибудь носили капучино супругу в постель? — удивилась сеньора Таволино.

— Нет, — смутилась сеньора Варэзи. — Но ведь и вы, Карла, никогда не носили.

— Но я ведь первая придумала!

— Это да… — вздохнула сеньора Варэзи.

Сеньора Таволино довольно хмыкнула и отхлебнула капучино.

* * *

— Доброе утро, Карла, — сказала сеньора Варэзи. — Как пахнет капучино!

Сеньора Таволино отхлебнула из чашки и ничего не ответила.

— Вам не здоровится, Карла?

Сеньора Таволино отхлебнула еще и снова не ответила.

Сеньора Варэзи вздохнула и подвинула к себе сахарницу.

— Настоящие подруги так не поступают! — пробубнила сеньора Таволино. — Я всю ночь мучилась бессонницей, а вам хоть бы что!

— Но я не знала, Карла, я же не знала…

— Вот-вот! А если бы вы были настоящей подругой, вы бы мне что-нибудь почитали. Или даже сварили бы чашечку капучино!

— Это да… — вздохнула сеньора Варэзи.

Сеньора Таволино отхлебнула капучино и обиженно поджала губки.

* * *

— Вы знаете, Франка, что натворила ваша кошка? — Сеньора Таволино размахивала ложечкой.

— Что? — испугалась сеньора Варэзи.

— Она выпила мой утренний капучино!

— Этого не может быть, Карла! Она же кошка.

— Вот именно! Но вы ей все прощаете! Ей позволено гораздо больше, чем мне! — Сеньора Таволино уронила слезу в пустую чашку.

— Не плачьте, Карла, я сварю вам новый капучино, — сказала сеньора Варэзи.

И подумала: «Да пропади ты пропадом, Карла!»

И в ту же секунду Карла Таволино пропала пропадом.

Сеньора Варези немножко подождала, пока остынет капучино, отпила полчашки, а потом еще чуть-чуть, надела зеленую шляпку с кружевной оборкой и ромашками на полях… и пошла покупать маленькое черное платье.

— Завтра сочиню ее получше, — думала сеньора Варэзи. — Чуть менее капризной и чуть более тактичной! Может, придумать ей какую-то зверюшку? Птичку, например? Или рыбку? И обязательно тонкую талию!.. Это да…

Приготовление капучино в домашних условиях

На две порции:

кофе молотый — 7 ст. ложка (для приготовления капучино лучше использовать кофе тонкого помола)

вода — 2,5 чашки

холодное молоко 2-процентной жирности — 0,5 чашки

тертый шоколад или корица (или и то и другое) — щепотка

сахар — 2 кусочка (по желанию)

1. Сварить кофе в джезве, снимать с огня несколько раз, не доводя до кипения.

2. Нагреть молоко на огне в металлической кружке, взбивая миксером или венчиком. Снять с огня, когда образуется однородная пена без больших пузырей.

3. Разлить кофе в чашки и аккуратно переложить в него пену.

Последний штрих — присыпать пену корицей или тертым шоколадом.

Дора

Когда утром я надеваю синее платье — я немая Дора.

Я иду через двор, киваю дворнику, перепрыгиваю через лужу у ворот.

В синем платье я Дора-почтальонка. Я несу большую сумку и пою песни в своей голове.

Мне не нужно нигде останавливаться надолго, чтобы поболтать.

Когда днем я надеваю белое платье — я веселая танцовщица Дотти.

Я хожу в балетную школу и тяну носок у станка.

Мне нравится, как шуршат крахмальные пачки.

Я немая Дотти. но я не глухая. Я слышу, как шепчутся за моей спиной, и тяну носок еще сильнее.

Когда вечером я надеваю красное платье — я малышка Додо.

Я любовница директора балетной школы, старого развратника Джулио. Немая счастливица Додо, засыпанная цветами и подарками.

И даже жена Джулио относится ко мне с пониманием.

Быть немой в красном платье — горше всего.

Когда ночью я надеваю черное платье — я просто немая Долорес.

Я мелю крупные зерна арабики и варю кофе. Черный, как твои глаза, горький, как моя любовь.

Я сажусь писать тебе письма и беззвучно плачу.

Я пишу тебе обо всем, о чем молчала за день: о Доре в синем, о Дотти в белом, о Додо в красном.

Я кричу, как большая рыба, и, заламывая плавники, уплываю к утру в немые сны.

Завтра я пойду и куплю себе желтое платье, радостное желтое платье!

Я надену его и отправлю тебе все письма сразу.

Целый отряд почтальонов с огромными сумками постучит в твою дверь.

Ты будешь читать долго-долго, перебирая буквы, как зерна арабики.

И если в конце концов ты не онемеешь, значит, нет справедливости на свете.

Традиционный кофе из стопроцентной арабики

На одну порцию:
одна чашка воды
одна чайная ложка молотого кофе

В джезву залить воду, довести до кипения. Снять с огня, всыпать в кипяток молотый кофе, осторожно перемешать ложкой до образования пены и поставить на

медленный огонь. Как только шапка пены поднимется, джезву снять с огня, влить туда одну чайную ложку холодной воды и тут же разлить по чашкам.

А давай так…

— Вы думаете, это из-за недостатка внимания? — Женщина на лавочке нервно поправляет очки и вопросительно смотрит на свою собеседницу.

Та пожимает плечами, переворачивает страницу и говорит как бы сама себе:

— Не знаю… мы еще с этим не сталкивались… нам только три месяца…

Рядом в коляске спит детка, и женщина с книжкой время от времени то покачивает коляску, то поправляет одеяльце. Тогда она чуть склоняет голову набок, и лицо ее освещает тихая нежная радость.

— Мальчик, девочка? — спрашивает женщина в очках и вытягивает шею, чтобы увидеть детку. В этот момент она становится похожа на серьезную гусыню, высматривающую утят.

— Девочка, — улыбается молодая мама. И добавляет нараспев: — Настенька…

— Вот и у меня девочка, — вздыхает женщина в очках и втягивает шею. Теперь она похожа на грустную черепаху. — В три месяца они все девочки… А теперь вон, посмотрите!

Женщина с книжкой выпрямляется и смотрит поверх коляски. По ту сторону аллеи, рядом с невысокой клумбой, сидит на корточках девочка лет шести. Ее действительно трудно принять за девочку, а со спины и вовсе никак. Волосы убраны под панамку, шорты на лямках, коленка в зеленке, майка закатилась, обнажив часть худой спины с торчащими позвонками…

Девочка сосредоточенно перебирает руками комки земли, словно выискивая в них что-то, перетирает землю в пальцах, высыпает обратно.

— Антонина, немедленно прекрати пачкаться! — неожиданно высоким голосом кричит ей женщина в очках.

— Я не пачкаюсь, — спокойно говорит девочка, поднимаясь и вытирая руки о шорты. — Я просеиваю грунт, чтобы червякам было легче дышать.

— Каким червякам, что ты выдумываешь? Ты не можешь играть как все нормальные дети? — женщина в очках снова переходит на крик.

Ребенок в коляске просыпается и начинает плакать.

— Ой, извините, ради бога, — говорит женщина шепотом, поправляет очки и виновато улыбается. — Видишь, — обращается она к девочке, — из-за тебя ребенок плачет. А все потому, что надо вести себя как следует!.. Куда ты пошла?.. Антонина, вернись, я сказала! Антонина!

Девочка идет не оглядываясь. Женщина в очках со словами «извините, извините еще раз» покидает лавочку и идет за девочкой в сторону детской площадки.

* * *

— Как тебя зовут? — Девочка с двумя жидкими косичками и большими бантами прижимает к себе большую куклу в платье, очень похожем на ее собственное.

— Тоня. А тебя?

— Меня — Люда. А это Каролина — моя дочка! — Девочка в платье торжественно поворачивает куклу лицом к Антонине. — Мне папа купил!

Тоня бросает взгляд на куклу, хмыкает и говорит:

— Давай так: ты как будто прилетаешь на космическом корабле на Марс, а я как будто марсианин, и мы налаживаем межпланетный контакт!

— Ты не видишь, что ли, я играю с куклой? Хочешь с нами в «дочки-матери»?

— Тогда давай так: кукла — это как будто робот, а мы должны поменять ей программу и спасти планету! — Тоня берет куклу за руку.

— Не трогай! — Люда вырывает куклу и отворачивается. — У тебя руки грязные! Я с тобой не играю!

На верхней ступеньке горки, сделанной в виде ракеты, сидит мальчик с пластмассовым мечом и наблюдает за всей сценой, свесив ноги. Время от времени он прижимается к бортику, чтобы дать протиснуться кому-то из малышей, которые поднимаются по лесенке. Иногда он выставляет меч, как шлагбаум, и говорит:

— Предъявите ваш билетик?

Тогда малыши делают жест, словно вкладывают ему в руку невидимый билетик.

— Проходите! — говорит мальчик, поднимая меч.

Малыши смеются.

Чуть поодаль двое мальчишек постарше играют в мушкетеров. Они фехтуют длинными прутьями, стараясь

выдержать правильную позу: одна нога в выпаде впереди, свободная рука поднята и отведена назад. Получается красиво.

Тоня подходит ближе и садится на траву. Через какое-то время мальчишки замечают ее и опускают прутья.

— Что надо? Иди отсюда!

— А давайте так: вы как будто великаны и сражаетесь с драконом, а я как будто знаю тайное заклинание, но меня заточили в подземелье!

— Мы в такую фигню не играем. Не мешай нам тут!

— Или давайте тогда так: вы пускай мушкетеры, а я колдунья и перенесла вас в будущее!

— Ты не поняла? Иди отсюда! — Один из мальчишек замахивается прутом.

— Антонина! — кричит женщина с лавочки. — Немедленно иди сюда, я сказала!

Мальчишки поспешно уходят на другую сторону площадки.

Тоня поднимается, отряхивает шорты и идет к лавочке.

На минутку она останавливается у песочницы. Там две девочки, очень похожие между собой (но одна маленькая, другая постарше), играют с детской посудой.

— Теперь я буду варить кофе, — говорит та, что постарше, и загребает песок маленькой белой ложечкой в аккуратную белую кастрюльку.

— И я! Оля, и я! — подхватывает младшая и, порывшись в ведерке, выуживает такую же ложечку.

— Ты еще маленькая! Ты вари компот. Тебе кофе нельзя. Ты от него можешь умереть! — Девочка Оля делает большие глаза.

Младшая испуганно бросает ложечку.

— Я не умею компот, — растерянно говорит она.

— Ничего-то ты не умеешь, — по-взрослому качает головой Оля. — Тогда сиди и смотри!

— А давайте так: вы как будто сварили кофе, а я как будто гадалка, — Тоня присаживается на корточки, — я буду гадать на кофейной гуще и расскажу вам будущее.

— Нет! — говорит старшая девочка и отворачивается, заслоняя собой игрушки.

— А тогда давайте так…

— Нет! — с нажимом повторяет девочка.

— Нет! — звонко подхватывает маленькая.

Тоня вздыхает, еще минутку смотрит, как Оля крошит в кастрюльку несколько травинок, и идет к лавочке.

— Садись, я хочу с тобой поговорить. — Женщина поправляет очки, делает серьезное лицо, и между бровей у нее появляются

две глубокие морщины.

* * *

Тоня сидит на лавочке и болтает ногами, прочерчивая в земле бороздки. В сандалии забивается песок, но она не обращает внимания. Мама говорит и говорит.

— Вот почему ты не поиграешь с той девочкой? Как ее зовут? — спрашивает она.

— Люда, — говорит Тоня.

— Хочешь, я попрошу Людочку, и она с тобой поиграет?

— Не хочу.

— А вон те две хорошенькие сестрички? Смотри, какая у них посудка.

Тоня молчит.

— Перестань болтать ногами, когда я с тобой разговариваю! Покажи руки.

Тоня перестает болтать ногами и показывает руки.

— Господи! Что за наказание? Мы же только вышли из дома! Ты можешь вести себя по-человечески? — с надрывом говорит женщина и снимает очки. И снова надевает.

— Могу, — говорит девочка, встает с лавочки и добавляет шепотом: — Наверное.

Тем временем мальчик с пластмассовым мечом спрыгивает с горки и прогуливается вокруг песочницы, поддевая ногой камешки.

Он подходит к Тоне и говорит:

— Давай так: ты как будто умеешь дышать под водой, а я водолаз и ищу затонувший корабль.

Тоня удивленно смотрит на мальчика. В ее глазах одновременно — и любопытство, и недоверие.

— Лучше давай так, — говорит она, — ты как будто водолаз, а я как будто призрак на корабле и не пускаю водолазов к сокровищам.

— Хорошо. А я как будто особенный водолаз и могу вернуть твой дух в тело! Тогда ты оживешь! — предлагает мальчик.

— Здорово! Только для этого тебе надо найти тайную книгу в затонувшем корабле, — оживляется девочка.

— Давай так: как будто в книге написано твое имя, которое надо произнести вслух! А сама ты не можешь, ты же призрак!

— А еще давай так…

— А еще лучше…

Когда женщина в очках спохватывается, мальчик с девочкой уже почти вышли из сквера. Они удаляются, держась за руки, и что-то оживленно обсуждают.

— Антонина, куда ты пошла? Вернись немедленно, я сказала! Антонина! — Женщина поправляет очки и бегом пересекает детскую площадку.

Две сестры в песочнице, забыв про кастрюльку с кофе, шумно делят пластмассовый меч.

Детский кофе от старшей сестры

Посуда имеет особое значение.

Она должна быть миниатюрной и выполненной из легких материалов.

Цвет предпочтительно белый.

Кофе готовится в маленькой двуручной кастрюльке.

Засыпать 6–8 ложечек песка, стараясь, чтобы в кастрюльку не попали стеклышки, мелкие камни и твердые комки земли.

Несколько травинок одинаковой длины мелко покрошить руками и всыпать, аккуратно помешивая.

Влить полчашечки воды из ближайшей лужи (при условии, что лужа образовалась не ранее вчерашнего вечера).

При желании можно украсить пухом одуванчика и накрыть блюдцем.

Настаивать на бортике песочницы до полной потери интереса.

Юлия Боровинская

Как получится

— В любой женской истории всегда есть любовь — или в начале, или в конце.

— В конце — лучше.

— Это смотря какая любовь…

— Я в христианский рай не верю, — шепчет она, притулившись головой между его рукой и телом так, что выдыхаемые слова щекочут сосок, и это не дает мягко сползти в сон.

— Почему?

— А мне там было бы неудобно.

Если не спать, то закурить бы, но правая рука касается ее волос, а за пепельницей и вовсе придется вставать, тогда и она закурит, придется потом проветривать…

— Ну вот представь: начала я прямо с завтрашнего дня молиться, каяться, что там еще положено?.. И попала после смерти в рай. А там уже Витька и Стах. И я каждого из них люблю.

— Ну и живи с обоими.

Неприятно, конечно. Уж в постели можно было бы и не… Но если показать, что неприятно, будет еще хуже. Или все-таки закурить?

— Не-а, никак. Трахаться можно с двумя, а любить — как? Или уж всю душу отдавать или — на фиг нужно? Да и не положено так в раю, наверное…

— Много ты знаешь, что там положено…

— Ну… я пред-по-ла-гаю. Ты сам тоже не знаешь — ты ведь в раю ни разу не был!

— Нет, — улыбается он и думает: «А надо бы заглянуть как-нибудь», — и все-таки встает за пепельницей, ловко выскользнув из-под ее рассыпавшихся волос.

Пепельница старая, массивная, квартирный хозяин оставил, а может, кто-то из прежних жильцов. Глиняный шершавый треугольник облезло-коричневый, а вместо углов — оскаленные драконьи морды. Из Китая, наверное. Или из Таиланда — кто их разберет?

Он забирается обратно под одеяло аккуратно, так чтобы не прижать ненароком разметанные по простыне и подушке пряди.

— Будешь?

— Давай.

Она коротко, но глубоко затягивается, медлит, впуская дым в легкие.

— А еще я бы страшно устала, — наконец говорит она.

— От рая?

— От себя. Это же одуреть можно — всю вечность быть собой. Тащить на себе рюкзаком и детские обиды, и чьи-то случайные слова и собственную вину, и чьи-то предательства. И даже однажды виденную задавленную собаку, из-за которой теперь отводишь взгляд от любой старой тряпки, валяющейся у обочины, — тащить.

— А ты представь, что у ворот в рай с тебя все это снимают. Стоит там такая корзинка, как в аэропорту перед металлоискателем, и ты туда все складываешь, складываешь, складываешь — пока не станет совсем легко и светло.

— Да, но кто же тогда войдет в эти ворота? Не я — это уж точно.

Он вспомнил, как два года назад, в метро, она плакала, прислонившись головой к какому-то глупому объявлению — то ли рекламе обувного магазина, то ли о новом, невероятно выгодном тарифе. А когда он только собрался что-то спросить, она резко сказала:

— Я даже и пытаться больше не хочу! — и вышла.

А вчера она курила на лавочке в его дворе — просто шла мимо, захотелось где-то присесть и покурить, — а он как раз вышел в магазин. Потом они ели мороженое в кафе — она заказала фисташковое, — и он спросил:

— А что ты еще хочешь?

— Покататься на карусели.

И все это было судьбой, несомненно, никакой вины он за собой не чувствовал, даже поцеловала она его первая — ладно бы от любви, но нет, от одержимости забыть кого-то, по кому были эти давние слезы в метро.

Ведь нелепо же предупреждать, что твои женщины всегда умирают, где-то там, в своих квартирах и на своих простынях, через день-другой просто перестают дышать во сне. Трижды так было, а больше он и пробовать не хочет — то ли бывшая жена к ведьме ходила, то ли такое уж цыганское счастье…

Но тогда она сама сказала, едва-едва успели разомкнуть губы:

— Знаешь, мои мужчины или умирают, или не любят, так что ты меня не люби, пожалуйста, совсем не люби, ты будешь чужой мужчина.

А вот теперь они курят в постели — такой банальный кадр! — и серый дым как цепь унылого безумия, одна на двоих. Ведь если и есть в жизни место чуду, то только как празднику — фейерверк, Новый год, — а то что же это за чудеса-то с удушливым запахом формалина?!

Он ткнул сигарету в пепельницу и долго не мог там ее

задавить — хуже нет вони дотлевающего окурка! А она свою — потухшую — просто уронила и смотрела теперь на него — темные глаза, мягкий, оплывающий уже овал лица, верхняя губа с двумя вершинками. Что-то странно сильное чувствовалось в ней, словно гроза или песчаная буря лежала рядом в постели, но и безнадежно одинокое — кто же, в самом-то деле, поведет грозу кататься на карусели?

— Вот что, — сказал он, стараясь не заглядывать в черные колодцы ее глаз, — я сейчас пойду на кухню жарить кофейные зерна — у меня есть специальная сковородка, маленькая, чугунная. А потом смелю и сварю с имбирным корнем и каплей дынного ликера. А ты пока можешь проветрить комнату и расправить простыни. Когда я вернусь, мы будем пить кофе и курить, и уж наверное, целоваться, но вот чего мы точно не будем делать, так это обрекать себя на любовь или не-любовь. Просто поживем и посмотрим, что из этого получится. Может, и в парк завтра сходим. Карусели, конечно, еще не работают, но ведь и на санках можно покататься. А смерть, рай и весь прочий пафос запросто могут подождать лет сорок. Согласна?

Она помедлила и кивнула.

«И в самом-то деле, — подумал он, — ну кто там заметит всего-навсего сорокалетнее отсутствие одного-единственного ангела смерти? Или… — он взглянул в сторону кровати, — или даже двоих?»

Рецепт кофе с имбирем и дынным ликером (по-йеменски)

Ингредиенты на две порции:

Три столовые ложки кофе мелкого помола, кусочек корня имбиря (размером примерно с нижнюю фалангу большого

пальца руки), натертый на мелкой терке, сахар на кончике чайной ложки, один кристаллик крупной соли, чайная ложка дынного ликера.

Приготовление:

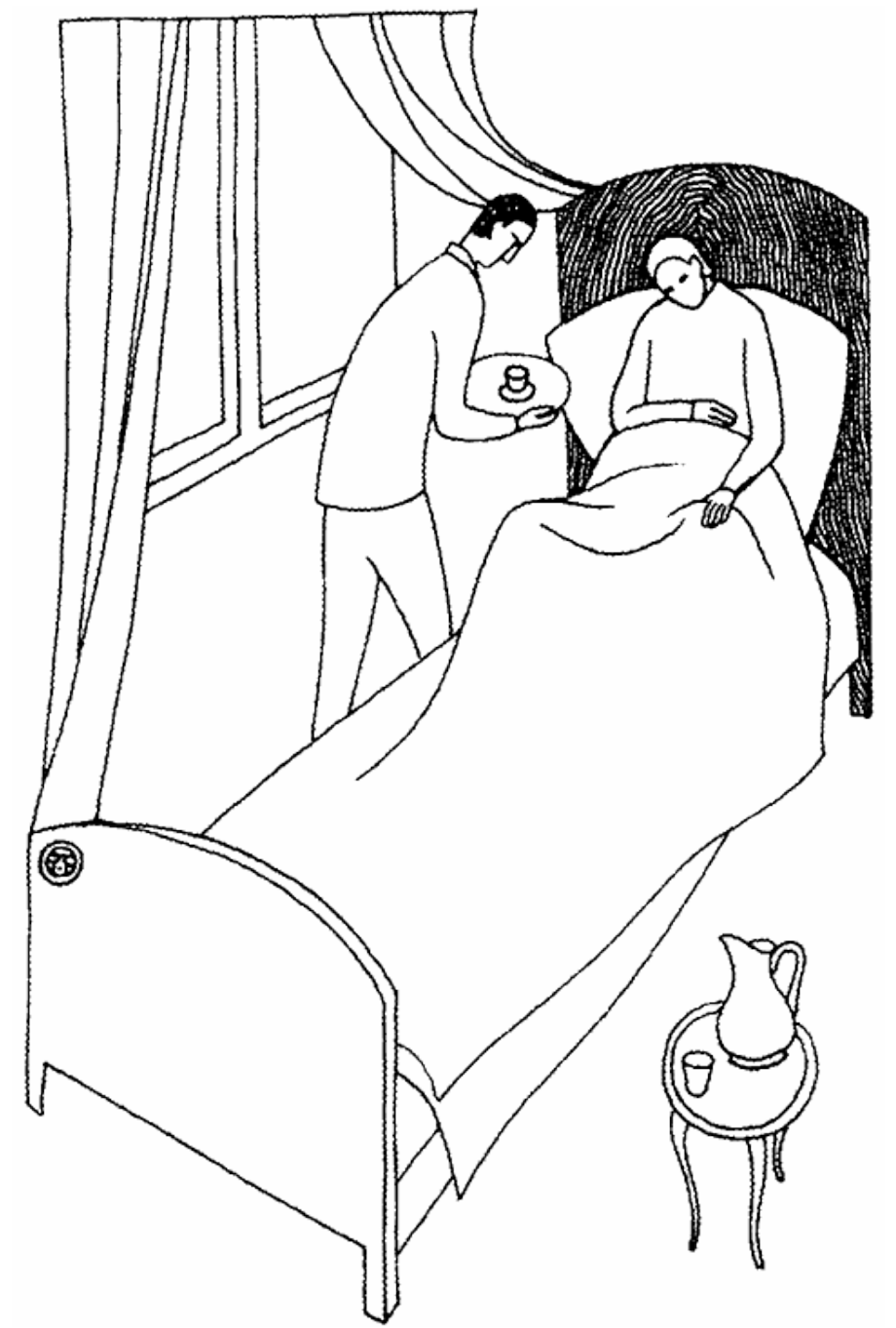
Медную джезву прогреть на рассекателе или на песочнице, всыпать смесь сахара, соли и кофе, согреть, чтобы сахар начал карамелизоваться (это можно почувствовать по запаху). Ну или просто подогреть, временами встряхивая. Всыпать имбирный корень, залить небольшим количеством родниковой холодной воды. Как только возле стенок джезвы на воде появятся

пузырьки, долить водой до горлышка.

Когда поднимется пена, снять с огня, размешать, провести джезвой несколько раз в воздухе, снова поставить. И так три раза.

Разлить по чашкам, в каждую сверху (непременно сверху, чтобы алкоголь испарился, а дынный запах остался) влить по пол чайной ложки дынного ликера, кстати, не обязательно дынного — тут все зависит от личного вкуса и смелости экспериментатора.

Константин Наумов



Настоящий кофе

С ней мы стали на «ты» с первого дня и на много лет. Начал я: на лекции с последней парты спросил что-то о знаковых стимулах. Лекцию вела она, для группы психологов: моя тогдашняя блондинка намеревалась стать дорогим аналитиком, от нечего делать иногда сидел с ней на лекциях. Блондинка, встречаясь со мной, имела в виду изучить поближе живого психа; впрочем, я довольно быстро попал, но не куда хотела она — на кушетку, а куда хотел я — в ее постель. Лекция была по этологии: ребенком я лазил в шкаф за фантастикой, а полкой ниже стоял Лоренц; кроме того, меня любят животные (говорят, с моим диагнозом это бывает очень часто), так что нашлась общая тема.

Обычно мы вместе пили кофе. У нее был муж, у меня тоже кто-то, ревновать глупо, и потом — чуть не полвека разницы в возрасте. Однажды, когда мы лезли в окно к мужу моей девушки (свой дом, первый этаж, без решеток), чтобы уговорить его вынуть голову из петли, она сказала, принимая мою руку: «Видимо, я смогу сделать для тебя все». — «Кроме одного — я не буду держать для тебя свечку», — сказано было через полгода, но это была одна фраза. Наверное, я был единственным человеком, который мог погладить очень короткий седой ежик, другой прически никогда не было, — прикосновений к своей голове, даже случайных, она не терпела совершенно, но я терпел ее, а она — меня. Не думаю, что у любого из нас был кто-то ближе, а на слухи ей всегда было плевать, и ректор вуза был ее студенческим любовником.

Я узнал едва ли не последним. Страшная худоба, липкий от пота ежик на голове. «Эти мудаки запретили мне кофе, я не могу напоить тебя кофе, слышишь?» — и медленные слезы. Умница Наташа ее горничная, спустила в канализацию всю коллекцию, оставив какой-то случайный декаф в зернах (кофе без кофеина врачи разрешили). Его, с трудом добравшись до унитаза, спустила в канализацию сама хозяйка, она не терпела фальши. «Сигареты я тебе не принесу», — сказал я; это было честно, она никогда не курила при мне, но кофе — совсем другое дело. Глаза умирающей горели свирепым огнем, таким взглядом ее прадедушки заставляли осесть на задние ноги боевых коней моих прадедушек, чтобы ловчее всадить стрелу в открывшееся горло седока. Наташа плакала в коридоре: «Даже одна чашка может ее убить, ты это понимаешь? Я же сварила ей декаф». Куда больная вылила чашку фальшивого кофе, прежде чем высыпать в сортир зерна, по Наташе было видно: кофе плохо отстирывается от светлой блузки.

Наверное, странно вот так говорить у постели умирающей о кофе, да? Но как вам объяснить, что означало лишить ее кофе, лишить прихоти. Помню, как она орала на управляющего в чопорном старом варшавском отеле, в Варшаве вообще мало таких, после войны ее отстроили заново, с нуля, там скорее встретится новостройка какой-нибудь французской отельной сети. Она прилетела на конференцию, в президиум, я — просто так, за компанию. «Я почетный гость этого сраного отеля, — орала она. — И почетный гость этой сраной конференции, переведи этим мудакам, что, если я хочу жить в номере с молодым любовником, меня не ебет, нравится им это или нет, ебать меня будет любовник, а не этот жирный боров!» Я не переводил — во-первых, «жирный боров» понимал по-русски, во-вторых, она знала на три языка больше, чем я. Конечно, мы не спали с ней, вообще ни разу, и конечно, нам дали этот номер. В номере она увидела мой новый плоский ноутбук и на следующий день заставила меня найти ей такой же. «Такой же. Нет, лучше!» Не помню, чем лучше, кажется, чуть больше объем памяти, но это было очень важно. На террасе отеля хорошо шли итальянские сорта кофе, которые я покупал в маленькой лавочке у живого неаполитанца; голландские ей присылал друг, историк. В Гааге у него был двухэтажный дом, на первом жили его любовники — всегда больше одного, на втором — кабинет, она иногда ездила к нему — отдыхать.

За два дня она звонила мне раз пять: «Ты что, хочешь, чтобы я сдохла не от сердца, а от ломки, как поганый наркоман в засранном подвале, ты этого хочешь?!» На шестой раз я не выдержал и заорал в ответ: «Ладно, я сейчас куплю тебе растворимый кофе в дешевом кафе, я привезу тебе его в термосе, слышишь, извращенка, я вылью его в термос прямо из липкой чашки!» Она бросила трубку. Тот самый итальянский кофе я достал на следующий день к вечеру; кроме всего прочего, это стоило мне нескольких часов международных телефонных разговоров. Чью-то девушку, которая везла для меня два пакета, я встретил в аэропорту раньше, чем ее родители, — за 15 долларов меня пустили в транзитную зону; дура курьерша испугалась, что везет наркотики.

Пока я варил кофе, мы говорили, кажется, о Полин Рейдж: «Эта умерла в девяносто один, знаешь?» Очень крепкий кофе, густой, как обычно; держать что-то она уже не могла, я поил ее, как ребенка: в левой фарфоровая чашечка кофе, в правой — стакан «Perrier», она всегда пила кофе с водой. Глотать ей было

трудно, густой кофе вырывался изо рта в чистую воду и мгновенно растаивал. Допив, она закрыла глаза (опять потекли слезы) и приказала: «Поставь на стол, не убирай ничего», — наверное, ей было важно, чтобы врач увидел пакет сильно обжаренных зерен и черную гущу на дне хрупкой дорогой чашки.

Через месяц после того, как все кончилось, зареванная Наташа принесла мне эти зерна, пакет долго лежал на полке, потом куда-то исчез. Очень дорогой кофе, знаете? Произведенный знаменитой итальянской фирмой, небольшой партией, совсем без кофеина, а на вкус такой, что даже хороший любитель не отличит. Быстро достать его — это была непростая задача даже для богатого гаагского гомосексуалиста. Очень, очень похож, и я пересыпал зерна в настоящую пачку от настоящего кофе этого сорта.

Она была умна, умнее всех, кого я знал, а я был юный балбес и только очень не скоро, проснувшись среди ночи в другом городе и другой жизни, вдруг понял: она знала, что я привез ей декаф, знала с самого начала. Выбирала между двумя привязанностями и выбрала — меня. Но как же ей, должно быть, хотелось тогда настоящего кофе.

Кофе без кофеина

Декаф — нелюбимый ребенок большой кофейной семьи; кофеманы всех мастей морщатся непроизвольно, когда речь заходит о нем. И правда, кофе — напиток куда более утилитарный, чем чай; его тонизирующие свойства для многих — не приятное дополнение ко вкусу и ритуалу, а причина, главный повод пить кофе. Если отнять у кофе кофеин, который даже название свое занял у зерен, разве это будет кофе?

Что только не делают с зернами, чтобы отнять у них, несчастных, кофеин: обрабатывают горячим паром — и это до жарки. Промывают хлористым метиленом (самый употребимый, к слову, способ) — растворителем для масляной краски. Даже при лучшем и самом «естественном» способе зерна сначала долго промывают водой, чтобы отнять у них и запах, и масла, и кофеин, потом кофеин удаляют уже из воды и снова вымачивают, выпаривают в этой воде зерна — чтобы вернуть им отнятый вкус и аромат, в любом из способов страдают и вкус, и запах; результат, по мнению многих, — уже и не

кофе вовсе, а помои.

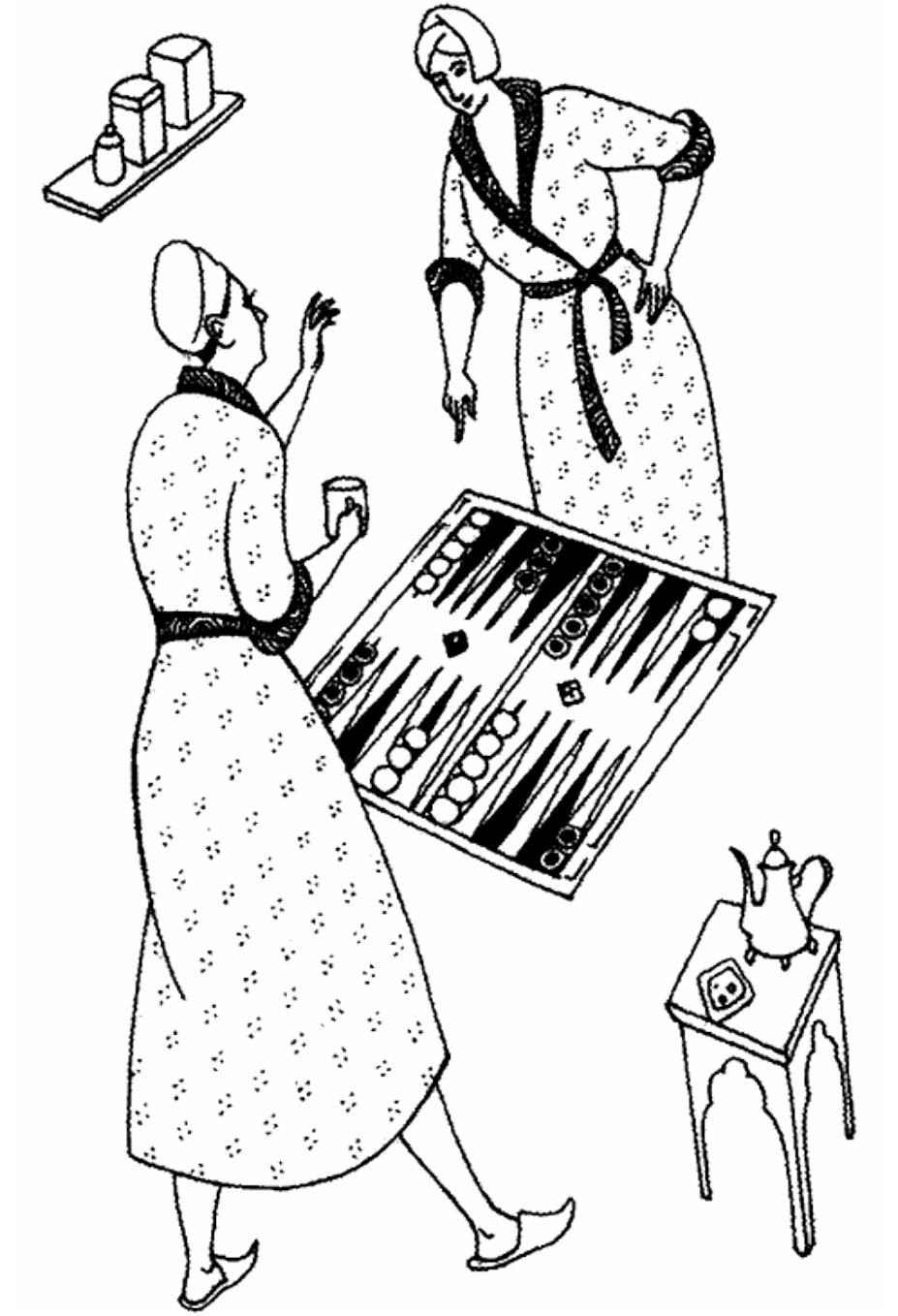
С другой стороны, если оставить знаменитое кофейное пижонство, декаф — единственный способ для людей с высоким давлением или болезнями сердца пить настоящий (по крайней мере, бывший настоящим до обработки) кофе. Сами производители хороших сортов никогда не готовят декаф — слишком дорого. Зерна везут на специальные фабрики, откуда он возвращается уже без кофеина, потом — все как обычно, кофе жарят, купажируют — до или после жарки, и дальше — по схеме производства, доставки, продажи. Магазин, и кофе попадает на полку холодильника — если вы, как предписано, храните открытую пачку в холоде.

С этого момента сменим тон: кофе куплен, упаковка вскрыта. Отсюда позволю себе только личное, субъективное мнение. Итак, с чем придется работать: у декафа слабее вкус и аромат. Здесь нет кофеина, вместе с ним ушла горечь, часто производитель компенсирует это более интенсивной обжаркой, которая, хоть и дает горчинку, безусловно, портит вкус. Вкус становится более грубым и плоским.

Что делать? Если вы, как и я, варите в джезве, вот совет — до декофеинизации кофе обрабатывают паром, поэтому варить стоит при более высокой температуре, но не дольше: переваренный декаф на вкус еще противнее обычного переваренного кофе. Декаф нужно класть щедро. Это очень простая и очень важная хитрость. Специи — хороший способ замаскировать недостатки. Мускат, имбирь — то, чем у меня получается компенсировать «провалы» вкуса и аромата. Говорят, для декафа хороша ваниль, это даже звучит как-то логично, и, скорее всего, так и есть. Сам не пробовал, так как не терплю ванильного кофе.

Несколько слов об эспрессо. Декофеинизированные сорта эспрессо бывают очень достойными. Настолько, что в напитках на их основе трудно отличить его на вкус, например, латэ, как и любой другой напиток с молоком на основе эспрессо, отлично маскирует декаф.

Мария Станкевич



Марго и Рита

— С таким характером ты на всю жизнь останешься одна! Ты будешь несчастна, Маргаритка! — патетически прорицала мама, опадая ярким кленовым листом в кресло.

— Только об этом и мечтаю, — иронически глядя на заламывающую руки мать, отвечала дщерь Маргаритка.

— Прямо так-таки ничего и не боишься? — с искренним интересом спрашивал водила замызганного «москвича», подобравший безбашенную девчонку на Вольском тракте.

— Ничего, — рассеянно говорила Марго — королева автостопа, разглядывая горизонт через видоискатель.

— Бергович, ты — дура, — радостно сообщала подружка Инка, подливая в рюмки. — Мужики от тебя плачут. Пробросаешься!

— Было бы кем, — фыркала Ритка, закусывая водку последней долькой лимона.

— Маргарита, ты ужасный человек, — нервно щелкая зажигалкой, говорил главный редактор. — С тобой просто невозможно работать!

— Невозможно — не работай. Мне как-то все равно, — ехидно отзывалась лучший фотограф местной прессы (псевдоним — Рита Эмберг), вытаскивая у шефа сигарету из пальцев.

— Вот же цаца какая, — ворчали соседки, презрительно глядя на проходящую мимо Маргариту Соломоновну. — Нет чтобы с нами на лавочке посидеть, так даже не здоровается по-человечески.

Сомнительно, чтобы Маргарита Соломоновна вообще знала об их существовании, но шевеление у подъезда заставляло ее приветствовать туманные незнакомые фигуры легким кивком головы. Вежливость королей.

— Несчастная женщина, — выдав Маргарите две пачки мальборо-лайтс, шептала продавщица своей товарке. — Как это страшно, остаться на старости лет одной.

У Маргариты хороший слух, но слова пролетают мимо, лишь легонько поднимая уголки губ. Пусть себе.

Всю жизнь одна. Ничего не боится. И мужики плачут, и работать невозможно… Цаца. Самая настоящая цаца.

Одна — всю жизнь и на старости лет.

Все правда. Чистая-чистая правда.

Замуж выйти не сподобилась. О детях даже думать было противно. Последней подругой была Инка, давным-давно уже уехавшая в Израиль и потерявшаяся навсегда. Коллеги вздохнули облегченно, когда Рита Эмберг заявила, что наработалась до зеленых чертей и не пошли бы их дурацкие репортажи, светские рауты и пошлые локальные селебритиз все скопом в одну

большую жопу. Соседи были фоном существования, вроде деревьев и бродячих собак. Все остальные не годились даже на роль сухостоя и собачьих какашек. До тех пор, разумеется, пока не цепляли одежду и не попадались под ноги.

Несчастная?

О нет. Вовсе нет.

Но иногда по ночам, когда старая Маргарита спала, по-детски уткнувшись носом в одну из четырех фигурных подушек, приходила мама. Знакомо разметывалась кленовым, сухим уже листом в кресле, выговаривала дребезжащим, предсмертным голоском непутевой, даром что старой такой, дочери. Стакан воды пресловутый поминала, ужасами невозможности вызвать «если что» «скорую помощь» стращала, качала головой, всплескивала руками. Стонала тихонько: «Одна, Маргаритка, ты осталась одна Я же тебя предупреждала!» — «Я только об этом и мечтала», — вяло отбивалась пожухшая Маргаритка и просыпалась потом с головной болью. Снов не помнила, но, умываясь, одеваясь, наливая себе первую порцию утреннего кофе, разжигая первую сигарету, чувствовала томление неясное в груди, словно и правда — права была мама и нет ничего хуже старческого одиночества. Но нет, нет. Не нужен мне никто, слышишь, мама? Ни тогда не врала, ни сейчас.

Какого черта, в конце-то концов?

Я счастлива.

Я довольна.

Я умиротворена.

И стакан воды способна подать себе сама. Если мне вообще захочется пить эту самую воду.

Так какого, еще раз спрашиваю, черта?

Впрочем, после второй чашки и третьей сигареты (вот и весь завтрак) Маргарита возвращалась в бодрое, спокойно-равнодушное расположение духа, бросала грязную посуду в раковину и, вечно забыв выяснить, что за погода на улице, уходила бродить по городу. Фотографировать дома, деревья, автомобили, заборы, цветочные горшки на чужих окнах, объявления на остановках, трещины на асфальте (не людей). Большего удовольствия она никогда не знала.

Имелась лишь одна — пустяковая, по большому-то счету, — вещь, которая, пожалуй, могла бы сделать Маргариту несчастной, умей она быть таковой, — в нарды играть было ей не с кем. А она эту игру очень уважала. Ее саму играть научила мама, маму — бабушка, бабушку… черт его знает — прабабушка, наверное. И у

всех них было с кем играть, а Маргарите — не с кем. И дело даже не в том, что партнеров не найти — найти. И всегда было найти, не такая редкая игра нарды, чтобы никто не умел (и в то же время не такая всеми любимая, чтобы наблюдался переизбыток желающих кидать кости на деревянную доску), но никто не мог играть с Маргаритой. И опять же, отнюдь не из-за того, что не любили — совсем не обязательно любить второго игрока, чтобы насладиться игрой, — а просто не везло. Партия-две, и звонит телефон, стучат в дверь, приходят люди, вспоминаются дела неотложные. До смешного доходило. Вот, скажем, в городском парке вечерами много игроков — кто в карты, кто в шахматы, кто в шашки. Нарды вниманием не обделены, конечно. Все со всеми, все против всех, завсегдатаи со случайными прохожими, собачники с мамашами, продавщица мороженого против смотрителя тира, фотограф с совой против бабушки с семечками. Щелк-щелк кости в стаканчиках, ширх-ширх шашки по доске.

Маргарита тоже захаживала временами, вынимала из сумки доску маленькую, резную (бабушкина еще), раскладывала с независимым видом на лавочке, расставляла шашки, встряхивала стаканчиком… Желающие тут же находились, да не один и не два — чуть не очередь выстраивалась сыграть с изящной леди да на старинной доске. Но только через пару партий начинался дождь или ветер поднимался такой, что грозил не только шляпы-пакеты-газеты, но доски вместе с игроками унести… Или вовсе непотребство какое начиналось — обнаруживалось вдруг, например, что двадцать минут назад выиграла местная футбольная команда, и парк, расположенный неподалеку от стадиона, наводнялся опасными нетрезвыми детьми с дудками и флагами. Какие уж тут игры, ноги бы унести.

Словом, не везло Маргарите. Не вез-ло. Но нарды она из сумки не вынимала. Будто надеялась, что удастся однажды поиграть с кем-нибудь не десять, не двадцать минут, а хотя бы часа два. Пока, впрочем, не удавалось. Но пусть. В сущности, не все ли равно?..

Семьдесят первый день своего рождения Маргарита отметила хорошей бутылкой коньяка в компании мафиози с бархатным голосом. Only the lonely… When no one cares… Don't worry about me… О да! Действительно, не стоит, пожалуй. Маргарита подпевала, кружилась осторожными легкими шагами по комнате, нежно поглаживала пальцами бокал, наполненный янтарем. Захмелев, попробовала сыграть сама с собой в нарды. Не понравилось. Сгребла шашки небрежно, захлопнула доску,

бросила в сумку — ждать своего часа. Перед сном улыбнулась своему отражению в зеркале. Несчастная? Что ж, коли так… Glad to be unhappy, верно.

Спать легла вполне довольная жизнью и собой. Впрочем, как всегда.

А под утро опять пришла мама. Шептала с кресла монотонно: «Маргарита, Маргарита, как ты глупа. Как ты глупа и несчастна, Маргарита».

«Господи, мама! Сколько можно?» — не выдержала Маргарита и проснулась. Голову привычно стягивало, смертельно хотелось кофе и курить. Раскидав подушки, выбралась из постели, побрела тихонько на кухню, на ощупь пробираясь темным коридором.

Темным? Обогнув угол, Маргарита увидела, что матовое стекло кухонной двери не серое, как ему полагается, а вовсе даже оранжевое, горит… Хотя она, трепетно относившаяся к вопросу экономии электроэнергии, твердо помнила, что вчера свет — выключала. Еще до того, как открыла бутылку.

Маргарита остановилась, замерла, прищурилась, разглядывая необъяснимый феномен.

— Очень интересно, — пробормотала себе под нос. — У тебя начинается склероз, дорогая?

В ответ с кухни раздался свист чайника и тихое звяканье, словно кто-то открыл банку с кофе. Кофе?! Да-да, точно — ложечка стукнула о металл, булькнула вода, проходя носиком в чашку, глухо стукнул чайник, возвращаясь на плиту.

Маргарита сглотнула и дернула шеей. Сомнительно, чтобы банальный взломщик мог напугать ее, но… но Маргарита просто не могла представить себе бандита, который решил попить кофе во взломанной квартире. Посему судорожность ее движений была продиктована, разумеется, не страхом, а скорее крайним изумлением. Ошеломлением. Полным непониманием происходящего. Если не сказать хуже.

— Что еще за фокусы? — громко сказала Маргарита и толкнула дверь. Несколько сильнее, чем требовалось — дверь бухнула о стенку, матовое стекло трескуче осыпалось на пол.

— Доброе утро, — любезно поздоровалась с Маргаритой сидящая за столом Маргарита. — Мне тоже не нравилось это стекло.

— Та-а-ак. — Маргарита осела на табуретку и критически посмотрела на… эээ… саму себя. — Здравствуй, маразм.

— Не паникуй, дорогая, — откликнулась Маргарита. — До

маразма тебе еще далеко.

— Да ну? — ухмыльнулась Маргарита.

— Ну да.

— Как скажешь… дорогая. — Самообладания Маргарите, конечно, не занимать.

Она пододвинула к себе пепельницу, нашарила пачку. Долго искала зажигалку по карманам халата, плюнула наконец, дотянулась до плиты, покрутила сигарету в синем огне. Затянулась.

— Кофе будешь? — спросила пришлая Маргарита. И сама себе ответила: — Будешь, конечно.

Она встала, снова зазвякала ложечкой, забулькала чайником. Маргарита с интересом следила за ее движениями, одновременно узнавая и не узнавая себя. Никогда не думала, что у нее так изящно получается брать с плиты тяжеленный чайник. Никогда не замечала, что так по-идиотски шевелит верхней губой, отмеряя кофе. Хорошая краска для волос, долго держится. А вот эту блузку я, пожалуй, больше никогда не надену.

— Для начала, — заявила Маргарита, подав чашку и снова усевшись со своего конца стола, — зови меня Ритой. А я тебя буду называть Марго. Согласна?

— Для начала? Очень любопытно, — хмыкнула Маргарита. Не дождавшись ответа, вздохнула: — Да. Согласна.

— Отлично. Значит, договорились.

Помолчали. Выпили кофе, разлили по новой. Одновременно схватились за сигареты, так же одновременно отдернули ладони, уступая. Поухмылялись. Закурили, синхронно выпуская тонкие струйки дыма из тонких ноздрей. Разглядывали друг друга, без смущенья встречаясь глазами.

— Значит, не маразм? — нарушает Марго тишину.

— Нет, дорогая.

— Тогда что? Шизофрения? Не знаю… раздвоение личности? Откуда ты взялась? Зачем пришла?

Рита скептически смотрит на Марго, вздергивает ехидно правую бровь.

— Я тебе кто — врач? Диагнозы — это не по моей части, дорогая. Впрочем, к нам они все равно не имеют никакого отношения, уж поверь. Что касается твоего последнего вопроса, то ответ, мне кажется, очевиден.

— Да неужели? — Марго тоже задирает бровь, а ехидства в голосе у нее, пожалуй что, и побольше.

— Марго-о-о, — укоризненно тянет Рита. — Марго, очнись, ради бога. Очнись и немного подумай. Раньше у тебя это неплохо

получалось.

Марго сочла совет разумным и действительно немного подумала. Возможно, чуть дольше, чем от нее ожидалось, потому что Рита встала вдруг, недовольно поджав губы, быстрыми шагами обогнула стол и Марго и скрылась в коридоре, хрупнув тапочками по осколкам. И тут же практически вернулась, держа в руках сумку Марго. Или собственную? Носят ли галлюцинации с собой багаж, лениво подумала Марго, но не спросила. Потому что это уже неинтересно. Потому что она поняла и действительно расслабилась наконец. Обрадовалась даже. И смешно вдруг стало. Ответ-то действительно очевиден.

— Ну что? — спрашивает Рита, доставая гремящую резную доску. — Сыграем?

— Ну разумеется! — отвечает Марго, расчищая место бабушкиному наследству.

После второй партии (один — один) Марго и Рита замерли в ожидании. На всякий случай.

Ничего, разумеется, не произошло. Никто не стучал в дверь, требуя немедленной аудиенции, телефон молчал. Все дела преспокойно ждали своей очереди, которая наступит, лишь когда будет закончена игра.

Марго и Рита играли часа три. Или четыре. И ничего их не отвлекало. Они даже не разговаривали — не о чем, незачем. Вообще, тишина стояла мертвая, кажется, даже часы не тикали. И соседей, соседей тоже не слыхать, что уж вовсе необъяснимо — стены-то из материала чуть покрепче туалетной бумаги… Ничего. Только кости стукаются о доску, перетекая гранями, только шашки с легким шорохом летают от одного гнезда к другому, то закрывая шесть подряд, то выстраиваясь длинной одинокой башней, то образуя причудливые, красивые лишь глазу безумного игрока, комбинации.

Закончив — какую по счету? бог его знает — партию, решили немного перекусить. Марго встала к плите, пристроив Риту к нарезке овощей.

— Хорошо сыграли, — вполголоса замечает Рита, неаккуратными кусками кромсая помидоры и сваливая их в ярко-красную миску.

— Хорошо, — откликается Марго, наливая на сковородку масло. — Теперь ты уйдешь?

— Уйду? — Кусочек помидора выпрыгивает из старых рук, улетает вниз куда-то. Рита задумчиво смотрит на него, решая, поднять или подождет. Решив, поддергивает длинную юбку, тяжело наклоняется, из-под стола переспрашивает: — Уйду? Тебе

этого хочется?

— Пожалуй, нет, — подумав, отвечает Марго. Ее саму несколько изумляет подобное решение. — Не могу не признать, что присутствие людей в моей жизни до сих пор было необязательным, даже лишним, но… ты же, в сущности, не человек. Уживемся как-нибудь.

— Уживемся, уживемся… — нараспев бормочет Рита, подхватывая двумя пальцами скользкий помидорный огрызок. — Уживемся как-нибудь.

Вылезает, выкидывает находку в мусорное ведро, брезгливо осматривает пальцы, крутит ручки крана. Сквозь шум воды тихо продолжает:

— Уйду, когда захочешь. Не переживай.

— Когда захочу? — рассеянно — масло начало подпрыгивать, следи, чтобы на руки не попало, — удивляется Марго. — Есть возможность управлять галлюцинациями? То есть я понимаю, что таблетки, скажем, наверняка могут восстановить равновесие в голове, но для этого, как минимум, к врачу надо обратиться. Полагаю, ты знаешь, как я отношусь к такой перспективе.

— Знаю… — соглашается Рита. — Но ты уверена, что я — галлюцинация?

— Разве нет?

— Разве да?

— Уверена. — Марго не желает спорить, выбивает железным голосом точку: — У-ве-ре-на.

— Как скажешь, дорогая. — Рита пожимает плечами и возвращается к салату.

После обеда, за которым обговаривались некоторые значительные аспекты совместного существования и находились разумные компромиссы (это оказалось довольно легко, что, впрочем, и не удивительно вовсе — сам с собой всегда договоришься, не так ли?), Марго и Рита отправляются гулять. Незаданный вопрос о том, есть ли у Риты свои вещи, находит ответ — да, есть. Во всяком случае, некоторый базовый минимум. Вроде фотоаппарата (а нарды были Марго, вторых нет).

А на улице бесстрашной и независимой Марго вдруг становится не по себе, и она делает вид, что одна. Ей мнится, что стоит завести с Ритой разговор и она тут же перейдет в разряд городских сумасшедших. С легкостью приняв мысль о собственном безумии, она, как оказалось, мучительно страшится явить его миру. Сразу отошла на несколько шагов, сама выбирает маршрут, позволяя Рите покорно следовать. На реплики отвечает сквозь зубы и только после того, как убедится, что поблизости

никого нет.

— Ты зря боишься. Марго, — мягко говорит Рита. — Ох, зря. Поверь мне.

— Зря? — довольно зло шепчет Марго. — Маргарита Соломоновна Бергович — не сумасшедшая!..

Оборвала себя на полуслове, вздохнула тяжело:

— То есть была не сумасшедшая. Но о переменах совсем не обязательно всем знать.

— Марго, не дури, — смеется Рита. — Нас двое, как бы тебе ни хотелось обратного.

Марго упрямо сжимает губы и подозрительно смотрит на развязного молодого человека, который только что протиснулся между ней и Ритой, выпалив скороговоркой: «Прошу прощения, дамы».

— Дамы! — фыркает она, нервно поглаживая камеру. — Дамы!

— Марго-о-о, — легонько стонет Рита. — Ты привыкнешь, Марго.

— Ну-ну.

Недоверчивая Марго.

Но — привыкла. Ничего, привыкла. Говорить «доброе утро, Рита», варить кофе на двоих, подталкивать локтем, когда находится что-то достойное снимка, идти бок о бок, продираясь через толпу… ежедневно играть в нарды, разумеется.

Привыкла.

И однажды сказала, не понижая голоса:

— Знаешь, — сказала. — Я решила, что какая, в сущности, разница. Я такая древняя, что стыдно уже не быть сумасшедшей, чем быть ею.

Они с Ритой сидели в городском парке, утомленные дневной прогулкой, довольные результатами фотоохоты, лениво разглядывали на удивление немногочисленную компанию игроков.

— Правильно! Наконец-то, — радостно откликнулась Рита и, помолчав секунду, добавила: — Сыграем?

— Ну разумеется, — ухмыльнулась Марго, первый раз вытягивая из сумки нарды на улице. — Какого черта, в конце-то концов. Пусть. Все равно.

Так и пошло. Нагуляются Марго и Рита, устанут, присядут на лавочке (а то и вовсе на бордюре или посреди газона — чего уж стесняться-то), разложат доску и играют. Часами. И никто им не мешает. Ни звонки, ни дела, ни дождь, ни ветер, ни футбольные фанаты.

Поначалу Марго от смущения утрировать начала: громче с Ритой разговаривать (даром что обе слышат хорошо) да над прохожими, заглядевшимися на них, издеваться.

— Ну что, — хихикает. — Что встал-то? Сумасшедших не видал? Ох, любопытный народ какой пошел.

— Марго-о-о, — привычно тянет Рита.

А Марго знай пуще веселится.

— Ри-и-та, — передразнивает.

Молчи, мол, дорогая, не мешай.

Так и не мешает Рита, подпевает вовсю. Ей тоже, в общем-то, смешно.

— Вы знаете, — говорит, — она считает, что я — ее галлюцинация.

— А разве нет? — тут же откликается Марго, выбрасывая дубль-пять.

— А разве да? — смеется Рита, отвечая двумя шестерками.

— Разумеется — да. — И прохожему: — Вы со мной не согласны?

Пожмет плечами прохожий, ничего не ответит, а дальше пойдет, нервно поводя плечами.

— Ты по-прежнему уверена?..

— Уверена, дорогая. У-ве-ре-на.

— Неужели тебе все еще не все равно?

— Мне давно уже все — равно.

— Марго-о-о…

— Ри-и-та…

Потом игра эта, не в пример нардам, надоела, перестала Марго обращать внимание на прохожих, на любопытствующих, на зевак. Перестала корчить из себя безумицу. Перестала спорить с Ритой — зачем, боже мой? Все равно.

И Рита перестала убеждать Марго — тоже, в сущности, бессмысленно как-то выходит.

Иногда только в парке или посреди оживленного проспекта толкнет Рита Марго в бок, вздернет указательный палец — слушай, слушай! И Марго слушает, как за спиной девочка шепчет мальчику:

— Смотри, какие старушки славные. Близняшки. Здорово, наверное, иметь близнеца. Что бы ни случилось — один не останешься.

Рита хитро смотрит на Марго. Ты по-прежнему уверена, что я — галлюцинация?

Качает головой Марго, улыбается насмешливо. Не дури меня, дорогая. Уверена. У-ве-ре-на.

Кофе «по-офицерски»
(Рецепт от Макса Фрая)

Название одновременно служит оправданием — дескать, время военное, обстановка понятно какая, не до жиру, как можем, так и выкручиваемся.

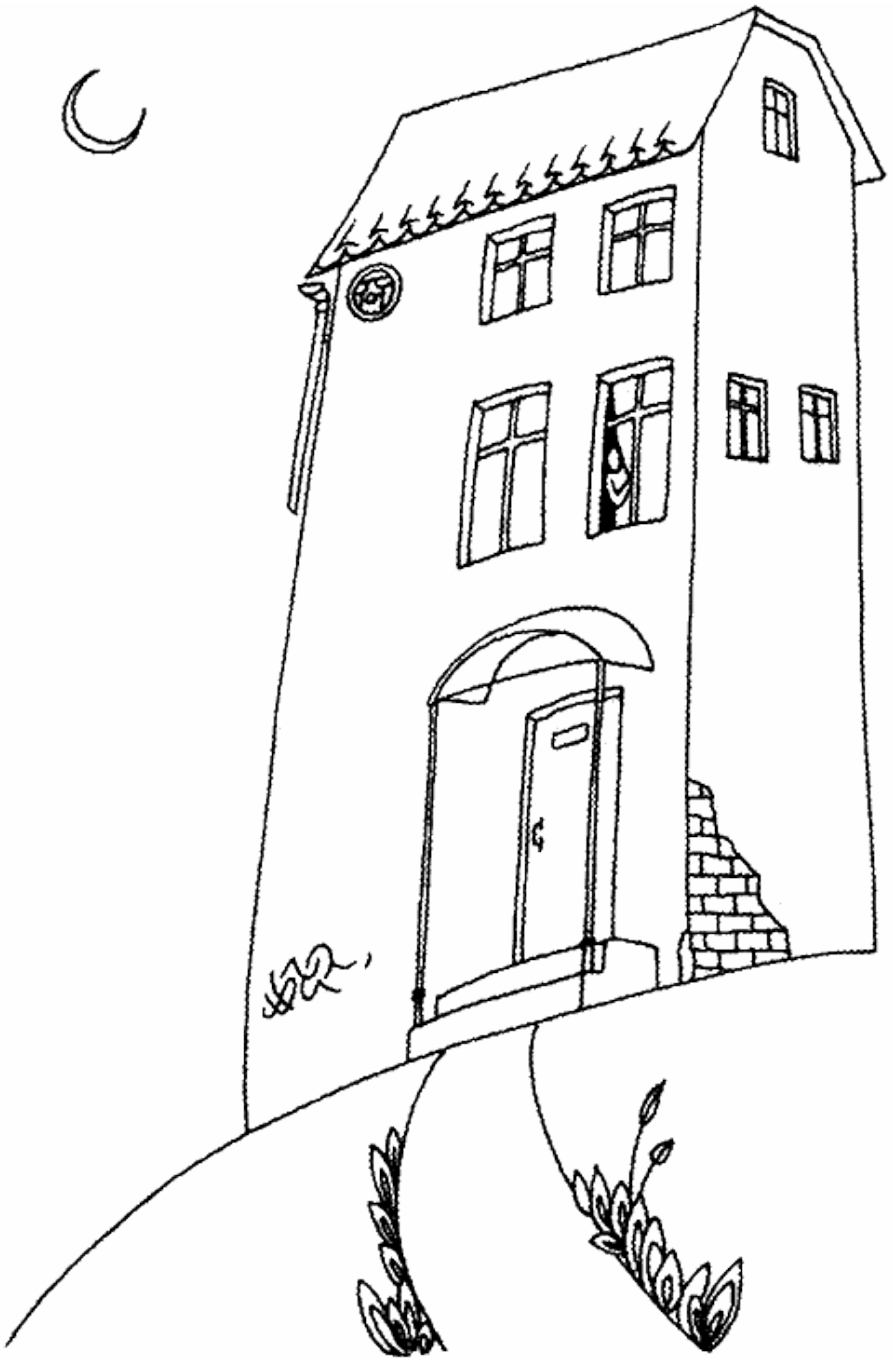
Кофе «по-офицерски» не варят, а заваривают в кружке. Но даже таким способом можно приготовить вполне приличный напиток, если соблюсти несколько простых правил.

Прежде всего, не жадничать. Кофе надо взять хотя бы вдвое больше, чем вы обычно кладете в джезву. Во-вторых, помол должен быть очень мелкий. В-третьих, заливать кофе следует не крутым кипятком, а водой, которая едва начала закипать. Если вода уже кипит вовсю, надо дать ей немного остыть — минуты достаточно.

Не следует забывать о специях. Привычные имбирь, мускат, корица, анис и прочие добавки в данном случае — почти напрасный перевод продукта. Однако кардамон может спасти самую безнадежную кофейную ситуацию, в том числе кофе «по-офицерски».

И последнее. Кружку, в которой заваривается кофе, надо обязательно накрыть, чем угодно, хоть куском кирпича или деревяшкой. Хотя блюдцем, конечно, удобнее. Пусть постоит минут пять. А перед тем как пить кофе, плесните в него ложку холодной (лучше ледяной) воды. Гуща осядет на дно, и вам не придется непринужденно сплевывать ее на пол вашего, гхм, офицерского клуба.

Елена Ежова



Старый дом

Что там у тебя? Печенюшки мои любимые с корицей, свечки… Так даже и лучше — без электричества, да ведь? И без газа с водой перебьемся: воду будем из дома через дорогу носить и в баньку на соседнюю улочку сходим. До заморозков всяко продержимся. Нельзя мне уйти. А готовить можно на примусе, сначала я думала, не справлюсь, он ведь старый совсем, лежал на антресолях без дела спокон веков, но я с ним подружилась. Вот и кофе уже сварила, как знала, что ты придешь… Целую коробку свечей соседи оставили, правда, им в обед сто лет, некоторые склеились между собой, но ты все равно не покупай больше, я эти аккуратно ножом разрежу. Они много чего оставили.

Можно зажечь дюжину свечей и смотреть на их дрожащие трескучие язычки, и тишину кромешную слушать. Пламя всегда потрескивает, если на него смотреть… Опять будешь молчать весь вечер. Сядешь на старый продавленный диван и задумаешься о чем-то своем, рассеянно прислушиваясь к моему тихому шепотку. Нам с тобой есть о чем помолчать, но лучше уж я буду говорить за двоих, чтобы дому было не так одиноко, чтобы не чувствовал себя покинутым… Почему ты остался здесь, почему не уехал вместе со всеми? Что тебя держит в этих развалинах? Я не могу, ты же знаешь, у меня кошка, а ты и прожил-то здесь не больше года. Свет, наверное, уже не дадут, что же ты будешь делать без компьютера? Через пару часов опять сбежишь от меня в интернет-кафе, как пить дать… Ты пей кофе, пей, я еще сварю, сейчас вот примус только зажгу.

Кошка моя обязательно вернется, она, как и я, всю свою жизнь прожила в доме, куда ж ей еще идти. Не верю, что ее живой нет, не хочу верить, она умница такая была, понимала каждое слово. А к кому она вернется, кто ее накормит, голодную, если я отсюда уйду? Четыре месяца уже прошло с тех пор, как пропала… Ночами все слышу, будто кто-то мяукает во дворе жалобно, и голос как у Прыськи моей, а выйти в темноте страшно: все завалено мусором, того гляди ноги переломаешь или лепнина из-под карниза на голову упадет, каждую ночь слышно, как осыпаются стены… С тех пор как земля под старым фонтаном начала проседать, во двор совсем выходить перестали. Так и провалился в тартарары наш фонтан, только краешек чаши торчать остался, правда, он давно уже не работал… Интересно, что там под землей? Катакомбы, наверное, или тоннель метро заброшенный… Котов-то бродячих полно по развалинам шастает, я днем из окна сколько раз видела: греются на солнце, охотятся за кем-то у черных дыр. ведущих под землю, а ночью опять

мерещится — Прыська моя мяучит. Устала уже прислушиваться, голова кругом идет.

Для отвода глаз пришлось переехать, ордер от новой квартиры взять, барахлишко упаковать да вывезти. Соседи много вещей побросали: столы, диван, стул с табуреткой, патефон сломанный с пластинками на девяносто восемь оборотов, даже занавески с кухни не сняли, так торопились… Хорошо теперь: и ютиться потихоньку можно, и жилье формально освободили. Иначе пришли б с милицией выселять, они б и сейчас пришли, если бы знали, что мы с тобой до сих пор здесь… Помнишь, комиссия весной первый раз приходила? Это из-за них кошка моя убежала, потому что дверь оставили незакрытой… Мельтешили полдня, сверяли метраж жилплощади с планом дома, совещались, кого в какую квартиру вселять будут. Я специально смотрела: твоей каморки на чердаке вообще нет на их плане, последний жилой этаж — наша квартира, а дальше только крыша и небо. Наивные люди — думают, что крыша и небо необитаемы… Вот ты все молчишь, качаешь головой, а кофе твой остыл давно, и не смотри на меня так, будто не понимаешь, о чем я…

Мы с бабой Тосей с третьего этажа последние выезжали, тебя-то я не считаю, про тебя и комиссия не вспомнила, и жильцы умолчали, да и на глаза ты редко кажешься. Когда мы двери заперли в пустые квартиры, рабочие заварили железную дверь в парадную и решетки на окна первого этажа приварили. Только на ворота во двор никто внимания не обратил: они ж изнутри заперты на висячий замок да завалены всяким хламом. А левая створка висит на одной ржавой петле, можно, ежели постараться, в сторону ее отодвинуть, втиснуться внутрь, перелезть через штабеля досок и труб, которыми завалена низкая арка, и пробраться вдоль стены к черному ходу, что ведет по узкому слепому подъезду на самый верх, на седьмой этаж, прямо в нашу квартиру… Ты ведь так же ходишь, я знаю. Это только издали кажется, что черный ход заколочен — гвозди не держатся в гнилой древесине, как зубы в цинготных деснах.

Всё бросили на произвол судьбы. Старинные подсвечники с позеленевшими от времени бронзовыми завитушками, чернильницу на мраморной подставке, резной китайский веер, соколиное чучело, побитое молью, абажур атласный с кисточками на проволочном каркасе. Дореволюционные книги по медицине — с ятями и тиснеными переплетами, а страницы мышами погрызены и сырым табаком пахнут. Фронтовые письма, старые

фотографии. Зеркало в сломанной серебряной оправе, не видно в нем почти ничего, амальгама вся облупилась, — в коридоре раньше висело. Зачем, говорят, нам эту рухлядь с собой везти, в новую жизнь… Вот и славно, пусть доживают со мной свой век — я сама рухлядь, не место мне в новой жизни.

Шестнадцать одинаковых корпусов, будто из спичечных коробков слеплены, — помнишь, в детстве мастерили такие? — до потолка рукой достать, стены как из картона, лифт консервная банка. Неживой дом, бездушный, безликий, не могу я в нем жить, муторно мне там и тесно, как в клетке, бежать хочется. Тем же вечером и сбежала, не разобрав тюки и коробки, пешком шла через весь город, потому что на метро не успела, домой шла, обратно… А тут уже свет выключили, газ отрезали, водопровод перекрыли, и дом как будто усох, сгорбился, ниже стал на этаж… Смотри-ка, свечки наши растаяли, я сейчас новые зажгу, а ты заберись пока на диван с ногами, подремли, я пледом тебя укутаю — прохладная нынче ночь.

Август кончается, скоро утренники нагрянут, не доживем мы тут до зимы без печки, придется уйти, вот только кошка моя вернется, я-то здесь из-за кошки. И ты своего дождешься. Ты тоже чего-то ждешь, я знаю, иначе зачем ты здесь? Не меня же ты ждешь, в самом деле, я ведь не люблю тебя… Ты только не обижайся, ладно? Руки у тебя такие красивые и глаза добрые, мне хорошо, когда ты рядом сидишь на диванчике, уютно с тобой, да только я однолюб.

Антошка все старые дома в городе знал как свои пять пальцев: историю градостроения изучал, собирал фотографии разных лет по архивам. Город вдоль и поперек исходил с планшетом под мышкой, рисовал углем и акварелью городские виды. А по вечерам я кофе варила, и мы садились вот сюда на подоконник лицом друг к другу, прижимаясь затылками к шероховатой стене, глядели в небо, на крыши, а летом по ним лазили… В тот день тоже полезли, дождь моросил, стрижи над самой крышей носились, а флюгер на башенке покосился, скрипел жалобно на ветру, Антошка думал его поправить — осторожно, чтобы дому не сделать больно. Осторожно… Сначала мурлыкал что-то себе под нос, потом ткнул пальцем в небо — смотри, гроза-то мимо прошла, — сделал еще шаг и сорвался, поскользнулся на самом краю. А двор наш с крыши на песочницу детскую оказался похож, только без грибка раскрашенного посередине, и Антошка мой возле бортика распластался,

раскинув ручки и ножки, как будто куколку кто забыл… Грозы в тот день действительно не было, а через неделю я котенка подобрала во дворе, крохотного совсем, сидел на том самом месте, нюхал потемневшие пятна крови… Мы с Антошкой с первого класса не разлей вода были, двадцать с лишним лет ходили друг к другу в гости, почти каждый день — они в соседнем подъезде жили. Однажды Антошка хотел камин починить, но без толку — тот в войну еще отказал. Видишь, у дракона на каминной решетке лапа одна отломана? Сколько я в детстве сказок про него придумывала…

Много с тех пор людей хороших встречала: красивых, умных, с ума в постели сводивших, а любимых не встречала. Не серчай на меня, так получилось, что не могу больше любить, умерло во мне что-то вместе с Антошкой. Привязанности остались, и то хорошо, правда? Ты мне нужен, у меня ведь никого больше нет… Делай что хочешь: молчи, не обращай на меня внимания, уходи в себя, только не уходи отсюда совсем. Я не могу остаться одна в доме, иначе я развалюсь вместе с ним, он мной только и живет, а у меня сил больше нет жить его умирающими стенами. Ты хороший, я знаю, давай я тобой буду жить, пока кошка моя не пришла. Вдвоем веселее.

Дом жалко, не переживет он холодов. Целый век разрушался, недужил, в чем только душа держалась, однако крепко стоял, потому что был кровом, а умирать стал, когда жильцы начали выезжать. Разломы в стенах такие, что кулак можно засунуть, крыша прохудилась, подвал затоплен до самых окошечек, откуда тысячами летит прозрачная комариная мелюзга — это уже агония. Штукатурка пластами отваливается с мокрого потолка, как ты там живешь у себя на чердаке, ума не приложу, перебирался б ко мне, что ли… Обои покрылись пятнами, отстают от стен, а под ними вода сочится, хотя дождя давно не было, как будто это дом плачет. И двор за лето двухметровым бурьяном зарос, ступени покрылись мхом, стены осклизли плесенью, грибами какими-то обросли, а сквозь трещины плющ с фасада пробрался, тянет свои усики и листочки в темноту подъезда, цепляется за жизнь, осваивает пространство. Какие бледные вырастают побеги без света, почти прозрачные, а снаружи из-за плюща дома почти не видно, заплел весь фасад плотным зеленым ковром. Вот и мы были бы как живые, если бы росли с той стороны стены.

Вчера из дома крысы ушли, все до единой: полезли вдруг из

дыр и щелей, потекли серой массой через подворотню на улицу. Я шаль скорее накинула, вышла в коридор проводить тех, что бежали с нашей квартиры, — как-никак соседями были, хоть и докучали они мне изрядно. Одна крыса стала возле порога и все оглядывалась на меня, наверное, ждала, что я следом за ней пойду… Но мы не скоро уйдем, правда? Зимы дождемся, раньше нельзя, вчера мне приснилось, что кошка моя по первому снегу домой вернется. Ступала белыми лапками по снежной пудре, гнула серую спинку, мордочкой поводила из стороны в сторону… Как тихо теперь стало без крыс, только рама оконная где-то скрипит на ветру, видимо, закрыть забыли, а раньше топотало, возилось, попискивало по углам, дралось из-за оставленных людьми съестных припасов… Как ты думаешь, почему крысы ушли? Наверное, есть им нечего стало. Вот и у нас кончились продукты и сигареты, но мы дождемся утра, ладно? Жутко ночью идти через темный двор: выбитые окна осколками щерятся, лопухи листья огромные простирают, утянуть в заросли норовят, гул из-под земли идет, монстры каменные с водостоков сигают, кружат над головой…

Скоро уже рассветет, потерпи часок, тогда сгинут все наши химеры… Прикорни на диване, пока я выскочу за угол в магазин, я быстро, я скоро вернусь, ты только не ходи пока никуда, забудь про этот свой интернет. Вдруг дом подумает, что мы его покинули навсегда и никому он больше не нужен. Боюсь я его одного оставлять, он и так уже не жилец, мы с тобой последняя опора этим стенам… Давай лучше кофе еще наколдуем, печеньица погрызем. Вкусное какое печенье, рассыпчатое, я как раз такое люблю, а ты к нему не притронулся, и кофе совсем простыл, давай я его допью, а тебе новый сварю… Хочешь, погадаем пока на гуще? Мне в прошлый раз как будто зверек привиделся, на кошку похожий, а вокруг звезды и облака, значит, вернется моя Прыська, точно вернется. Как ты считаешь? А ведь я даже имени твоего не знаю, странно… Разве можно говорить с человеком, которого по имени не окликнуть? А я все трещу и трещу без умолку, достала уже тебя своей болтовней… Молчишь, смотришь куда-то в угол, как будто меня и нет вовсе.

Вот недотепа, все у меня из рук валится — гуща растеклась по полу, а я у нее так хотела про дом спросить. И ответа теперь не узнать, и чашка разбилась. Ну ничего, это, говорят, к счастью. Да ты сиди, сиди, я сама все уберу… Вот и рассвело, пока мы тут с тобой возились, можно свечи тушить.

Какие-то непонятные звуки с улицы доносятся, слышишь? Лязг, грохот, шум моторов… Я подойду к окну, гляну, что там такое. Технику прямо под окна пригнали: экскаватор, грузовики, кран на гусеничном ходу, какой-то фургончик. И рабочие в касках везде ходят, кричат, руками размахивают. Наверное, опять трубы будут менять, хотя их зимой обычно меняют, по закону подлости. А может, они по ошибке сюда заехали — улочка узкая, им тут и развернуться-то негде… Смотри-ка, экскаватор остановился прямо у нашей арки, загородил весь проход. Теперь до вечера из дома не выбраться — еще задавит своими гусеницами. Придется без сигарет посидеть, но мы потерпим немного, правда? Некоторые люди бросают курить и потом всю жизнь терпят, а нам только до вечера продержаться. Вечером рабочие домой уйдут, машины уедут, тогда я спокойно в магазин схожу, а ты посидишь тут, посторожишь дом. Или ты сходишь, а я ждать тебя буду, хорошо? Почему ты так побледнел?

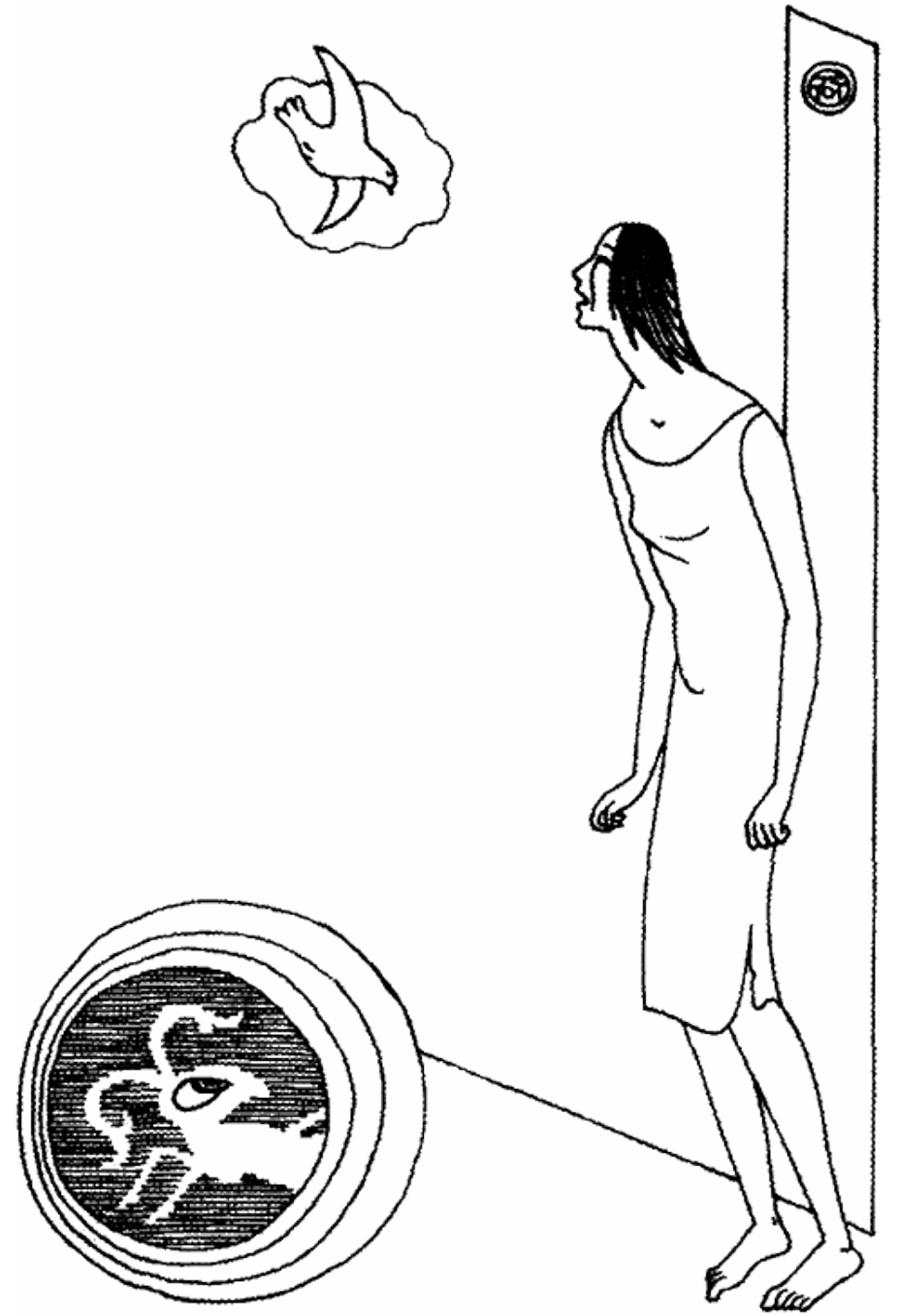
Громыхают-то как, господибожемой, оглохнуть можно от такого шума… Вот сейчас кошка моя вернется, начнет под дверью мяучить, а я ее не услышу. Роют и роют свою траншею, шуруют так, что дом ходуном ходит, с полок посуда падает. Вот и последняя чашка у нас с тобой разбилась…

Как думаешь, скоро они нас в покое оставят?

Ну что ты молчишь?..

Рецепт от Макса Фрая

Если в доме нет специй и вода только водопроводная, а хорошего кофе все равно хочется, можно попробовать с ним договориться, в смысле, поговорить с кофе, пока он варится. Можно просить его быть вкусным, как будто его сварили со специями, а можно рассказывать ему разные истории. В данном случае значение имеет не тема беседы, а внимание. Один мой хороший друг умеет заговаривать дешевый, дрянной кофе до умопомрачительного состояния, мне же такие фокусы удаются только с более-менее качественными зернами.



— А ты не плачь, — говорил следователь. — Ты же хотела стать героем? Герои не плачут.

Следователь бесился, оттого что раннее утро, а ему приходится возиться с этой идиоткой — без толку всё! — и глотал растворимую бурду из картонных стаканчиков, стаканчик за стаканчиком… а мог бы дома вальяжно смаковать роскошный кофе, сваренный доньей Исабель, — она никогда не доверяла кофе прислуге, это был ее конек, ее шик, напоминание о юности, проведенной в Париже. Хотя это и бросало легкую, почти незаметную, но все же тень на репутацию супруги, следователю нравилось по утрам пить «настоящий парижский кофе», а вечером с пристрастием выспрашивать у доньи Исабель, как ей удалось сохранить невинность в рассаднике разврата. Утро сложилось не лучшим образом, хотя ночной улов оказался огромным, это не радовало следователя. Ему досталась дура, с которой невозможно было разговаривать вообще. Раздосадованный, он от души произносил дежурные гадости.

— Герои не плачут. Потому здесь и не бывает героев, нечего им тут делать. Как какой герой сюда попал — так весь и вышел, понимаешь?

Она не знала, что это вранье, она не знала. Ее звали Корасон Моралес, ей было двадцать. Она уже не хотела быть героем, ее корчило от страха. Но деваться было некуда. И она плакала, горько и безнадежно, а следователь бесился, снова бесился, потому что она плакала — и ей было не до него.

Как будто все уже случилось. Она оплакивала себя и все, что должно с ней произойти, как свершившийся факт — испугать ее было нечем.

Она плакала и плакала, что бы с ней ни делали. Она кричала, когда к ее соскам прикручивали проволоку и жужжало магнето. Она теряла сознание в пыточной, приходила в себя в камере — обводила всех перепуганным, неверящим взглядом, вздрагивала, замирала… И снова плакала.

Ее сознание проделывало путь иголки по виниловой дорожке: почти незаметная выщербинка, царапинка тоньше ангельского волоса — и все начинается с того же места, игла не в силах покинуть осточертевший закоулок мелодии, один и тот же мелкий кусок бытия повторяется и повторяется без конца.

Плача, она спрашивала Хосефу, медицинскую сестру, что же делать, если она забеременеет.

Она плакала даже во сне.

Она плакала столько, сколько не плакал еще ни один человек во всем мире. Неизвестно, откуда в ней взялось столько слез. Даже не то удивительно, что она смогла столько времени жалеть

себя и сокрушаться, а то, что в ее организме набралось столько соленой воды, что она не умерла от обезвоживания за неделю нескончаемых рыданий. Ее слезы оставались такими же солеными, горькими, едкими и в конце этого срока. Они проточили тайные русла в плоти мироздания, подмыли берега, разъели заслонки между мирами.

Она проснулась, не переставая плакать, от осторожной щекотки: нечто неуклюжее и насекомое, ростом с большую мартышку, робко, но настойчиво касалось ее руки, тщательно выбирая места, не истерзанные проволокой, не обожженные сигаретами и горячим воском. Это нечто было настолько странным и нереальным, что на мгновение Корасон даже перестала плакать. Впрочем, между одной слезой и другой промежуточек оказался невелик, не более обычного, они ведь не текут непрерывно, а, как хорошие водители, соблюдают между собой дистанцию. Так что вторая ненамного отстала от первой, со стороны было и вовсе незаметно. Но нечто насекомое коснулось заостренным коготком щеки Корасон между этими двумя слезами, показывая, что пауза отмечена и принята им на свой счет. А еще насекомое нечто кивнуло три раза, и Корасон решила, что это скорее некто, раз может понимать человеческие чувства и отвечать на них осмысленными сигналами. Некто насекомый, неуклюжий, изящный и, насколько Корасон могла разглядеть в сумраке, — зеленовато-дымчатый, был слегка похож на гигантского богомола и очень сильно напоминал Чужого.

— К-кто ты? — всхлипывая, спросила Корасон.

— Вам мое имя не скажет абсолютно ничего, — отклонил ее вопрос Насекомый. — Здесь, где вы, о нас не знают, даже не подозревают о нашем существовании.

— Ну, я бы не была так уверена, — возразила Корасон, вытирая щеку об остатки блузки на плече.

— Это неважно. Зовите меня как хотите. Я пришел для того, чтобы вести с вами переговоры.

— Поразительно, — сказала Корасон, обливаясь слезами, — я все-таки сошла с ума и принимаю тебя за порождение фантазии. Нет, сеньор, я тебе ничего не скажу, понял? Прикинься ты хоть феей-крестной, хоть Микки-Маусом! Это галлюцинации? Что за гадость ты подмешал мне в воду?

— Нет-нет, — пылко возразил Насекомый. — Я не имею отношения к происходящему здесь. Пожалуйста, дайте мне сказать до конца.

— Ну говори, чертова жужелица, — разрешила Корасон и горестно вздохнула.

— Утихомирьте ее кто-нибудь! — раздался голос из

противоположного угла. — Мало что ревет без умолку, так еще и заговариваться начала. Как будто одна тут сахарная…

— Что тебе, Одалис? — отозвалась Хосефа. — Девочка бредит.

— И что? Она думает, ей хуже всех?

— Она ничего не думает, Одалис, а ты не можешь знать, кому здесь хуже. Никто не может знать. Постарайся заснуть, она же не громко…

Одалис, ворча, устроилась на своем одеяле, медицинская сестра, приподнявшись на локте, какое-то время вглядывалась в Корасон, но тоже легла. Корасон слушала, как слезы глухо стукают, падая на ее одеяло, как будто она роняет горошины в темноте. Вдруг скрипучий голосок прозвучал прямо над ее головой.

— Я вынужден был скрыться. Но теперь я позволю себе продолжить свою речь, толком еще и не начатую. Прошу вас, выслушайте меня не перебивая, а лучше — спрашивайте сами, только тише, умоляю, чтобы нас не прервали снова.

— Так ты будешь сам говорить или мне расспрашивать?

— И то и другое, и то и другое, в той пропорции, какая будет удобна вам!

— Я ничего не понимаю, — созналась Корасон, вытирая слезы волосами.

— Я все объясню!

Он объяснил. В соседнем мире, одном из тех, что поближе, близился конец света. И Корасон могла бы спасти этот мир и все его население, просто пожертвовав им свою жизнь.

— Я знаю эту сказку, — криво улыбнулась Корасон. — Я соглашусь спасти вас, а вы за это спасете меня. Не верю.

— Это не сказка, — печально возразил Насекомый. — И мы не можем вас спасти. Никак и ни за что.

— Конечно, — кивнула Корасон. — Это непременное условие. Если я буду знать заранее, что спасусь, жертва не будет иметь силы. Ага.

— Нет, нет! Все совершенно не так, поверьте. Если бы вы могли быть спасены здесь, мы ни в коем случае не стали бы препятствовать. Мы только потому и смеем просить вас о помощи, что вы обречены.

— А какая же мне тогда выгода от этого? Зачем мне… — Тут Корасон прекратила плакать и воззрилась на Насекомого округлившимися глазами. — Это точно? Это правда-правда? Никак-никак? Я погибну?

— И очень скоро. Мы же все проверили. Вас расстреляют еще

до рассвета. Времени осталось совсем мало. Я слишком долго не мог разбудить вас. Каждая минута драгоценна.

Корасон вытерла глаза руками.

— Я ведь ничего не сказала им, а? Я ничего не сказала?

Насекомый потупился.

— Еще не сказали… Но может так случиться… что в последний момент… Вас повезут в грузовике, глаза завязаны, за город, там поставят на краю оврага. В первый раз они будут стрелять мимо. Потом предложат вам…

— И я?..

Насекомый отвернулся.

— Ну что? Что?

— Вы же понимаете. А потом они все равно вас убьют. Вы же понимаете.

— Так. Я понимаю.

Корасон разглядывала свои колени, синяки и ссадины на них, потом подняла руки, повертела ими перед лицом. Она теперь не плакала.

— Так чего ты хочешь от меня?

— Мы не можем вас спасти, но вы можете спасти нас. И вам это ничего-ничего не будет стоить. Хуже от этого не будет. Вам не придется терпеть никаких дополнительных неудобств.

— Что такого в моей жизни, что моя смерть может вас спасти — и каким образом?

— У вас говорят: «когда умирает человек — умирает целый мир». Вы такие огромные существа… Огромные! Несказанно великие! Вы сравнимы с целым миром! Со Вселенной!

Корасон обвела взглядом спящих соседок по камере.

— Да уж. И что?

— Если вы скажете, просто скажете, что отдаете свою жизнь за спасение нашего мира…

— Я… Я как-то думала отдать жизнь за наше дело. За свободу. За товарищей.

— Нет, послушайте, это прискорбное недоразумение. Это невозможное дело. Вы не можете отдать жизнь за своих друзей — они так же велики, как и вы. Исключено, исключено, им вы помочь не в силах! А нам — да, можете. Вполне. Вашей жизни будет достаточно для спасения целого мира.

— Мне казалось… что для такого великого свершения… нужен подвиг. Жертва. Как у Христа. Что-то такое. Страдания…

— Разве вы мало страдали?

— Но не за вас ведь.

— Нам зачислят. Это тоже. Это может усилить эффект.

— Но сначала я предам их. Сдам их палачам.

— Знаете… я тут подумал… Я мог бы затуманить вам разум таким образом, что вы оказались бы неспособны… Просто неспособны. Я не могу милосердно убить вас — это разрушит условия, необходимые для успеха, для спасения нашего мира. Но я могу, уже после того, как вы посвятите свою смерть нам, в качестве бескорыстной жертвы…

— Какая же это будет бескорыстная жертва? Мне это выгодно.

— Да, в общем и целом, да. Но выгода незначительная! И не имеющая отношения к нашему миру! Вы все равно умрете для нас, за нас. А я просто… просто спою вам колыбельную. Сразу после первого залпа. Как будто вы сошли с ума от страха. Это будет… просто мой личный подарок. Никаких сделок.

— Как-то все глупо. Несуразно. — Корасон ощупала вымокшее от слез одеяло. — Я так устала. Говоришь, уже скоро?

— Очень скоро, очень! Пожалуйста…

— Да ну тебя. Ты ненастоящий. Тебя и вообще нет.

— Почему же? — обеспокоено скрипнул Насекомый.

— Нелепо.

— Это вам кажется, что нелепо, — скрип его перешел в почти ультразвуковой визг, Корасон с трудом разбирала слова. — А у меня там… У нас там кладки, понимаете? И миллиарды лет неповторимой, не сравнимой ни с чем, единственной во Вселенной культуры. У моего последнего выводка еще не затвердели панцири, понимаете? Ваше появление было таким… таким чудом! Если бы вы знали. Словно в ответ на наши стенания и сокрушения вдруг живой водой в мир уже мертвых пролились ваши слезы. Капля за каплей, тонким ручейком… и наконец — бурным потоком, как будто рухнула плотина — какое очистительное безумие овладело нами! Если бы вы знали!

Отдайте, отдайте нам вашу жизнь. За вами идут, и больше она вам ни на что не пригодится. А мы… мы будем чтить вас как спасительницу мира. И вы не станете предателем здесь. Ваши друзья, те немногие, что уцелеют, не проклянут ваше имя. А?

— Что-то здесь очень и очень нелепо. В чем твоя ложь, таракан?

Насекомый снова потупился.

— А вы не передумаете?

— Я еще даже не согласилась.

Насекомый скорбно зашелестел хитиновыми пластинами.

— Вот честно?

— Честно.

— Вы и так ничего бы им не сказали.

— Твою мать, кусок дерьма! Да как же ты смел?

Корасон попыталась схватить хитинового монстра за шею, но

руки плохо слушались ее. Насекомый легко уклонился, а затем подошел ближе и положил легкие лапки ей на грудь.

— Если бы я не сказал этого и не открыл вам затем правду, вы не согласились бы. Мы проверяли.

— А теперь соглашусь, да? — прошипела Корасон.

— Да.

— Это почему же, интересно?

— Потому что вам больше нравится, чтобы был смысл. Мы вам его даем. Ваша смерть действительно, не только на словах, будет ненапрасной. Можете считать, если хотите, что умерли родами. А мы — ваши выжившие дети.

Он умильно сложил лапки перед грудью.

— Всю жизнь мечтала, — нахмурилась Корасон, прислушиваясь к шагам в коридоре. — Идут, что ли?

— Да.

— Ладно, я скажу. После первого залпа.

— Нет, умоляю, до него! Вдруг второго не будет? Вдруг они сразу?..

— Ты сказал, что вы проверяли…

— Но ни в чем нельзя быть уверенным!

— А как насчет моей смерти? Вдруг меня можно спасти? — нехорошо сощурилась Корасон.

— Тогда погибнем мы.

— Значит, можно? Это возможно?

— Уже нет… Простите…

Дверь распахнулась.

— Корасон Моралес! Хосефа Торрес! Нери Ринальди! На выход.

— Все равно, все равно никто, кроме нас, не смог бы этого сделать. В реальности вашего мира вы обречены… А нам нет смысла вас спасать — мы погибнем.

— Трупоеды. Стервятники.

— Разве? Если бы вы не проплакали всю Вселенную насквозь…

Корасон завернулась в одеяло: из одежды на ней оставались только обрывки блузки. Насекомый проворно юркнул под него, обхватил тонкими лапками бедро Корасон и продолжал свою речь:

— Если бы вы не проточили слезами границы, вы даже не узнали бы о нас! Вы умерли бы все равно, как вы не понимаете? Зачем нам спасать чужака, когда гибнет наш мир, наши кладки, наше потомство, любовь, всё. Да, мы не такие. Мы совсем другие, и любовь у нас другая, но…

— Я поняла тебя, трещотка. Берите эту хренову мою жизнь, я

отдаю ее вам. Всё. С концами. А теперь дай мне хоть умереть спокойно. Отстань.

— Я обещал вам колыбельную!

— Пошел ты. Обойдусь.

Уже в шаге от двери Корасон стряхнула его и попыталась раздавить ногой, но он с треском и шипением увернулся и скрылся в темном углу.

Следователь отшвырнул очередной скомканный стаканчик. Ничего, сегодня ему, скорее всего, посчастливится успеть домой к утреннему кофе. От этих толку не будет. Медсестра — кремень, плакса окончательно рехнулась, да толку от нее никакого и не могло быть. Скорее всего, просто трахалась с этим типом, а знать ничего не знала. Попала под раздачу случайно. А остальные и так выжаты досуха Можно спокойно ехать домой и не травить уже себя этой гадостью. Голова болит невыносимо, но это скоро пройдет. Душ, побриться, кофе по-парижски… и долго-долго спать. После этой чистки подполье не скоро оправится. В конце концов, почему бы ему не взять отпуск и не слетать в Париж самому? Чтобы донье Исабель нечем было колоть глаза мужу-деревенщине. Пожалуй, так он и поступит, именно так. Мужчина в семье должен блюсти свое место. Давно пора.

Первого залпа она ждала почти спокойно. Ненастоящая смерть — маленькая отсрочка. Быть готовой. Не испугаться. Нельзя. Она уже оплакала себя — негоже мертвым возвращаться, правда? Только вздрогнула невольно от громкого звука — и тут же принялась считать секунды, которые надо переждать до окончательной свободы. Слез уже нет, совсем кончились, за чем же ей спрятаться от страха? Колыбельную, говоришь, таракашка? Корасон едва шевелила губами:

Palomita blanca
Pico de coral
Cuando yo me muero
Quien me va a llorar

Белая голубка
Коралловый клюв
Кто обо мне заплачет
Когда я умру

Некто насекомый осторожно коснулся ее души — и белая голубка с алым сверкающим клювом и сизыми глазами

распахнула крылья над ее головой и заплакала горько-горько. Второго залпа Корасон не услышала.

Настоящий парижский кофе (Рецепт от Макса Фрая)

Чаще всего «парижским» называют кофе, в который добавили ликер и сливки; у нас в семье по какой-то неведомой причине «парижским» называли кофе с мороженым, то есть глясе. Мне в детстве очень нравилось смотреть, как шарик пломбира стремительно тает в горячей черной жидкости. Париж в ту пору казался мне волшебным городом, все жители которого имеют неограниченный доступ к неиссякающему источнику подтаявшего мороженого — это вам не дурацкие кисельные берега.

Но все это, конечно, полная ерунда.

Для того чтобы приготовить настоящий парижский кофе, всем, кроме жителей города Парижа, следует купить билет на самолет, поезд или автобус, неплохой альтернативой общественному транспорту может оказаться личный автомобиль; гражданам СНГ и некоторых других стран придется раскошелиться еще и на шенгенскую визу.

В Париже нужно поселиться у знакомых или снять квартиру. Гостиница, впрочем, тоже подойдет, но не любая, а только с плитой в номере.

Теперь узнайте у сведущих людей адрес ближайшего магазина, где можно купить кофе (сахар и специи по вкусу). И, уединившись на кухне, приступайте к готовке, используя рецепты из этой книги или собственные познания. Результат в любом случае окажется удовлетворительным, ясно же, что любой кофе, приготовленный в Париже, несомненно, будет самым настоящим парижским кофе. Так что не сомневайтесь.

Марина Воробьева

Быть трубачом — так трубачом

— Черт! Ну кто там с утра трубит?! Я такой сон видела, а теперь забыла.

— Да ангел трубит, кто ж еще? Не обращай внимания, он часто трубит.

— Тренируется?

— Вряд ли, скорей болеет. Мания величия это называется. Человек хочет быть Наполеоном, а ангел трубачом, бывает.

— А. Тогда ладно. Только почему здесь?

Анька подошла к окну. За окном была желтая тьма, все в песке.

— Опять хамсин, как он трубить начинает, так сразу желтое небо и воздуха нет. А что если конец света — это и есть один большой хамсин навсегда?.. Ну ангел так ангел, я в душ, а ты — кофе.

Желтое небо покапало дождем и перестало, капли высохли за пять минут, как и не было. Потом с неба вдруг просыпалось несколько снежинок, наверное, привиделось от жары. Сейчас Анька выйдет и не поверит, что шел дождь. Теперь он играет «Цыпленок жареный», интересно, кто он, ну не ангел же трубит такую ерунду, в самом деле.

Анька выходит, завернутая в желто-бежевое полотенце, как раз в цвет неба, думает Давид. От этого полотенца на зубах заскрипел песок, Давид отвернулся и пошел снимать кофе с огня. Он всегда ставил джезву на огонь и уходил в комнату читать новости в интернете, но кофе не убегал и терпеливо дожидался, пока Давид подойдет, разрешит ему чуть-чуть подняться и тут же снимет с огня.

Анька скинула полотенце на пол, но одеваться не стала, села за стол, взяла чашку и греет ее, придерживая снизу ладонью, как рюмку коньяка. Давид берет полотенце двумя пальцами и кидает в стирку. А желтый песок все скрипит.

— Слышишь, в дверь стучат. Иди оденься, я открою.

Анька нехотя поднимается, не выпуская чашку из рук (и как она может держать такую горячую), медленно идет в комнату и насвистывает. Давид с трудом разбирает в ее свисте песенку про цыпленка, слуха у нее нет, не сразу поймешь.

Надо будет спросить соседей, кто это трубит, и пойти разобраться, а то даже в субботу эта дудка воет с восьми утра.

В дверь стучат, почти царапаются, тихо и нерешительно, Давид открывает, за дверью кто-то незнакомый, огненно-рыжий, с лицом цвета неба в хамсин. В левой руке у него труба, которую он стыдливо прячет за спину, но рука за спиной раскачивается, и труба выглядывает.

— Вы можете не прятать трубу, я вижу. Это вы сейчас играли?

Рыжий молчит, но руку опустил.

— Я вас спрашиваю, это вы играли? Зачем вы пришли? Так и будем молчать?

— Я думаю, я не молчу. — Голос у рыжего оказался почти девичий. — Ты разве не слышишь?

— А ты и правда сумасшедший. Ты кто?

— А, ну да, ты не слышишь. Ты сам сказал, кто я. Я ангел с манией величия. Я хочу быть трубачом. Только у меня пока не выходит, когда я играю, небо темнеет и то хамсин, то дождь, а то и вовсе зима. Я никогда заранее не знаю, что получится.

За спиной Давида стояла Анька, она так и не оделась, успела влезть в джинсы, а сверху ничего нет.

— Давид, не смотри на меня так, я не могла пропустить живого ангела, да и чего стесняться?

— Правильно, нечего, — сказал ангел и протянул Аньке трубу. — Попробуй сыграй.

Анька взяла трубу, повертела в руках.

— Не умею, да и слуха у меня нет.

Она хотела отдать трубу, но рыжий не взял. По-детски спрятал руки за спину и замотал головой.

— Нет, теперь ты на ней играешь, попробуй!

Давид почувствовал тошноту, было слишком душно, голова кружилась, ему казалось, что и труба из песка, но Анька потянула ее в рот. Подула и заиграла чисто и правильно какие-то африканские напевы, а потом Баха, Давид как раз вчера слушал диск «Бах в Африке». Воздух остановился совсем, вместо воздуха был только песок.

— Ты играешь лучше меня, — подумал ангел. — Ну, я полетел?

Анька услышала и ответила, продолжая трубить: — Лети, дорогой, пока! Пусть будет сегодня хамсин, ух какой хамсин, ты так не умел.

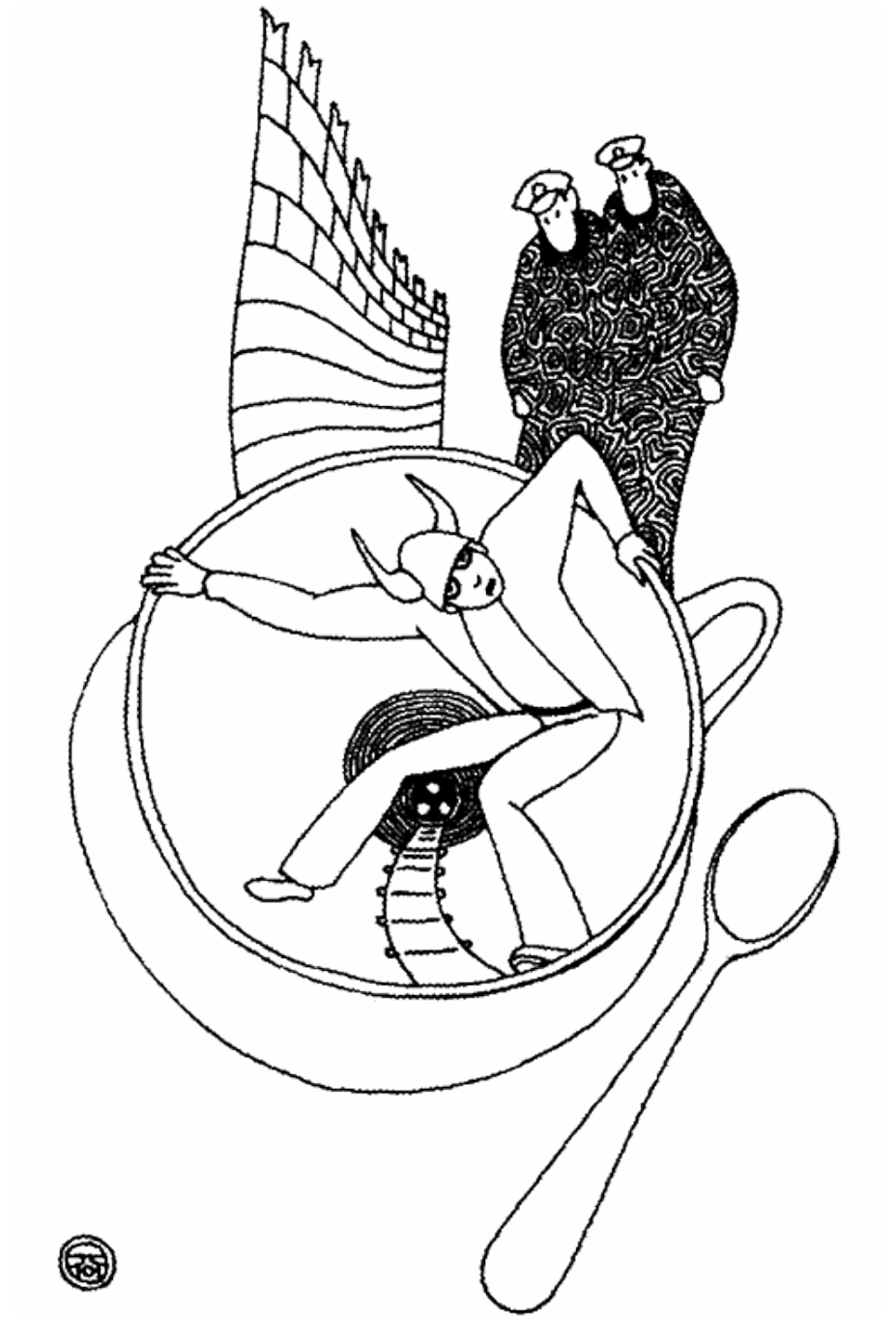
Рыжий исчез, Анька заиграла «Степь да степь кругом», она играла, а тем временем на ее спине прорезались крылья. Это было совсем не больно, только щекотно и смешно.

Арабский кофе

Арабский кофе лучше всего получается на горячем песке, но можно и на плите. Сначала в джезве растапливают сахар (кладут в пустую джезву и нагревают), потом наливают холодную воду до половины, в воду кладут кофе из расчета шесть чайных ложек на чашку. Можно положить меньше, но тогда у вас

не получится настоящий арабский кофе. Как только кофе начинает подниматься, джезву снимают с огня и доливают холодной воды. Теперь можно добавить кардамон. Когда кофе поднимается во второй раз, в него наливают четверть ложки родниковой воды. После этого можно пить.

Алексей Толкачев



Больше семи, меньше восьми

И кофе не согревает. Надо было взять с коньяком. И черт с ними, с деньгами. На веки вечные оставшуюся сумму все равно не растянешь.

Почему же в этом кафе так холодно? Не топят, что ли? Нормально — в Москве в ноябре не отапливать помещение?!

Хотя какой коньяк перед собеседованием!

Хм… а было бы смешно. Прийти, подышать на потенциального работодателя… «Имею диплом о высшем образовании, сертификат об окончании курсов английского языка, водительское удостоверение и благородную привычку выпивать с утра».

Деньги (которые катастрофически кончались) нужны были прежде всего для поддержания презентабельного внешнего вида. Костюм, обувь, галстук…

«Имидж — ерунда, была бы вода!» — бодро прозвучало из висевшего в углу телевизора. На экране весело крутилась 3D-бутылка какой-то, якобы минеральной, воды.

Вот хрен-то ты угадал, товарищ телевизор! Дела обстоят с точностью до наоборот. Воду как раз можно и прямо из-под крана попить, минуя промежуточную стадию переливания ее в двухлитровую пластиковую бутылку. А вот имидж… Не будешь иметь должного имиджа — не возьмут на работу. Все мы из-под одного и того же крана, но кто сумел упаковаться в бутылку с красивой этикеткой — того и купят.

Уже второй месяц Дэн не мог устроиться на работу. На днях Ирка гадала ему на кофейной гуще. Нагадала, что работу он найдет очень скоро. Но, видать, плохая из Ирки гадалка… А девчонка она клевая. Жаль, что подруга приятеля…

До собеседования времени оставалось еще полно. Дэн стал вглядываться в узор кофейной гущи, осевшей на стенках чашки. Очертания его на этот раз вышли очень четкими. Уж Ирка по такому рисунку сразу бы наплела с три короба! Фигура на стенке чашки нарисовалась характерная, хотя совершенно абстрактная. На что похоже? Да ни на что определенное не похоже… Снизу что-то вроде кружочка, вверх из него торчит как бы наклонная палочка, а над ней — палочка горизонтальная. Этакий иероглиф. Или несуществующая арабская цифра. И правда: она как будто составлена из нижнего кружочка цифры восемь и верхней части цифры семь. Такой гибрид семерки и восьмерки. Уже не семь, но еще не восемь… «Осемь» — вот каким словом должна такая цифра называться! Словесное среднее между «семь» и «восемь».

— Осемь, — произнес Дэн вслух.

И провалился в чашку.

Нет, со стороны это выглядело иначе. Сидит человек в кафе за столиком. Вертит в руках чашку. Что-то сам себе бормочет. И вдруг бледнеет. Не лицом бледнеет, точнее, не только лицом, а всей фигурой: волосы, одежда, кожа — все теряет цветовую насыщенность, становится прозрачным и в конце концов растворяется без следа. Чашка звякает о столик. Девушка за стойкой оборачивается на звук. Столик свободен. А она и не заметила, как молодой человек вышел! В этот ранний час других посетителей в кафе не было, так что процесс растворения Дэна в воздухе наблюдали только два голубя, расположившиеся на выступе стены за окном кафе. Птицы переглянулись.

— Ты видел то же, что и я? — спросил первый голубь.

— Боюсь, что да, — ответил второй.

— Ты знаешь, я думаю, не стоит никому об этом рассказывать, — подумав, заявил первый. — А то попрут нас с тобой из стаи. Сумасшедших нигде не любят.

Второй голубь склонил голову набок в знак согласия.

А Дэн почувствовал, что падает на дно чашки. Со всех сторон стремительно вырастали вверх белые фарфоровые стены. Навстречу, увеличиваясь в размерах, летело круглое дно, покрытое топким коричневым фунтом кофейной гущи. Дэн падал в самую середину нижнего кружочка цифры осемь, превратившегося в огромное кольцо. Он приготовился к страшному удару о дно, но удара не произошло. Вместо этого он просто пролетел насквозь через это нижнее кольцо, но, пролетая, услышал, как заскрежетали сверху гигантские ржавые подшипники и верхняя часть цифры осемь — доставшаяся от семерки диагональная балка с горизонтальным лезвием, острым, как коса, обрушилась вниз и просвистела прямо над его макушкой. «Колодец и маятник», — мелькнуло в голове, чудом не срезанной только что этим самым маятником… После чего Дэн лишился сознания.

— Эй, чего разлегся? Вставай! Пьяный?

Дэн открыл глаза. Он лежал на спине, а в небе над ним качался маятник. Инстинктивно дернувшись, Дэн перекатился в сторону, весь вывалявшись в мокрой кофейной гуще… Впрочем, нет, не в кофейной. Похоже, обычная земля, только рыхлая, как будто тут недавно копали, и влажная от дождя. Еще раз поглядев наверх, Дэн понял, что там раскачивается не маятник, а крюк, свисающий со стрелы башенного крана. Э, да он, стало быть, на стройке! И валяется почему-то в грязи, под краном. Боже, его костюм! Его галстук!

— Вставай, пошли!

Дэн перевел взгляд на говорившего. Черт, этого еще не хватало! Мент! Все произошедшее настолько обескуражило Дэна, что возражать не было ни сил, ни желания. Он покорно поплелся за милиционером. При мысли об испорченном костюме хотелось просто немедленно повеситься, прямо вот на этой стреле башенного крана.

Вышли с территории стройки на городскую улицу. У обочины стояла милицейская машина, в ней сидел второй мент.

— Откуда такой красавчик? — спросил он.

— Из-под крана, — ответил старшина, который привел Дэна.

— Ты погоди его в машину сажать, такого грязного! Это, похоже, не наш клиент. У такого кадра — сто пудов, не все смерть Метрополиарху.

— Похоже. Сейчас разберемся.

— Алкоголик? — обратился старшина к Дэну.

— Нет, — ответил тот.

— Наркоман?

— Боже упаси!

— Тогда плохи ваши дела. Хотя хорошо, что чистосердечно признаетесь. Ну а что можете сказать в свое оправдание? На стройке что делали? Воровали стройматериалы?

— Да нет, случайно туда попал.

— Вот так, значит? Хм. Что ж, придется вам проехать с нами в отделение… Вы приезжий? Регистрация есть?

— Я местный.

— Паспорт ваш можно посмотреть?

— Пожалуйста.

Изучив паспорт Дэна, мент почему-то подобрел.

— Ага, вот оно что! Стало быть, гуляете по Чанчос-Айресу без регистрации? Все с вами ясно. Держите, — сержант вернул паспорт Дэну. — Сами откуда родом?

— Да я в Москве и родился…

— Ясно. Там же и прописаны…

— Ну да.

— Ну хорошо. Более вас не задерживаю. Извините за эту проверку, как говорится — служба. Да и вид у вас, согласитесь сами, подозрительный! Пиджак, галстук, да трезвый, да ничего не украли… Так что уж не обессудьте. Ну, всего хорошего!

Старшина забрался в машину и захлопнул дверь.

— Ну что, не оформляем? Не наш клиент? — поинтересовался напарник.

— Не наш. У него регистрации нет.

— У-у. А откуда он?

— Из Москвы. Что это, кстати, за дыра такая, не в курсе?

— Слышал, есть такой город. Где-то в западном регионе, кажется.

Машина тронулась.

Дэн пошел в другую сторону. Прежде всего, следовало понять, где он, собственно, находится. Он огляделся по сторонам в поисках таблички с названием улицы. Табличек таких нигде обнаружить не удалось, зато на глаза попался забавный рекламный щит. Крупным планом — кофейные зерна, и на их фоне надпись: «ПЕРВАЯ КОФЕЙНАЯ КОМПАНИЯ — совсем уж дрянного кофе стараемся не выпускать!»

«А что, прикольно! — подумал Дэн. — В таком стиле рекламы, кажется, еще не было».

Однако весело, да не до веселья… Одежда в таком состоянии, что о явке на собеседование думать не приходится. Да и не успеть уже, наверно. Сколько сейчас времени-то? (О том, что, собственно, за провал в его памяти случился и как он попал на стройку, Дэн вообще думать пока не хотел.) Посмотрев на свои электронные часы, Дэн обнаружил, что цифры на индикаторе застыли неподвижно, едва светясь слабыми бледно-серыми черточками. Одно к одному, еще и часы сломались! Как бы узнать, сколько времени? Ага, вон там, впереди, на столбе — часы.

Что-то на тех часах было не так. А когда до Дэна дошло, что именно не так, он по-настоящему испугался. Наверху на циферблате, там, где обычно стоит число двенадцать, на этих часах было одиннадцать. А между семи- и восьмичасовой отметками стояло деление, обозначенное цифрой, состоящей из кружочка снизу, наклонной и горизонтальной палочек сверху. Осемь! Часовая стрелка находилась между этой цифрой и восьмеркой.

Впереди по тротуару шла женщина. Дэн догнал ее:

— Прощу прощения…

Женщина обернулась, и Дэн вздрогнул. Такого носа, как у этой прохожей, он не видел никогда в жизни! Просто какая-то женщина-Буратино!

— Что вы хотели, молодой человек?

— Извините, вы не скажете, сколько сейчас времени? Женщина посмотрела на часы.

— Осемь-сорок.

— Восемь-сорок?

— Не восемь, а осемь-сорок! Осемь часов, сорок минут. Без двадцати восемь!

— А… Спасибо. А скажите, пожалуйста, как дойти до

ближайшего метро?

Женщина-Буратино посмотрела на него с опаской.

— По этой дороге прямо. Минут десять ходьбы — станция Метро «Автоаварийная». А зачем вам?

— Ну как… Ехать хочу.

Женщина покрутила пальцем у виска, повернулась и поспешила прочь. Дэн тупо поплелся в указанном направлении.

Хорошо… Очень хорошо… Метро «Автоаварийная», без двадцати осемь… Просто замечательно… Что будем делать?

По дороге встретился еще один рекламный щит, с надписью: «ЧАТК — Чанчос-Айресская телефонная компания! У нас одна проблема — хреновая эмблема!»

Если эмблемой компании являлось изображенное ниже пятно, цветом и формой напоминающее расплывшийся желток, то получалось, что рекламный лозунг не лгал ни капли, — действительно, эмблема была хреновая.

— Нравится? — прозвучал голос за спиной.

— Отвратительно, — ответил Дэн, обернувшись.

— Что, не нравится реклама? — На него удивленно смотрел молодой человек примерно его возраста и весьма экзотического вида: косуха, в нескольких местах явно специально порезанная ножом, на голове — шляпа с пером, вроде тех, какие бывают у мушкетеров в кино, а в левом ухе — пять английских булавок.

Однако Дэн в это утро имел уже слишком много поводов для удивления, чтобы на него мог произвести впечатление фриковый облик прохожего. Он ответил просто:

— Да нет, реклама прикольная. И главное, правдивая. Логотип противный.

— Дык ё-моё! — расцвел в улыбке молодой человек. — Это ж знаешь кто рисовал? Это ж монстры из «Дизайн-Террибль» работали! Они халтуры не делают! Только дерут, сволочи, такие деньги… Но ЧАТК — фирма богатая, на рекламу не скупятся. Побольше бы нам таких клиентов! Я в рекламном агентстве работаю. — Молодой человек протянул Дэну руку. — Меня Михаил зовут.

— Денис, — ответил Дэн, отвечая на рукопожатие.

— Я креативщик в агентстве «Два балла». Слыхал про нас наверняка?

— Нет, не приходилось.

— Ну как же! Мы для ЧАТК рекламную кампанию делаем, для «Сик-Сик». Вот недавно телеролик новый вышел, там, где мужик чихает в салоне самолета. «Не все средства против гриппа одинаково эффективны. Спрей „Сик-Сик“ помогает слабо, зато стоит дешево! Здоровье все равно не купишь, а раз так — зачем

тратиться? „Сик-Сик“ — экономь на здоровье!» Там еще в конце такая стюардесса появляется, с огромными ушами: «Есть ли смысл беречь здоровье? Ведь не знаешь, когда умрешь!» И самолет такой разбивается, и в конце джингл: «О-у-о, „Сик-Сик“!» Это наша работа! Видел?

— Не, не видел.

— Странно! Или ты не чайник?

— Что?

— Я говорю, ты в ЧА живешь или приезжий?

— А что такое «ча»?

— Отпад, чувак! — обрадовался Михаил. — Ты псих? Супер!

— Слушай, ты извини, я реально не все понимаю. Со мной с утра что-то странное творится. Я не знаю, может, я и правда с ума сошел! Ты мне объясни по-простому, что значит: «Ты в ча живешь»? Что за «ча», что за «чайники»?

— Если приезжий, то о-очень издалека! — протянул Михаил. — ЧА — это Чанчос-Айрес сокращенно. Ну а чайниками жителей столицы называют.

— То есть Чанчос-Айрес — это столица? А какой страны?

— Точно сумасшедший! — пришел в восторг парень. — Повезло мне! Смерть тебе, Метрополиарх! Слушай, чувак… э-э… Денис… А айда со мной в наш офис, а? Шеф будет рад. Психи в нашем деле — во как нужны!

— Да пошли куда хочешь, — согласился Дэн. — Только давай так. Я с тобой пойду при одном условии. Ты будешь отвечать на мои вопросы. Хочешь, психом меня считай, хочешь — кем угодно, но на вопросы отвечай. А то мне надоело уже ничего не понимать.

— О'кей, чувак, по рукам!

И Дэн с Михаилом двинулись дальше по тротуару.

— Этот город… Ча…

— Чанчос-Айрес.

— Чанчос-Айрес. Столица какой страны?

— России.

— А Москва?

— Что Москва?

— Москва — что?

— А что такое Москва?

— Ладно, проехали. А почему у столицы России название не русское?

— Ну ты даешь, чувак!

— Слушай, Миша, ты меня уже достал! Ты обещал на вопросы отвечать. Еще раз услышу: «Ты даешь!» — никуда с тобой не пойду.

— О'кей, о'кей, извини. Просто ты врубись, ты такие вопросы

задаешь… Все равно что спросить: «Почему у человека девять пальцев на руках?» Что на это ответить? Природой так устроено!

— Так почему столица России называется по-испански?

— Чтобы россиян не раздражало неприятное значение названия. «Чанчос-Айрес» переводится как «грязная атмосфера».

— А зачем же так назвали город?

— Да потому что тут атмосфера грязная!

— А по-другому нельзя было назвать, без негатива?

— Так это же столица, главный город государства! Ее название должно звучать прилично в международном плане.

— То есть негативно?

— А как иначе?

— Ну хорошо, а как же тогда Буэнос-Айрес? Тут ведь нет негатива.

— А что это? Тоже город?

— Столица Аргентины!

— Столица Аргентины называется Чоу Дэ Дань. Это, кажется, по-китайски. Любая столица носит название на языке, гражданам этого государства непонятном. Чтобы и народу неприятно не было, и приличный негатив присутствовал.

— Но почему для приличия обязательно нужен негатив?!

— Блин, да потому же, почему ты свой костюм землей испачкал! Ты зачем это сделал? Чтобы в ментовку тебя не забрали! И правильно. Потому что если идет по улице человек прилично одетый, не пьяный, и в карманах у него никаких наркотиков нет, и паспорт в порядке, и регистрация чанчос-айресская имеется — значит, он или террорист, или шпион, или революционер, или еще какой-нибудь злоумышленник. Потому что людей совсем без греха не бывает. И если этого греха не видно, стало быть, человек его скрывает. А раз это такой грех, который приходится скрывать, — значит, это грех тяжкий. Почему если у женщины грудь маленькая, то она такие лифчики носит, которые грудь совсем плоской делают? А если она высокого роста, то туфли только на десятисантиметровых каблуках надевает, чтобы дылдой баскетбольной выглядеть? Откуда эта мода на длинные накладные носы, на повязки пиратские на глаз, на хромую походку? Потому что мужчины знают: идеальной внешности не существует, и, значит, если никакого недостатка внешне не заметно, то ясно: у бабы сильно не в порядке что-то такое, чего она показывать не хочет! И — ну ее на фиг такую, от греха подальше. Почему в любой рекламе недостатки подчеркиваются? Чтобы потребители видели: это честная фирма, она честно говорит о своих недостатках. А все остальное у нее, значит, хорошо. Она же честная, было бы плохо — она бы

сказала! Взять, к примеру, ЧАТК: «У нас одна проблема — хреновая эмблема». Специально заказали разработку логотипа, который бы у всех вызывал отвращение. Получили такой логотип. И теперь везде кричат: «У нас одна проблема!» А на самом деле у них и тарифы выше, чем у «Бисексуал-Телеком», и зона охвата меньше. Но все это маскируется проблемой хреновой эмблемы… Денис, извини, но я себя сейчас каким-то идиотом чувствую. Как будто сегодня шестнадцатое декабря, День дурака, и меня просто друзья разыгрывают. Скажи честно, ты стебешься?

— Миш, без всяких шуток. Со мной одна вещь произошла, совершенно невероятная. Я тебе сейчас расскажу. Только давай присядем на лавочку… Тебе в это трудно будет поверить.

Послышался рев сирен. Мимо по проезжей части пронеслась кавалькада: четыре мотоциклиста, за ними несколько черных машин неизвестной Дэну марки, за ними — три длинных белых «линкольна», следом еще несколько машин и мотоциклистов.

— Так что ты хотел рассказать? — спросил Михаил.

И тут Дэн сообщил своему новому знакомому о том, что произошло с ним в это утро. Как он провалился в кофейную чашку, очнулся на стройке под краном. Как им заинтересовались менты, а потом отпустили. И что город, где он живет, называется Москвой и является столицей России. И что. судя по всему, попал он сейчас в какой-то совершенно другой мир, прямо как в какой-нибудь фантастике…

— Не знаю даже, верить тебе или нет… — сказал Миша. — Вообще, на сумасшедшего ты, к сожалению, не похож. Но если ты из другого мира… Что ж, может, и от этого какая-то польза будет. Пойдешь в офис-то со мной?

— Да пойду, куда мне деваться! Ты ж пойми, в какой я ситуации: мне ни жить негде, ни есть нечего! Я куда угодно пойду…

— Ну и отлично! Я почему за тебя ухватился — думал, у тебя не все дома, а такие люди в рекламе очень полезны. Считается, например, что все лучшие слоганы придуманы сумасшедшими. Я тебя хотел в качестве копирайтера испытать. Думал, может, у тебя какой-то, типа, взгляд со стороны заработает…

— Ну, я бы попробовал.

— Ну смотри… Только пошли уже, а то мы так и к вечеру до офиса не доберемся. Так вот, к примеру: мне сейчас поставлена задача разработать идею концепции рекламной кампании фирмы «VANO» — крупного производителя косметики. То есть, грубо говоря, придумать какой-то недостаток их продукции, который фирма будет чистосердечно признавать. О котором она будет кричать в каждой рекламе и по контрасту с которым другие

свойства товара будут выглядеть достоинствами.

— А какие у косметики могут быть недостатки?

— Да в том-то и дело, что эта «VANO» — крепкий орешек. У них продукция очень качественная. А недостаток — единственный и не уникальный, такой же, как и у любой другой косметики, — вред для кожи. Вот и поди-ка придумай концепцию рекламы!

— Ну, если я правильно понял вашу психологию, то в этой ситуации надо заявить примерно так: «Косметика „VANO“ портит твою кожу, но медленно! Когда это станет заметно, ты уже достигнешь такого возраста, что задача кому-то нравиться не будет для тебя актуальной. Зато сейчас у тебя есть возможность сделаться красивее». И девиз какой-нибудь зафигачить, типа: «VANO — живи сейчас!»

Михаил замер на месте и уставился на Дэна с восторгом.

— Вау! Старичок, это гениально! Гениально! Я уверен, шефу понравится! И заказчик примет наверняка! Гонорар пополам, согласен? Придумал ты, но заказ-то мой. Так что предлагаю делить поровну: сорок шесть процентов тебе, сорок шесть — мне. Согласен? Справедливо?

— Справедливо… А оставшиеся восемь процентов — фирме? Или на налог уйдут?

— Что еще за восемь процентов? — не понял Михаил. — Я ж тебе говорю: ровно пополам делим, сорок шесть на сорок шесть.

— Так половина — это ж пятьдесят процентов!

— Так… У тебя, значит, еще и с арифметикой нелады! Ты точно — настоящий гений, гений-гуманитарий! — Михаил хохотнул и хлопнул Дэна по плечу. — Считаем на пальцах! Половина в процентах это столько, сколько у тебя пальцев на обеих руках, умножить на пять. Так?

— Так.

— Ну, теперь давай считать. — Михаил стал загибать пальцы: — Один, два, три, четыре, пять — одна рука. Возражений пока нет?

— Нет.

— Смерть Метрополиарху! Продолжим на другой руке: шесть, семь, осемь, восемь, девять. Итого на двух руках — девять пальцев.

— Вот оно что…

— Согласен? Ну а девять плюс девять — сколько будет?

— Восемнадцать.

— Правильно. А еще плюс девять?

— Двадцать семь.

— А вот это неправильно. Не двадцать семь, а двадцать

осемь! Вернемся к пальцам, смотри — восемнадцать было, начинаем прибавлять пальцы на обеих руках: девятнадцать, двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три… — Михаил перешел на другую руку, — двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, двадцать осемь.

Ну конечно, чертова цифра осемь! Дэн уже больше не спорил. А Михаил продолжал:

— Двадцать осемь плюс еще девять — тридцать семь. Тридцать семь плюс девять — сорок шесть. Вот тебе и половина в процентах.

— Я понял, понял, — кивнул Дэн. — Просто непривычно… В нашем мире целое — это сто процентов. А у вас выходит… сорок шесть, плюс сорок шесть… девяносто два процента.

Михаил только покачал головой.

— Нет, чувак, арифметика — не твоя наука. Сорок шесть плюс сорок шесть, чтоб ты знал, это восемьдесят один.

— ???

— Что, опять к пальцам возвращаться? Сорок шесть плюс девять — пятьдесят пять. Плюс девять — шестьдесят четыре. Плюс девять — семьдесят три. Плюс девять — осемьдесят два. Плюс девять — восемьдесят один! Восемьдесят один процент — это и есть целое.

— Все, сдаюсь, сдаюсь! Хватит! — взмолился Дэн. — Давай сменим тему. Ты вот, я заметил, несколько раз сказал: «Смерть…» — кому-то там… Это ты о ком? Кому смерти желаешь?

Михаил вздрогнул, огляделся по сторонам и испуганно посмотрел на Дэна.

— Ты, чувак, псих не псих, а такого больше не говори! Типун тебе на язык! Что значит «смерти желаешь»?!! Это же Метрополиарх, Верховный Правитель, Отец Нации! Вот он — смотри, если не видел еще!

Как раз в это время Дэн с Михаилом проходили под очередным рекламным щитом, на котором был изображен немолодой мужчина с классической внешностью театрального «благородного отца». Он держал в руке бокал красного вина и улыбался. Надпись внизу гласила: «Люблю выпить, имею слабость… Но пью за Россию! И знаю меру».

— «Смерть Метрополиарху», — строго сказал Михаил, — это стандартное, вошедшее в поговорку выражение лояльности народа к любимому правителю. Запомни это, пожалуйста, и больше глупостей на эту тему не говори.

— Какая же тут лояльность?.. Смерть…

— Чё, дурак? Я тебе объясняю, объясняю… Ну понятно же — народ правителем полностью доволен не может быть никогда.

Если народ молчит или, того хуже, только восхваляет главу государства — ясно: назревает бунт. Если же граждане правителя проклинают по всякому поводу — значит, в стране спокойствие, нормальная жизнь и верноподданнические настроения. Понял?

— Понял. А вот тут недавно тачки крутые промчались — это, случайно, не Метрополиарх ехал?

— Нет, что ты! Это бизнесмен какой-нибудь. Метрополиарх — человек скромный. Он только на Метро ездит… Слушай, Денис, давай-ка ускоримся! Нам еще до офиса минут двадцать шагать, а я хочу к шефу до обеда успеть, рассказать ему твою гениальную телегу про косметику.

— А на транспорте ни на каком мы туда не подъедем? Тут же вроде станция метро рядом…

Михаил снова остановился.

— Чувак, ты вообще слушаешь меня?! Я ж тебе только что сказал: на Метро ездит Метрополиарх! Ох, почему все гении — такие дауны?

Так началась карьера Дэна в качестве креативщика рекламного агентства «Два балла». И карьера весьма успешная, если не сказать — головокружительная. Шеф агентства с восторгом принял концепцию, предложенную для рекламной кампании «VANO». Представителям самой фирмы эта идея тоже чрезвычайно понравилась. Дэн был зачислен в штат. А месяца через три он уже зарабатывал больше, чем Мишка. Оказалось, что тот самый «взгляд со стороны», которым обладал Дэн, — это бесценный дар! Получилось так, что, будучи воспитан в совершенно иных культурных, психологических и логических традициях, Дэн, сталкиваясь со странными для него явлениями чужого мира, сразу видел их основную суть, которую местные жители зачастую упускали из внимания как нечто очевидное и потому неинтересное.

«Рецептура нашего тонизирующего напитка хранится в тайне более ста лет! Тайна эта никого не интересует, но — сам факт, сам факт!»

«Подпиши жену на наш журнал. Он очень глупый! Почувствуй себя умнее жены!»

Такие «телеги» Дэн выдавал по несколько штук в день, особенно даже и не задумываясь. Но он не останавливался на таких элементарных построениях «от противного». Душа его тянулась порой к неким более абстрактным, философским и даже абсурдным идеям — типа слогана, который он придумал для одного оператора мобильной связи: «Генофонд — будущее от тебя не зависит!»

Дэн даже делал порой то, что позволяют себе только истинные мастера, — нарушал основополагающие законы построения рекламы! Так, например, для одного известного бренда минеральной воды он написал текст, в котором ничего (!) не говорилось о недостатках этого продукта! Вместо этого была придумана печальная история, как бы связанная с процессом производства товара:

ЧТОБЫ ВОДОЙ ВАС В ЖАРУ НАПОИТЬ, ИСТОЧНИК
ПРИШЛОСЬ НАМ ДО ДНА ИСТОЩИТЬ!
МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА «ПУСТОЙ ИСТОЧНИК»

Директор рекламного агентства называл эти работы высшим пилотажем и в Дэне просто души не чаял! Шеф был симпатичный мужик, хотя и со странностями. Он, подобно некоторым женщинам, носил на лице длинный накладной нос. В один из первых дней, после того как Дэн устроился в агентство, Миша сообщил ему: «Ты не думай, он не голубой! Хоть и с таким носом ходит. Просто в нашем бизнесе, в кругах того уровня, где он вращается, выглядеть голубым — это бонтон. Ну и вообще, для него это один из немногих способов казаться приличным человеком: выпивать он по здоровью не может, фриковать, как мы с тобой, ему уже по возрасту как-то не к лицу… Вот он и косит под голубого».

Дэн же в офисе и по улице ходил теперь фриком, подобно Мишке, только не мушкетерскую шляпу на голове носил, а рогатый шлем викинга.

Успел завязаться у Дэна даже и небольшой служебный романчик. С секретаршей шефа, девушкой Олей. В качестве кокетливого недостатка внешности Оля применяла выбритый налысо череп. Дэн находил, что это весьма эротично (во всяком случае, по сравнению с буратиньими носами, чебурашечьими ушами и свинячьими силиконовыми тройными подбородками прочих окружающих представительниц безобразного пола).

Левых заказов Дэн обычно не брал. Таких, которые не через фирму, а напрямую от клиента, так что весь гонорар — черным налом в карман копирайтеру. Дэн не жадничал, да и положением рисковать не хотелось. Но однажды вышел на него тайно один человечек с предложением, от которого, как говорится, невозможно было отказаться. Приближались перевыборы руководителей государства. Самый-то главный руководитель, Метрополиарх, не переизбирался. Метрополиарх — титул пожизненный. А вот члены Коллегии советников переизбирались путем всенародного голосования каждые осемь лет. Постепенно все больший процент площадей наружной рекламы стали

занимать портреты различных кандидатов, все чаще звучала политическая агитация на теле- и радиоканалах. Ну а Дэн, в частном порядке, получил предложение поработать на одного из независимых кандидатов. Придумать имидж, легенду о происхождении, основные тезисы политической программы. Никакой собственной программы кандидат не имел, кроме разве что: «Хочу тоже в Метро поездить, страной порулить». Деньги же были предложены такие хорошие, что Дэн решился рискнуть.

Он рассудил, что политика — дело консервативное, всякие смелые эксперименты и авангардные ходы тут ни к чему, и стал выполнять работу по канонам скромной, но благородной классики. Уже через несколько дней его кандидат обращался к гражданам с телеэкранов и смотрел на прохожих с рекламных щитов, повернувшись к ним в таком ракурсе, чтобы был виден синий крест, вытатуированный у него на шее (временная «шестимесячная» татуировка, не смывается водой). Кандидат всенародно признавался в своем уголовном и тюремном прошлом. Девиз звучал просто: «За одного раскаявшегося осемь праведников дают!» Понимая, с чем имеет дело, Дэн сперва критически проанализировал этот девиз на предмет наличия смысла. Такового тут не просматривалось. Кто и у кого берет этого одного раскаявшегося и дает взамен осемь праведников? Каковы интересы участников этой сделки? Насколько стабилен курс раскаявшегося по отношению к праведнику? Что все это значит конкретно для избирателей? Ответов на эти вопросы не было. Тезис звучал совершенно бессмысленно. Следовательно, для политического девиза годился как нельзя лучше.

Общественный резонанс не заставил себя ждать. О кандидате заговорили. Но Дэн не позволял себе радоваться до тех пор, пока не появилось объективное подтверждение успешности его работы — «черный пиар» в отношении его клиента! На интернет-сайте www.sor_v_izbe.ru появился компромат — биография кандидата, из которой следовало, что он никогда не находился в местах лишения свободы. Это был несомненный успех! Целевая аудитория увлеклась интригой: «Врет, что сидел, или не врет?» Можно было считать, что место в Метро клиенту Дэна гарантировано.

А потом клиент куда-то исчез. Впрочем, тайна его исчезновения раскрылась очень скоро.

Как-то после обеда Дэн с Михаилом пили кофе в буфетной комнате. Работал телевизор. Показывали какую-то лабуду — обычную для дневного эфира федерального канала. В рекламном блоке проскочило и Мишкино произведение:

ВАМ НУЖЕН ПЛОХОЙ ФОТОАППАРАТ?
НЕТ!
А ДИКТОФОН НИЗКОГО КАЧЕСТВА?
НЕТ!
А ФОНАРИК, КОТОРЫЙ ЕЛЕ СВЕТИТ?
НЕТ!
А КЛАССНЫЙ МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН?
ДА!!!
ТОГДА ВАМ НУЖНА DEMIDROLA-5C!
КЛАССНЫЙ МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН!
А ЕЩЕ ОН — ПЛОХОЙ ФОТОАППАРАТ
ДИКТОФОН НИЗКОГО КАЧЕСТВА
И ФОНАРИК, КОТОРЫЙ ЕЛЕ СВЕ…

Ролик вдруг оборвался. На экране на несколько секунд появилась заставка, а затем возникло лицо новостного диктора.

«В эфире внеочередной выпуск новостей. В нашу студию только что поступило официальное сообщение о том, что сотрудникам Чрезвычайного Управления безопасности Метрополитена удалось раскрыть и ликвидировать государственный заговор, в рамках которого готовилось покушение на жизнь Метрополиарха. Во главе заговора стоял предприниматель Петр Леонтьевич Рыбка, независимый кандидат в члены Коллегии советников, шедший на выборы под лозунгом: „За одного раскаявшегося осемь праведников дают“. Подозрительное поведение гражданина Рыбки давно уже привлекло внимание Управления безопасности, и за кандидатом было организовано наблюдение, в ходе которого было установлено, что преступная группа заговорщиков, возглавляемая и финансируемая предпринимателем Рыбкой, планирует убийство Метрополиарха. Тем самым гражданин Рыбка надеялся вызвать в государстве дестабилизацию и захватить власть в Метро. Согласно действующему законодательству, деятельность Петра Леонтьевича Рыбки расценивается как преступление против народа и государства и заслуживает высшей меры наказания. Наказание высшей меры будет применено завтра в осемь часов по чанчос-айресскому времени».

— Хех, вот тебе и раскаявшийся! — крякнул Мишка. — А выглядел убедительно, скажи, Дэн? Хорошо, что его поймали, гада… Эй! Дэ-эн, алло! Чего задумался?

Дэн вел свои левые дела с кандидатом Рыбкой осторожно и лишнего не болтал. Ни Миша, ни Ольга понятия не имели об этой его «халтурке». И конечно же, сам он и не подозревал о том, что его клиент — заговорщик.

— Да, хорошо, что поймали… — выдавил из себя Дэн. — Смерть Метрополиарху! Теперь, значит, казнят этого Рыбку?

— Почему казнят? Сказали же: «высшая мера». У нас вообще смертной казни по Конституции нет.

— А… В таком случае «высшая мера» — это как?

— Обыкновенно. Привозят преступника в Лобную чашу. Это такой подземный котлован в Метро. Там проводят с ним ритуал высшей меры, после которого преступник уже не возвращается.

— То есть убивают все-таки?

— Да никто никого не убивает! Просто преступнику создают такие условия, что он перестает физически существовать.

Дэн долго боялся. Прошел почти месяц, прежде чем он успокоился и решил, что пронесло. Тогда-то его и взяли. Увезли прямо из офиса.

На допросах Дэн говорил только правду. Признавался, что вел рекламную кампанию Петра Рыбки. Участие в преступном заговоре против государства отрицал. К своему ужасу, очень скоро Дэн понял, что все это дело вообще сфабриковано. Не готовил Рыбка никакого покушения. А просто, видать, сунулся не туда, стал играть с нарушением каких-то правил. «Но я-то куда, идиот, полез?! — ругал себя Дэн. — В политику! Как я мог?! Вот же черт попутал!»

Допросы продолжались недели две. А потом его куда-то повезли. Когда скомандовали выходить из машины, Дэн увидел прямо над собой светящуюся в вечерних сумерках букву «М». Конвоиры повели его по ступенькам вниз. В Метро.

Минут двадцать стояли на платформе. Наконец послышался отдаленный шум, в глубине тоннеля прорезался свет. К платформе подъехал поезд. Обыкновенный в общем-то, только окна всех вагонов были почему-то заляпаны, загажены, испачканы до безобразия. Поезд остановился, двери одного из вагонов открылись. Конвоиры подвели Дэна к этому вагону. В дверях стоял жизнерадостный господин с благородной сединой в волосах, приветливым взглядом и бокалом красного вина в руке.

— Рад, рад! — воскликнул он. — Рад предложить вам гостеприимство! Проходите, пожалуйста, молодой человек. Чувствуйте себя как дома! Только через порог давайте не будем здороваться… вот так… ну-с, давайте знакомиться! Метрополиарх!

И «благородный отец» протянул руку для пожатия.

— Я лично изучил ваше дело, — рассказывал Метрополиарх, сидя рядом с Дэном на кожаном сиденье вагона, несущегося куда-то по черному тоннелю. — Вижу, что человек вы, во-первых,

незаурядного таланта, а во-вторых, кристальной честности! Другой бы на вашем месте стал какие-то мелкие грешки про себя выдумывать, рассказывать следователю о каких-то своих нехороших настроениях по отношению ко мне. Нехороших, но не опасных… А вы, как я почитал ваши показания, ни слова в таком духе про себя не сказали… Никакой недостаток про себя не сочинили, ни в чем негативном не призналась. Получается, вы чисты со всех сторон, а стало быть — тайный злейший заговорщик и по вам Лобная чаша плачет! Но я-то вижу: вы просто честный человек. Честный и гордый. Даже ради спасения собственной жизни наговаривать на себя не стали! Воодушевляюсь тем, что, смерть мне, есть еще в России-матушке такие люди, как вы! За вас!

В руке у Дэна тоже уже был бокал с вином. Они с Метрополиархом чокнулись и сделали по хорошему глотку. Поезд начал сбавлять скорость. За окнами стало светлее. Очевидно, подъехали к какой-то станции. Но увидеть что-либо через окна возможности не было, до того они были грязны. Приятный женский голос из динамиков объявил: «Станция Бар-Река». Двери вагона открылись.

— А схожу-ка я еще за вином! — заявил Метрополиарх. — Прошу вас, Денис Валерьевич, подождите меня здесь, буквально пять минут!

Как только глава государства покинул вагон, двери закрылись. Дэн подошел к окну поближе. Ни черта не видно! Он достал из кармана носовой платок и провел по оконному стеклу. Появился небольшой просвет, через который стало даже что-то смутно просматриваться на платформе. Дэн еще потер платком по стеклу. И тут двери вагона с шипением открылись, вбежали конвоиры, повалили Дэна на пол, пару раз пнули, потом надели наручники и пристегнули к металлическому поручню.

— За что?! — прохрипел Дэн.

Никто не удостоил его ответом.

И тут он понял. Понял, какого он дурака в очередной раз свалял! Ну конечно, раз Метрополиарх ездит в вагонах с грязными стеклами, значит, это специально! Разумеется, это часть имиджа. Официально рекламируемая скромность или, может, неряшливость в качестве официально афишируемого недостатка… А он, идиот, полез чистить окно и нарушать целостность имиджа Отца Нации!

В открытую дверь вагона вошел Метрополиарх. Поглядел на Дэна.

— М-да… До изрядного возраста я дожил, а в людях разбираться так и не научился! Значит, все-таки покушение?

— Какое покушение?!

— Ну довольно уж дурака валять! Зачем вы стали окно чистить? Чтобы видимость для снайпера появилась? Вы, стало быть, знали, что я в поезде с тонированными стеклами езжу и всегда в разных вагонах, — так решили втереться в доверие и изнутри меня раскрыть, подать своему снайперу на блюдечке с голубой каемочкой?

Метрополиарх подошел к вмонтированному в стену вагона устройству связи «пассажир — машинист».

— Алло, машинист? Это пассажир. Хочу вам сообщить: рядом со мной находится лицо в пачкающей одежде, курящее и занимающееся попрошайничеством… Шутка. Давай-ка, Кузьмич, поворачивай к Лобной чаше.

Дэн стоял на дне котлована. На голове у него был рогатый шлем викинга. В этом шлеме Дэн был во время ареста, потом его, вместе с прочими личными вещами, забрали, а теперь Метрополиарх водрузил шлем на голову Дэну со словами: «Уйдите достойно, в своем головном уборе!» Как его конкретно, физически, лишат сейчас жизни — догадаться было невозможно, и от этого было особенно страшно. Рядом на дне Лобной чаши — ни гильотины, ни виселицы, ни электрического стула. Сверху на краю котлована стояло несколько человек, но все без оружия. Некоторые из них, в том числе и Метрополиарх, время от времени посматривали на часы. Наконец глава государства воскликнул:

— Осемь!

Откуда-то сверху на Дэна упал мощный луч света. И в том свете он начал растворяться.

Так это выглядело со стороны. Сам же Дэн почувствовал, что его тело теряет вес и будто бы взлетает в воздух. И в то же время он оставался на дне чаши, видел стены котлована и даже слышал голос Метрополиарха:

— По святой традиции, об ушедших — или критически, или никак. Что ж, из уважения к только что покинувшему нас, скажу несколько слов… Денис Валерьевич был дрянным человеком. Ненавидя народ и государство…

А потом Дэн услышал скрежет ржавых подшипников и увидел над головой острую косу маятника.

Двое милиционеров, проезжавших мимо стройки, стали свидетелями необъяснимого явления. Крюк, свисавший со стрелы башенного крана, вдруг, ни с того ни с сего, резко пошел в сторону и вверх, будто оттянутый невидимой гигантской рукой. Повисев пару секунд наверху, крюк полетел вниз, качнулся вверх

в противоположную сторону, снова опустился вниз и… резко застыл. Будто и не качался вовсе.

Менты переглянулись.

— Ты видел то же, что и я? — спросил первый.

— Ага, — ответил напарник.

— Не будем никому рассказывать. А то попрут из органов. Сумасшедших только в рекламных агентствах уважают.

— Ага.

Послышался звон разбитой чашки. Два молодых человека, увлеченно беседовавших за соседним столиком, обернулись. Позади них сидел какой-то придурок в рогатом шлеме. В таких обычно ходят футбольные фанаты, только у тех шлемы раскрашены в цвета клубов, а этот какой-то непонятный, серенький. Словом, придурок, да еще наверняка и под кайфом. Но вроде не агрессивный. Молодые люди вернулись к своему разговору.

— Короче, таких денег за девиз, как этот ССМБ, нам еще никто не предлагал! Но им нужно сегодня до восьми вечера. Там, типа, эфир уже проплачен наперед, время в сетке вещания зарезервировано… Короче, все через жопу, как обычно… Уже миллион вариантов им предложили! Ничего не берут: «Мы называемся „Самый Серьезный Московский Банк“, наш девиз должен хорошо сочетаться с солидностью названия!» Я уж чего только не предлагал: «Уверенность в завтрашнем дне», «Уверенность и надежность», «Надежность и стабильность»… «Гарантия вашего спокойствия»…

— Извините, пожалуйста…

Опять этот козел в рогатом шлеме! Домотался-таки! Молодые люди хмуро уставились на Дэна.

— Разрешите вас спросить… Простите, я просто слышал ваш разговор про московский банк… Этот город называется Москва? Мы сейчас в Москве находимся? Пожалуйста, я не сумасшедший, я просто не совсем здоров, у меня проблемы с памятью…

— В Москве, — хмыкнув, ответил один из молодых людей.

— А Москва — столица России?

— Ну.

— Смерть Метрополиарху!

— Что?!

— Простите… Огромное вам спасибо! Да… Насчет девиза для банка. Что, если так попробовать: «Самый Серьезный Московский Банк. Тили-тили, трали-вали!»

— Слуша… — начал один из молодых людей.

И тут второй вдруг заржал.

— Чё, прикольно! Нет, ты вслушайся! Это же атас просто: «Самый Серьезный Московский Банк. Тили-тили, трали-вали!» Круто! Я бы взял!

— Да у меня даже язык не повернется такое шефу предлагать! Там у всех нервы на пределе, а я издеваться буду!

— Звони, звони! Я тебе реально говорю: гениальный девиз!

Через пятнадцать минут за столиком уже пили французский коньяк. Шеф в идею врубился и нашел в себе достаточно безумия, чтобы предложить девиз клиенту. Невероятно, но парадоксальность этого «тили-тили, трали-вали» очаровала и управляющего банком…

— Братан, половина гонорара твоя! Вторая половина уж все-таки моя. Согласен, справедливо?

— Согласен. Сорок шесть процентов — справедливо.

— Да нет, почему сорок шесть? Я крысятничать по мелочам не собираюсь. Сказал — половина, значит, половина, все пятьдесят процентов… Слушай, ты вообще откуда? Поработать с нами не хочешь?

Через некоторое время Дэн вышел на улицу освежиться. Март только начался, но снега уже почти нигде не было. Первое весеннее солнышко отражалось в стеклах проносящихся мимо машин.

«Ну здравствуй, Москва! Я вернулся!»

Стоя на углу тротуара. Дэн наблюдал, как люди, самые обыкновенные, простые горожане, густым потоком затекают в Метро. «Демократично тут у них, — подумал Дэн, — заходи кто хочет в мраморные царские дворцы, катайся на поездах сколько влезет!»

Вспомнил о друзьях. «Что они подумали о моем исчезновении? Небось похоронили уже… Надо будет придумать, что им сказать. Интересно, как тут Лелик с Иркой…»

И тут вспомнилась Оля, недавняя подруга. Дэн вздохнул. Попытался представить себе Ирку лысой… Не получилось. Сумасшедшая мысль пришла в голову: «А что если всякий, кого в Чанчос-Айресе приговаривают к высшей мере, попадает сюда? Может, и Ольгу тоже приговорят… ну, за дружбу со мной… и она сюда попадет?»

А в это время двое молодых людей в кафе, воодушевленные как успехом, так и коньяком, продолжали бурно восторгаться девизом, который придумал этот ненормальный парень в рогатой

шапке и с провалами в памяти. Недаром говорят: все гении — сумасшедшие!

Молодые люди не обращали никакого внимания на работающий в углу телевизор. Да и не было там ничего заслуживающего внимания. Все какая-то надоевшая уже до смерти политическая реклама. Ну, выборы же скоро. Вот и сейчас на экране агитировал за себя какой-то Петр Рыбка — мужик с татуировкой на шее в виде креста: «…отбывал наказание… жизненный урок… бесценный опыт… на благо сограждан… за одного раскаявшегося осемь праведников дают…»

Кофе из кофейной машины

Подходишь к кофейной машине. Ставишь чашку. Нажимаешь кнопочку «Большая чашка».

На дисплее появляется надпись: «Воздушная пробка».

Поворачиваешь рычажок сбоку, выпускаешь лишний пар. Нажимаешь кнопочку «Большая чашка».

Аппарат пишет: «Переполнен контейнер».

Вынимаешь контейнер, высыпаешь отработанный кофейный порошок, возвращаешь контейнер обратно. Нажимаешь кнопочку «Большая чашка».

Машина сообщает: «Недостаточно воды».

Снимаешь крышку, наполняешь резервуар водой, нажимаешь кнопочку «Большая чашка».

На дисплее надпись: «Введите пароль».

Хлопаешь глазами.

Новая надпись: «Если вы забыли пароль, введите свой e-mail и пароль будет вам выслан».

Берешь чашку, поворачиваешься, чтобы уйти. За спиной раздается тревожный писк. Возвращаешься, читаешь на дисплее: «Уже и пошутить нельзя! Поставьте чашку на место. А то куда я буду наливать?»

Нажимаешь кнопочку «Большая чашка».

Некоторое время аппарат жужжит. Потом докладывает: «Нет кофейных зерен».

Насыпаешь зерна. Нажимаешь кнопочку.

Чашка наполняется.

Бросаешь в чашку сахар и уходишь.

На дисплее остается надпись: «А „спасибо“?»

Елена Боровицкая,
Алексей Карташов

Деревенские страхи [4]

Дональду было 33 года, и последние десять лет он провел в Деревне. Он любил Деревню. Собственно, он даже профессию себе выбрал — искусствовед, эксперт по живописи XIX века — для того, чтобы там поселиться. Устроился на работу, не слишком хорошо оплачиваемую, в один из музеев Нью-Йорка, снял крохотную студию на самом верху пятиэтажного мрачного многоквартирного дома окнами на другой такой же дом. И ни разу не пожалел о своем выборе. Выходец из Иллинойса, он поначалу шалел от Манхэттена, уставал от него и даже проклинал на чем свет стоит. Но одно Дон знал точно: ни за какие коврижки он уже не сможет покинуть этот остров. И само собой, Деревню. Он нервами и кровью своей понял, что имеют в виду люди, пожившие в Манхэттене: уехать отсюда невозможно.

Он был условно одинок легким, совершенно нетягостным одиночеством. Была у него небольшая компания друзей, составленная из будущих великих художников, будущих великих музыкантов и вполне нынешних брокеров и риелторов. Водились там и дамы, тоже художницы и риелторши, переменчивые и переменные, а зачастую и переходящие. Ни одна из них не оставалась с Доном настолько долго, чтобы в его ванной поселилась ее косметика. То есть подруги у него не было.

Дона это устраивало. Он не любил самоуверенных, крикливых дам, настаивающих, что они во всем равны мужчинам. Дон так и не смог к ним привыкнуть, но скрывал свое отношение как неизжитую провинциальность. А в глубине души продолжал считать, что Природа создала мужчин и женщин разными и всяк, кто не согласен, рискует получить по морде от этой самой Природы.

Среди друзей он слыл за милого и неглупого человека с одной легкой странностью, вполне простительной в компании будущих великих живописцев. Дон был страстным поклонником импрессионистов. Он не просто любил их свет, цвет и композицию. Он готов был поселиться в их картинах и жить там до скончания века. Да-да, даже покинув для этого Манхэттен.

Женщины импрессионистов, нежные, улетающие, с влажными глазами, небрежно элегантными прическами. Кружевные зонтики, полосатые летние платья. Как бы он хотел, чтобы такие женщины наполняли многочисленные кафе и танцзалы Деревни!..

Конечно, у него была любимица, девушка с картины Ренуара «Завтрак гребцов». Та самая, слева, которая тянулась капризными пухлыми губами поцеловать собачку. Все в ней нравилось Дону. Даже то, что она написана в профиль и невозможно полностью

оценить прелесть ее лица. Невозможно оценить, значит, можно фантазировать. И Дон фантазировал. Он понимал, что она совсем не красавица, слишком курносая для красавицы. Скорее всего, просто хорошенькая. Как говорится, с шармом.

Из всех кафе Деревни Дон больше всего любил проводить время в «Данте». Во-первых, там прекрасный эспрессо и изумительные пирожные. А во-вторых, по причуде дизайнера, стены кафе «Данте» были увешаны репродукциями импрессионистов. Был там и «Завтрак гребцов». Дон любил посидеть в «Данте» за круглым одноногим столиком с маленькой чашечкой эспрессо. Любуясь Девушкой с Собачкой. Потом заказать еще кофе и вновь любоваться Девушкой с Собачкой. Какая она все-таки… особенная. Не похожая на всех его быстрых подружек. Не похожая ни на одну девушку в этом кафе. «Вот хоть взять эту, — грустно думал Дон, отвлекшись на минуту, — сидит под картиной. Вроде бы тоже рыжеватая, курносая, симпатичная, а все не то». И Дон с облегчением, как после долгой разлуки, возвращался к созерцанию «Завтрака гребцов».

* * *

Бывают редкие дни — светлые, яркие, нежаркие, которые природа дарит ньюйоркцам в самом конце апреля. Их здесь принято называть весной. Что поделать, весны на Восточном побережье нет, ее компенсирует длинная и неописуемо красивая осень. Так что, если вы готовы на такую замену, этот климат для вас.

Дон долго гулял, а потом решил заглянуть в «Данте». Сел за свой любимый столик с видом на «Завтрак гребцов», заказал эспрессо. Он лениво помешивал в чашечке леденцовой палочкой, когда поднял глаза, чтобы взглянуть на любимую картину. И его взгляд замер на полпути. За столиком прямо под репродукцией, в профиль к нему, сидела девушка. В соломенной шляпке с маками и шелковой лентой. Может быть, это были не маки, а какой-то другой красный цветок. На ней было темное — то ли черное, то ли синее — платье, затянутое в талию. Узкое белое кружево оттеняло манжеты и воротник. Пухлые губы капризно изогнулись. Девушка самозабвенно крошила вилочкой по тарелке темный итальянский трюфель.

Уж поверьте, не шляпка и не утянутое в талию платье так поразили Дона. На то она и Деревня, что всякий тут одевается как хочет. Хоть в пекарскую фольгу завернись, никто внимания не обратит, разве только туристы со Среднего Запада оглядываться

станут. Но они тихие, боятся выказать провинциальность, так что ходи в чем вздумается, самовыражайся на здоровье.

К тому же платье незнакомки было вполне современным, просто необыкновенно удачно стилизованным под платье Девушки с Собачкой. Но главное не это. Почти фотографическое сходство: рыжеватый локон из-под шляпки, милая курносость, темные пушистые ресницы и обворожительно капризный пухлый рот. Не хватало только собачки.

Дон продолжал помешивать кофе совсем уже истаявшим леденцом, не в силах оторвать от видения глаз. Девушка замерла, она почувствовала его взгляд. Поставила локоть на стол, выгнув кисть руки. Зачем-то поводила соломинкой в стакане с водой. Убрала локоть со стола, смяла салфетку. Потом, словно решившись, повернулась и взглянула прямо на Дона. Ее лицо словно бы таяло в дымке вокруг темных карих глаз. Ренуар был бы в восторге.

Дон почувствовал, что тонет, пропадает. Он уцепился за чашечку с эспрессо как за соломинку и сделал хороший небрежный глоток. Поперхнулся — это был не кофе, это был сахарный сироп. Девушка едва заметно улыбнулась и отвернулась.

* * *

Ну конечно, Дон с ней познакомился. Ее звали Джейн, и она тоже жила где-то в Деревне. Впрочем, где еще может жить такая девушка? Они ушли из кафе вместе и до темноты бродили по улицам. К концу вечера Дон был покорен и очарован. Она была неподдельно женственна и как-то очень уместно умна. Не навязывала своих суждений о литературе или живописи, была аккуратна и осторожна в оценках. Ее хотелось назвать обворожительным дилетантом. Но главное, главное, что обезоружило Дона, была, конечно, ее женственность: без тени жеманства или игры. Только чуть-чуть, совсем капельку наивного кокетства.

Они встречались почти каждый вечер. Заходили в «Данте», гуляли по улицам. И говорили, говорили… Дон не торопил неспешное развитие их романа. Все так отличалось от его интрижек с нахрапистыми подружками, когда встреча начинается ланчем, а заканчивается деловитым вопросом: «Тебе как больше нравится?» Нет, этого нам не надо.

Единственное, что тревожило Дона все больше и больше, была какая-то патологическая скрытность Джейн. Он до сих пор

не знал толком, где она живет. Они всегда прощались около какого-то безликого многоквартирного дома, и Джейн исчезала, как ему казалось, даже не дойдя до подъезда. Он не знал и чем она живет — когда он начинал расспрашивать о работе, Джейн мягко, но неумолимо меняла тему разговора.

И еще — они всегда встречались только после девяти вечера. Он знал номер ее мобильного и не раз пробовал позвонить ей раньше, скажем около семи. Но ответ был всегда одинаков: «Извини, я очень занята, встретимся на нашем месте сразу после девяти». В трубке слышались обрывки каких-то несвязных голосов. Бывали дни, когда она вообще не брала трубку или телефон был попросту выключен. На его вопросы, связано ли это с правилами на службе, Джейн погружалась в беспросветное молчание.

* * *

Дон давно собирался поехать в Парк скульптур около Трентона. Он много слышал об этом загадочном Парке. Некоторым слухам даже не верил. Кое-кто из его друзей, уже побывавших там, со значением говорил Дону: старик, это место для тебя!

Дон примерно знал историю Парка: что с десять лет тому назад то ли «Джонсон и Джонсон», то ли «Проктор и Гэмбл» купили под Трентоном заболоченный пустырь с несколькими десятками гнилых тополей. И объявили конкурс на проект Парка. Победили двое довольно молодых ребят из Деревни: ландшафтный дизайнер и скульптор по металлу. Эти ребята, по утверждению людей, видевших Парк, оказались гениями.

Дон не очень верил в гениев, вот так запросто бродящих среди нас, но на Парк взглянуть было, конечно, любопытно. Естественно, он пригласил с собой Джейн.

— Поедем завтра, у меня в музее выходной, и ты отпросись с работы. Я возьму машину в прокате. Это около Трентона, езды-то минут пятьдесят по джерсийской стороне.

— Нью-Джерси? За Тоннелем?

Джейн выглядела испуганно. Если бы Дон не знал ее так хорошо, решил бы, что она из тех, кто никогда не покидает Манхэттен. Есть такой сорт людей.

— Ты поедешь по девяносто пятому хайвею? — встревожено расспрашивала она.

— Ну да, а что? Поехали вместе, Джейн. Говорят, это совсем ни на что не похоже! А буклеты в интернете какие-то мутные,

ничего не поймешь. Парк-то довольно молодой… Ну поехали!

Джейн была непреклонна. На все просьбы упрямо отвечала: «Не могу». Без объяснений. При этом было заметно, что даже мысль о поездке в Трентон ее пугает. Все это немного рассердило и озадачило Дона. Сказала бы прямо: меня с работы не отпустят, — и Дон бы понял, чего тут не понять? Но все, что касалось ее работы, Джейн по-прежнему упорно обходила молчанием.

* * *

Утро визита в Парк выдалось пасмурным. Один из таких темных дней, когда кажется, что солнце позабыло взойти. Дон все же твердо решил ехать. Сел в арендованный «крайслер» и погнал его на юг. Въезд в Парк он нашел, слегка поплутав по мелким дорожкам, вдоль которых уже выстроились с готовностью какие-то абстрактные скульптуры.

Парк был открыт и пуст. Что ж, это было понятно — среда и погода так себе. Дон даже не удивился, что не было никого при въезде, чтобы продать ему билет. Он запарковался в полном одиночестве на стоянке и пошел бродить, слегка досадуя на полное отсутствие служителей: даже карту не попросишь.

Впрочем, скоро он забыл об этом огорчении. Парк сразу же его очаровал. Весь разбит живыми изгородями, куртинами и купами деревьев на небольшие полянки, и повсюду самые неожиданные скульптуры. Дон знал толк в современном искусстве и понимал, что здесь потрудились по-настоящему талантливые люди.

Так он брел по дорожкам и узким аллеям, за каждым новым поворотом натыкаясь то на фонтан с плывущим над ним туманом, то на квадратный строгий водоем в черном граните, то на унылую очередь черных бронзовых фигур вдоль мраморной стены, а то вдруг на небольшой греческий амфитеатр. Жаль, думал Дон, что небо такое хмурое — как бы все это заиграло. Темнело все сильнее. Он уже не мог без солнца толком сообразить, с какой стороны пришел, и теперь брел наугад.

Но почему, думал Дон с легким недоумением, друзья говорили ему: это место, где ты захочешь жить? Да, красиво, оригинально, но жить здесь?! Это чересчур.

Невольно Дон опять вернулся мыслями к Джейн. Позвонить ей? Он достал телефон, но почему-то не мог заставить себя набрать знакомый номер и, досадуя, убрал его обратно.

Пройдя по очередной глухой аллее между двумя рядами туй,

он повернул налево, откуда раздавались невнятные голоса, и замер. Внизу расстилалось озерцо, стлался туман, и на мелкой ряби покачивался черный парусник. Дон потряс головой — нет, не показалось. Черный парусник на волнах. Он опустил глаза и увидел живописную компанию, которую сразу и не заметил: дамы с кружевными зонтиками и в кринолинах, мужчина, внимательно рассматривающий парусник в подзорную трубу. Все это старательно переносил на мольберт стоящий справа человек.

Иллюзия была настолько полной, что Дон не сразу сообразил, что это тоже скульптуры. Даже когда он спустился к набережной и живописные незнакомцы оказались на расстоянии вытянутой руки, они по-прежнему казались живыми. Просто почему-то решили застыть, как в детской игре «Море волнуется». Он стоял в картине. В одной из тех картин, в которых так хотел поселиться. Так вот что имели в виду его друзья!

Зачарованный, он побрел по дорожке вдоль озера. Слева открылась поляна посреди рощицы. Обнаженная натурщица и художники застыли при его приближении. «Завтрак на траве». Казалось, он застал их врасплох и им не терпится дождаться, когда он уйдет.

Нет, ему было решительно необходимо поделиться всем этим с Джейн. Он вытащил мобильник, позвонил, едва дождался, когда она возьмет трубку, и начал сбивчиво рассказывать:

— Джейн, милая, ты не представляешь себе! Это мир импрессионистов! Как будто моя мечта стала явью! Я обязательно привезу тебя сюда!

— Подожди, — внезапно сказала она чужим голосом. В трубке раздавались отдаленные голоса, как будто веселилась шумная компания, потом звон и чей-то испуганный вскрик. — Дон, ты слышишь меня? Я сейчас не могу разговаривать, я позвоню сама.

— А когда? — спросил он поспешно, но она уже повесила трубку.

Дон оглянулся с досадой — по-прежнему ни одной живой души кругом — и двинулся дальше по дорожке. Вскоре она вывела его к мостику через протоку. Парочка сидела на скамейке, лодка их с небрежно брошенными веслами была привязана внизу. Девушка в длинном полосатом платье и усатый юноша в матросском костюме. Завидев Дона, они, как и все предыдущие, замерли. Юноша шептал девушке что-то на ушко, с насмешкой поглядывая на пришельца. Дон, конечно же, узнал и эту картину. Почему-то ему стало жутковато.

Он побрел дальше по тропинке через лес. Тут было совсем темно. Наконец Дон с облегчением увидел впереди просвет.

Ускорив шаг, он различил полотняный навес, судя по всему, на берегу того же озера. «Пора выбираться отсюда, а я выхожу все время в то же место», — с досадой подумал он. Это импрессионистское пространство определенно начинало действовать ему на нервы, и, поколебавшись, он решил все же позвонить Джейн еще раз.

В трубке раздался первый гудок. И вдруг совсем рядом грянул телефонный звонок. Не мелодия, а просто звонок, теперь такое редко услышишь. Но именно такой звонок был у Джейн. Дон неожиданно понял, что боится ответа, и поспешно захлопнул телефон. Звонок неподалеку тоже смолк.

Дон стряхнул оцепенение и понял, что стоит, уставившись на табличку перед входом под навес: «Завтрак гребцов. А Вы приглашены сюда?» Он уже понимал, что увидит внутри, но не смог удержаться и вошел внутрь.

Его окружали герои «Завтрака гребцов». Замершие, покорные его воле. Но Дон смотрел только на Джейн. В шляпке с красными маками, в темном платье, она капризно тянулась поцеловать маленькую собачку. Она не смотрела на Дона. Она была слишком сосредоточена, слишком погружена в свое занятие. Надо же, подумал Дон, как будто всегда тут сидит… Он осторожно двигался вокруг живописной группы, чувствуя, что опасается повернуться к ним спиной.

Он знал эту картину наизусть, до последнего бокала, стоящего на столе. И один предмет был тут лишним. На столе, среди бутылок и тарелок с фруктами, лежал мобильный телефон. Неприметная «раскладушка», как у многих. Как у Джейн.

Холодея, он взял чужой телефон в руки. На нем светился неотвеченный звонок. Дон бросил телефон обратно на стол, словно обжегшись. На какое-то мгновение его охватил соблазн позвонить Джейн. Но он понимал, что не решится.

Она всегда появлялась вечером. А Парк работает до восьми… Бред, не бывает. Молчание сгущалось вокруг него. Ему показалось, что статуи устали стоять недвижно и вот-вот проявят нетерпение. Гребец в майке-безрукавке смотрел на него в упор, моряк в полосатой фуфайке готов был привстать из-за стола.

Неожиданно пробившийся из-за туч солнечный луч мазнул по неподвижным лицам. Дон замер. Ему показалось, что они шевельнулись… что чуть-чуть блеснули вдруг в его сторону карие глаза Джейн. Как бы спрашивая: хочешь остаться с нами? Навсегда?

Медленно-медленно пятясь, стараясь не делать резких движений, Дон выбрался из-под навеса. Но легче не стало. Перед ним маячил выгнутый дугой мостик, с цветущими под ним

кувшинками. Над прудом полз туман. С маленькой полянки манила Купальщица. На посеревшем от времени деревянном столбике криво приколоченный указатель сообщал: «Ресторан у Крысы».

Бежать — мелькнула мысль, и сразу другая: нет, нельзя. Дон шел быстро, с трудом сдерживая шаг. Новые и новые картины открывались перед ним — и все это он уже сегодня видел. Вот горка, поросшая маками. Дама с зонтиком, кажется, стояла не здесь. Юная леди в кринолине и игравшая подле нее девочка удивленно проследили за ним глазами.

Опять померещились человеческие голоса. Дон остановился, прислушался. Никого. Наверное, ветер в кронах. Внезапно издалека донесся хриплый, отчаянный вопль и оборвался. Господи, да что же это такое, подумал он. Валяют дурака или зовут на помощь?

Дон крутился в этом наваждении и снова и снова оказывался среди тех же скульптур. Снова и снова он возвращался к навесу, за которым терпеливо ждала его Джейн. Похоже, выхода отсюда не было.

«Погоди, остановись. Подумай!» — приказал он себе и в тот же момент увидел в плотной живой изгороди калитку. Срывая ногти, он отодвинул приржавевший засов и вошел внутрь. Лабиринт, образованный тесно растущими туями, ненамного веселее, но хоть куда-то он ведет?

Да, создатели Парка были большими любителями шуток. За третьим поворотом Дон увидел кого-то, стремительно идущего навстречу. Вот сюда они меня и заманивали, вспыхнула в голове паническая мысль, и в этот момент кто-то дернул его за ногу, и он упал ничком в мокрую хвойную подстилку.

* * *

Когда Дон обреченно поднял голову и увидел, что перед ним всего-навсего зеркало, у него даже не было сил порадоваться. Он тяжело поднялся, пнул корень, за который зацепился ногой, и, прихрамывая, пошел вперед.

Ему было уже все равно. Небо окончательно почернело, и молнии разрывали ткань облаков над самой его головой. Саднили ладони, все сильнее болела нога, но тут лабиринт вдруг сжалился, выпустил его на лужайку с огромной абстрактной скульптурой, составленной из причудливых букв. Дон пригляделся. Буквы складывались в слова: «Бойся найти мечту».

И снова раздался тот же нечеловеческий вопль, но уже совсем

близко. Дон в ужасе дернулся и повернулся.

Павлин. Огромный драный павлин смотрел на него скосив глаз и был возмутительно, великолепно живым. Дон без сил опустился на гранитную скамейку и с благодарностью смотрел на неряшливую птицу, как она роет лапой землю и утробно ворчит, и бредет вперевалочку, волоча по земле растрепанный хвост. Он поднял голову. Впереди виднелась стоянка и его сиротливая машина.

Проезжая мимо павильона, он успел заметить, как за огромными окнами стоят десятки скульптур. Полуодетые, не совсем законченные, но уже вполне живые, они тянули к нему руки. Он резко нажал на газ.

Дон гнал несчастный «крайслер» по какой-то мелкой дороге к хайвею. Стоящие вдоль дорога скульптуры щетинились вслед. Но сейчас ему было не до искусства.

Наконец хлынул ливень, за его ревом не слышно было двигателя, и дворники едва успевали разгребать воду с ветрового стекла. Дон напряженно всматривался в огоньки впереди, притормаживал, чтобы разглядеть указатели на дороге. Однако не это его волновало. Джейн! Он был взрослым и рациональным человеком, но когда думал о Джейн, его мысли начинались путаться. Этот мобильник на столе, и ее упорное молчание, когда он заговаривал о ее работе, и свидания только после девяти вечера… Неужели он сходит с ума? Или он так страстно хотел встретить девушку, похожую на Девушку с Собачкой, что статуя в Парке теперь оживает и приходит к нему на свидания? Но так же не бывает!

Конечно не бывает. Но при одном воспоминании о Парке, о сверкнувших на него глазах Джейн, он чувствовал, как опять, с самого дна души, поднимается липкая волна ужаса.

Скоро просветлело. Дождь прекратился, солнце вспыхнуло за спиной, и в зеркальце Дон увидел полосу ослепительно синего неба. Почти перед самым съездом в Тоннель он вдруг почувствовал, что жутко голоден. Добавьте сюда нервную дрожь, которая его не отпускала всю дорогу. Словом, ощущения мерзостные. Дон съехал с хайвея, следуя указателям, которые привели его в «Эпплбиз». Конечно, как истинный житель Манхэттена, он презирал сетевые рестораны. Но сейчас ему срочно требовалось побыть среди людей, выпить кофе и успокоиться.

Дон сел за столик у окошка и принялся нервно перебирать бутылочки с кетчупом, горчицей и прочими приправами. Чья-то рука, наверное официантки, поставила перед ним пустую чашку. Женский голос спросил:

— Кофе? Чай?

— Кофе.

Дон терпеть не мог кофе «из ведра», но сейчас ему было все равно что пить.

— Ваша официантка сейчас подойдет. — И дама удалилась, оставив ему меню. Он даже не взглянул на нее.

В ожидании официантки Дон успел опустошить кружку.

— Вы готовы заказывать? О! Еще кофе? — Видимо, уже официантка. Ее голос показался ему знакомым. Впрочем, он уже ни в чем не был уверен. Чья-то тонкая рука с кофейником вновь принялась наполнять его кружку. Он поднял глаза…

— Джейн?! — он почти закричал.

Повернулись любопытные головы. Кофе полился на клетчатую скатерть. Джейн дернулась, как будто хотела убежать. Потом остановилась.

Сейчас она не выглядела как Девушка с Собачкой. На ней была темная прямая юбка и белая блузка. Обычная форма официантки. Причем страшно испуганной официантки. Она держала в дрожащей руке кофейник и робко поглядывала на Дона. Похоже, была готова заплакать от страха. Или от чего-то другого? Этого Дон пока не понимал. Он вообще ничего не понимал.

— Джейн? Что ты здесь делаешь?

— Я… здесь… — Она покраснела до корней волос, она покраснела до слез. — Я здесь… — И совсем тихо: — Работаю.

— А где твой мобильник?

Да, конечно, ничего глупее он спросить не мог, даже если бы очень постарался.

Джейн взглянула удивленно, но достала из кармашка фартука мобильник.

— Извини, я пропустила твой звонок, тут сумасшедший дом во время ланча, — она говорила очень тихо, опустив глаза.

— А почему ты никогда не говорила мне, что здесь работаешь? — Дон пытался собрать мысли в кучу.

— Я… боялась тебе сказать, — сбивчиво бормотала Джейн. — Я очень боялась, что ты не захочешь меня видеть. Мы всегда говорили о книгах, о картинах… а я просто официантка… из Мичигана приехала… Ты же никогда не обращал на меня внимания!

Нарушив все правила, Джейн присела на скамейку напротив. Ее глаза были полны слез и страха. И вдруг Дон понял, что она просто до ужаса боится его потерять.

— Боже мой, какая же ты глупая девочка. Неужели ты думаешь, для меня важно, где ты работаешь? — Дон был

растроган. И одновременно чувствовал легкость, легкость, легкость! Все, случившееся в Парке, теперь казалось бредом. Просто разыгралось воображение. — Когда это я не обращал на тебя внимания?

— А вот тогда, в «Данте». Я сидела под картиной, а ты на нее всегда смотрел. А на меня не смотрел. — Джейн не удержалась и всхлипнула.

К ним уже направлялась старшая официантка. Дон успокаивающе махнул рукой, мол, все в порядке. Девушка улыбнулась, кивнула и вернулась на свое место.

— И тогда я решила, — Джейн продолжала безудержно каяться, — что тебе нравятся такие, как на картине. А я шью и вяжу… я вообще-то дизайнером одежды хотела стать. А потом запуталась… И сказать тебе боялась. Дизайнер, а работает официанткой…

— Ну какая же ты еще наивная дурочка. — Дон протянул ей салфетку. — Да половина Деревни работает грузчиками и официантами. И при этом собирается стать великими музыкантами или живописцами. Ну, все в порядке? Ты больше не будешь бояться?

— Не-е-ет! — И в подтверждение Джейн с облегчением высморкалась в салфетку.

— А сейчас мы сделаем вот что. Я поговорю с менеджером, чтобы он тебя отпустил. А ты пока сбегай переоденься, и мы поедем с тобой — знаешь куда? — в Парк! Посмотри, какое на улице солнце!

— Подожди минутку… дай мне прийти в себя. — Джейн уже улыбалась сквозь слезы.

Дон кивнул. Он понимал, что это значит — когда приходишь в себя. Может, и он когда-нибудь расскажет ей про свой страх. Потом, не сегодня.

Как купить хороший кофе в Деревне

В тот вечер они долго гуляли по Деревне. Просто брели, взявшись за руки, понемногу привыкая к исчезновению тайны. Дон глазел по сторонам, указывал Джейн то на смешной домик, зажатый с двух сторон меблированными многоэтажками, то на основание дурацкого фонаря, еще со времен Великой депрессии покрытое причудливой мозаикой из битых бутылок. Джейн смеялась, оттаивала, доверительно сжимала его руку. Ни за какие блага на свете Дон не признался бы себе, что за их простодушным весельем кроется горечь

разочарования. Тайна ушла, и как бы ни был долог и красив их роман в будущем, наверное, именно сегодня они положили ему конец. Все стало проще и обыденнее вокруг. А как хотелось чуда!

Возможно, именно поэтому Дон решил пригласить Джейн выпить у него в студии кофе — предложение, как ни крути, недвусмысленное. Но она сразу согласилась. Только уточнила:

— Эспрессо?

— Эспрессо лучше пить в «Данте». А я угощу тебя просто кофе без всяких изысков. Без кардамона, корицы или черного перца. Только вода, старая луженая джезва и кофе, но очень хороший кофе. Самый лучший. — Он невольно улыбнулся. И с чего ему показалось, что их отношения уже перевалили через зенит? Все еще только начинается!

— Вот магазин, давай купим зерен, — Джейн указывала на большой магазин. В Деревне тоже есть безликие супермаркеты, залитые ярким мертвым светом, но Дон старался заходить туда как можно реже.

— Нет, хороший кофе надо покупать совсем в другом месте.

И, подхватив Джейн под руку, Дон потащил ее чередой непрямых улиц туда, где на площади крутился огромный куб.

— Куда ты меня ведешь? — Джейн едва поспевала за ним.

— Ты не понимаешь? Я веду тебя на запах!

И правда, запах кофе становился все гуще. Он витал над разноликими домами, над шумной толпой. Он перешибал даже бензиновую вонь.

— Что это? Что это? — Джейн ускоряла шаги, она уже сама стремилась туда, где маленькая площадь свивается пятью углами, чтобы вновь разбежаться лабиринтом улиц.

И, словно не веря своим глазам, Джейн застыла перед распашными, стеклянными с бронзой дверьми. «Пуэрториканский кофе», — сообщала витиеватая надпись, старомодная, как и сами двери.

Золотой свет внутри ласкал ряды огромных джутовых мешков, небрежно распоротых по верхнему шву. Кофейные зерна, такие разные: черные, коричневые, едва тронутые загаром, маслянистые, сухие. Джейн медленно, как потерянная, брела вдоль рядов, читая

непривычные, слишком длинные названия. Погружала руки в зерна, пересыпала их с ладони в ладонь. Время, казалось, остановилось. И запах, одуряющий запах кофе — он был такой густой, что его можно было есть ложкой, как сметану.

Дон знал эффект этого магазина. Посетители двигались медленно, словно бы преодолевая вязкий кисель тропической лени, бог весть как поселившейся в центре огромного северного города. Стихали голоса, звуки приглушались. Только слышался неумолчный звон кофейных зерен, которые развеселый испанец щедро сыпал на огромные чаши допотопных весов.

— Ты знаешь, какой кофе выбрать? Тут, наверное, сто сортов! — Джейн все не могла оторваться от мешка со смуглым «гигантским марагоджипи», пересыпая его, зарываясь в него кистями.

— Не сто, а гораздо больше! — Дон снисходительно усмехнулся. — Вот этот, пожалуй, и возьмем. — Он взвесил на ладони пару огромных зерен и вернул их в мешок.

Они медленно двигались вместе с небольшой терпеливой очередью.

— Ну что, покупаем марагоджипи и едем домой? — раздался за спиной Дона резкий женский голос. — Боюсь, мы и так простоим в Тоннеле.

«Ньюджерсийцы», — автоматически подумал Дон без всякого интереса.

— Ты не забыл, что мы пригласили нынче к обеду Двайеров? — меж тем продолжала дама с веселым смешком. — Нам еще надо успеть принять приличный вид.

— Надеюсь, ты не собираешься поить Двайеров марагоджипи, дорогая? Они, пожалуй, испугаются. — Голос ее спутника тоже был ироничный. — А то и вовсе издохнут в страшных корчах с непривычки.

— Ну, Джером, ты что? Двайеры пьют только растворимую бурду. Этот кофе только для нас. — В голосе женщины явственно зазвучала нежность.

— Ну да. Сколько лет прошло с тех пор, как мы с тобой познакомились в этом самом магазине?

— Не смей напоминать мне о моем возрасте!

Дон и Джейн, все это время старательно прислушивавшаяся к разговору за спиной, осторожно оглянулись. Старые хиппи. Тела как у молодых, но по

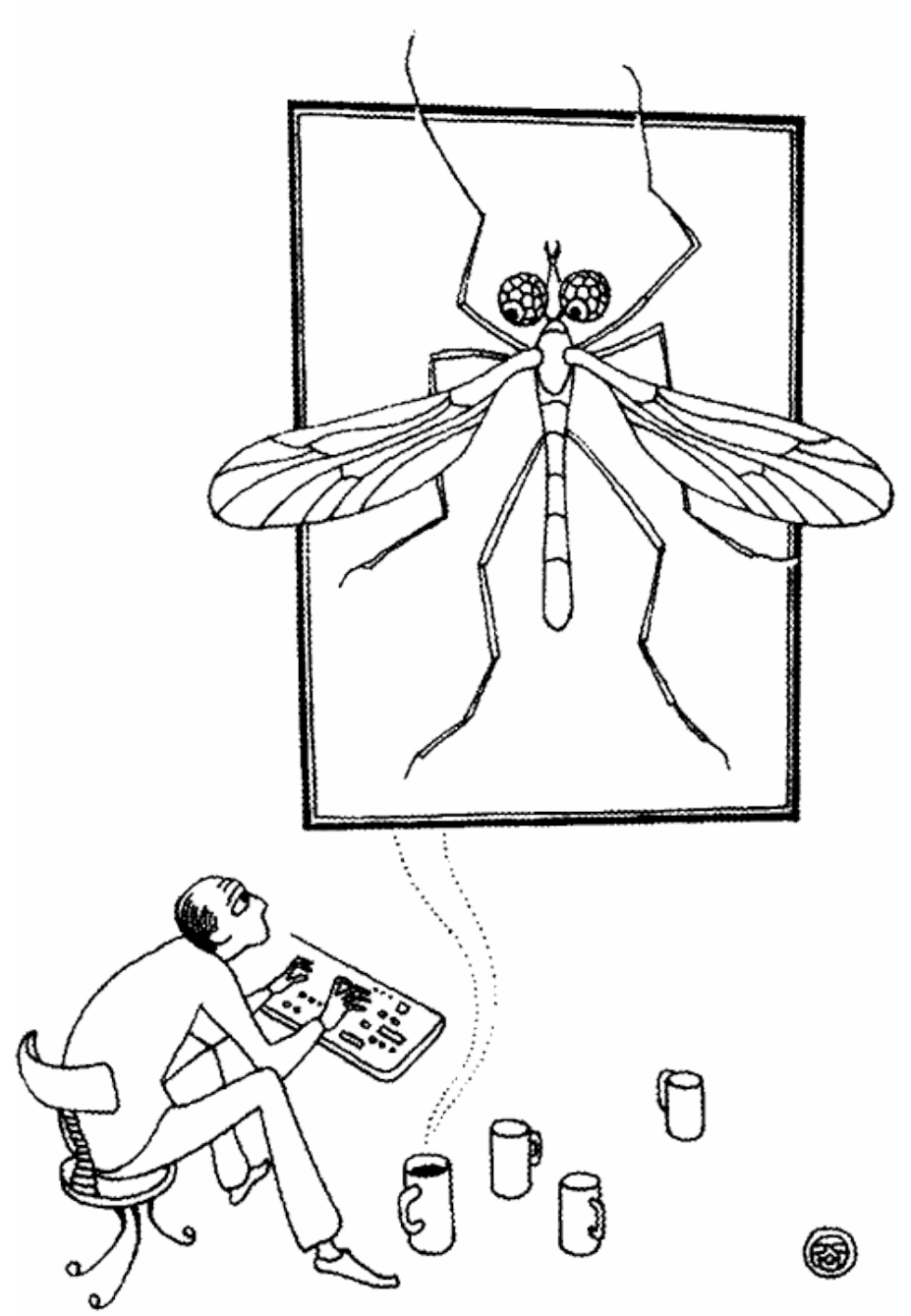
ясным усталым глазам видно, что обоим уже около пятидесяти. Он — с седеющим конским хвостом, в джинсах и в черной футболке с надписью «Звонили из твоей деревни. У них пропал идиот». Она — в длинной юбке психоделической расцветки, в блузке, небрежно стянутой узлом на плоском животе.

— А Деревня все-таки меняется, — грустно сказал мужчина, обводя взглядом толпу в магазине.

Женщина встретилась глазами с Доном, едва заметно улыбнулась.

— В чем-то Деревня остается прежней. Правда, детка? — И она подмигнула Джейн, словно у них теперь появился общий секрет.

Рой Аксенов



Горящий проект

Ялдаваоф допил кофе и вздохнул; время было идти за следующей кружкой. Ялдаваоф приподнялся с кресла, но вдруг обессилел и упал обратно. «Дьявол, как мне все надоело», — подумал он.

Сигарет не было.

Громыхнула дверь, и в кабинет ворвался представитель заказчика.

— Ну как тут у вас? — Брови представителя сочились тонкими энергиями, а ноздри слегка раздувались.

— Да все в порядке, — сказал Ялдаваоф, — к субботе будет готово. Вот, смотрите…

Представитель бросил один взгляд на планетарный конструктор и нахмурился:

— Вы что, еще даже за жизнь не брались? Четверг уже!

— Ну почему не брался… Да не беспокойтесь вы, не в первый же раз, у нас все отработано.

— Смотрите, Ялдаваоф, в случае чего я с вас шкуру спущу. Вы мне неустойку по контракту до тепловой смерти мультиверсума выплачивать будете. — Представитель заказчика метнул в Ялдаваофа предупредительную молнию и удалился.

Ялдаваоф вздохнул еще раз, запустил молекулярный композитор и сделал копию генома плодовой мушки.

Вставил из клипборда пару на скорую руку сляпанных надкрыльев и стал думать, что делать с глазами.

— Ялдик, а оно у тебя летает? — раздался из-за спины знакомый голос.

— Нет.

— А зачем ему тогда крылья?

— Господи, шеф! Проект горит! Если я буду все подчищать!.. Пусть будут крылья. Спецам соответствует, и ладно. Может, оно ими противоположный пол подманивать будет. Для спаривания.

— Ты что, опять сделал половое размножение?!

— Да что сразу я! Заказчик просит!

— А, дьявол. Как я не уследил? Ну да ладно… Только, я тебя умоляю, больше не делай задницу органом слуха. И лучше без пения ногами. Не надо этого, не надо. Сроки сроками, а совесть терять нельзя.

Ялдаваоф только пожал плечами. Крылья он адаптировал из жабр.

* * *

Без двадцати двенадцать Ялдаваоф выключил терминал,

обесточил все оборудование и стал собираться домой. Куртка никак не желала надеваться, мысли были вялые и вязкие. «У меня жена дома неоттраханная, а я тут сижу как дурак… чертовски хочется жрать, пельмешек бы сейчас… две недели жирафа своего не трогал — такой замечательный жираф! — а кому он на фиг нужен? с такой шеей? А, черт бы все побрал».

За окном было темно и вьюжно.

* * *

Ялдаваоф вел стандартную ознакомительную экскурсию для двух свежевыпеченных приматов. В парадном костюме было жарко и неудобно, приматы раздражали мутными взглядами и бессмысленным выражением рож, неприятно напоминая Ялдаваофу его собственный лик в минуты особо тяжкого бодуна.

— …в общем, вот такие дела, — хмуро закончил лекцию Ялдик. — Да, не жрите вон те фиги. С фигами какая-то фигня получилась, в них лизергиновой кислоты столько, что два сонма ангелов можно прямиком в нирвану отправить.

Приматы гнусно переглянулись.

Ялдаваоф мысленно застонал и заранее попрощался с деловой репутацией. Приглядывать за прямоходящими ему было недосуг — впереди были подписание акта приемки-сдачи и банкет…

Кофе по-программистски

Две чайные ложки кофе с большой горкой на кружку средних размеров, залить крутым кипятком, яростно взболтать, пить залпом, без сахара, молока и прочей девчачьей чуши.

Если у вас нет горячей воды и взять ее негде, не беда. Тогда можно приготовить кофе по-настоящепрограммистски.

Характерными движениями челюсти, щек и языка набрать полный рот слююююнееей. Сунуть в рот чайную ложку молотого кофе. Сморщиться. Пережевывать. Издавать ужасные вопли. Умереть в мучениях.

Юлия Бурмистрова

Виргиния Министрова и намеки

У Виргинии Министровой был один недостаток.

Она совершенно не понимала намеки.

Бывало, сходит с приятным мужчиной погулять или в ресторан.

А он ее потом до дома провожает.

— Может, я поднимусь на чашечку кофе? — спрашивал мужчина.

— Ой, а у меня совсем нет кофе, и чай закончился утром, — отвечала Виргиния. — Давайте в следующий раз.

Но больше мужчину она не видела.

Зато в следующий раз, гуляя с другим мужчиной, она вспомнила, что дома опять нет кофе, вернее, его всегда нет, потому что она его не пьет.

— А давайте перед тем, как вы меня проводите, зайдем куда-нибудь выпить кофе, — говорила Виргиния. — А то вы потом захотите попить, а у меня дома нет кофе.

Но мужчина почему-то не пошел ее провожать.

А один раз Виргиния все-таки купила кофе, чтобы он был дома, специально для таких случаев.

Но когда они с мужчиной подошли к подъезду, она увидела объявление, что отключили воду.

— Вы знаете, — сказала Виргиния своему спутнику, — у меня есть кофе, но вот — на три дня отключили воду. Может, вы возьмете кофе с собой, мне совсем не жалко, я все равно его не пью.

Крошечный пирог к кофе

Виргиния Министрова не разбиралась в напитках, зато она многое понимала во всевозможных сладостях и готовила их сама. Больше всего Виргиния любила крошечный яблочный пирог, то есть пирог из крошек и яблок.

Этот рецепт Виргиния придумала случайно. Как-то раз, желая испечь другой свой любимый пирог, она подготовила необходимые ингредиенты для теста, но в процессе готовки засмотрелась на происходящее за окном. Надо сказать, что Виргиния любила готовить на подоконнике при открытом окне. Потому что была уверена, что солнце, ветер, пенье птиц, запах цветов — самые необходимые приправы для любой еды. Виргиния

и не заметила, как положила в миску, где собиралась приготовить тесто, не то и не в том количестве. Она стала месить тесто, а когда посмотрела на результат, была крайне удивлена.

Вместо плотного, упругого теста, в миске была огромная гора крошек.

— Ох, как же так получилось? Зачем мне столько крошек и как я теперь приготовлю пирог? — воскликнула Виргиния и попробовала одну крошку. — Надо скормить крошки птицам. Я испеку крошки и пойду на центральную площадь.

Виргиния Министрова достала противень и стала выкладывать на него крошки, но тут она заметила натертые яблоки, стоявшие на подоконнике.

— А почему бы не сделать крошки с яблоками? Правда, я не знаю, любят ли птицы яблоки.

Рассуждая сама с собой о том, что любят птицы, она не заметила, как выложила все натертые яблоки на крошки и засыпала их оставшимися. Поставив в духовку противень, стала ждать.

Через сорок минут Виргиния Министрова достала из духовки самый вкусный пирог, который она только умела готовить. Яблоки пропитали своим соком нижние крошки, а верхние зарумянились и дразнили ее своим ароматом.

Надо сказать, что Виргиния выполнила свое обещание и поделилась с птицами новым пирогом. Она еще много раз готовила его в надежде однажды подать кому-нибудь к кофе, который теперь всегда был у нее дома.

— Вы знаете, — говорила она мужчине, который провожал ее домой, — у меня дома теперь всегда есть кофе, и если вдруг не будет воды или газа, то я вас всегда угощу замечательным крошечным пирогом.

Но мужчины почему-то отказывались.

Наверное, они отказываются, думая, что крошечный пирог — это очень маленький пирог и его не хватит на двоих, размышляла Виргиния, какие же они все-таки добрые и хорошие, эти мужчины.

Рецепт крошечного пирога от Виргинии Министровой

Взять:

1. Три стакана муки.
2. Столовую ложку разрыхлителя.
3. Стакан сахара + маленькую щепотку соли.
4. Три желтка.
5. 300 граммов сливочного масла.
6. Пять яблок.
7. Ваниль и корицу — по желанию.

Действия:

1. Муку высыпать в миску и хорошо перемешать с разрыхлителем.

2. Все остальное вместе положить в миску в таком порядке — сверху высыпать сахар, чуть соли, желтки и мягкое масло.

3. Перетирать руками. Именно перетирать, не бойтесь, что масло измажет руки, — если окунуть их подальше в муку, то руки не испачкаются в масле, через десять минут будет полная миска крошек.

4. Натереть яблоки.

5. Выложить на противень три четверти крошек, сверху выложить яблоки и засыпать оставшимися крошками. Противень, конечно, предварительно смазать жиром и присыпать мукой или сухариками.

6. Отправить это все в духовку, и через тридцать — сорок минут крошечный пирог готов!

Ольга Зильбербург

Deus ex coffeemachina

Утром мистер Казанзакис, владелец пансиона, встретил нас с Федей в гостиной, которую нам необходимо было миновать, чтобы попасть на улицу. Он сидел за стойкой бара, заменяющей ему письменный стол, и смотрел какую-то музыкальную передачу но местному телевидению. Увидев нас, он сразу же заулыбался, сбавил звук и жестом пригласил нас присесть за один из столиков, стоявших вдоль бара. «Нет-нет, — не сговариваясь, замотали мы головами, — не отвлекайтесь, не беспокойтесь, мы собираемся позавтракать в городе». Впрочем, спорить было бесполезно: мистер Казанзакис отказывался нас понимать.

— Greek coffee or «Nescafe?»[5] — спросил он в ответ на все наши жесты.

Мы с Федей растерянно посмотрели друг на друга, но по Фединому лицу было непонятно, устраивает ли его вариант с кофе или же он хочет все-таки настоять и как можно быстрее выйти на улицу, осмотреться в этом маленьком горном городке. Лично я предпочитаю не завтракать в отелях, так как еда в городе всегда выглядит более аппетитно. Но объяснить это Феде я еще не успела, а лицо мое оказалось недостаточно выразительным, и в результате мы одновременно дали мистеру Казанзакису противоположные ответы: «Nothing, thanks»[6], — сказала я, и «Greek coffee, please»[7], — попросил он. Наш хозяин, конечно же, ничего не понял и для пущей ясности вытащил из-под стола банку растворимого кофе и блестящую пузатую турку.

— Greek coffee or «Nescafe»? — повторил он и на всякий случай разъяснил: — Greek coffee is strong. Very strong. I drink «Nescafe»[8].

— Greek coffee[9], — уверенно сказал Федя, усаживаясь за стойку бара.

Я хмыкнула. Ни тот, ни другой напиток не вызывал у меня особого энтузиазма. Кофе на пустой желудок это вообще не мой стиль.

— Не говори мне, что ты пьешь эту жуткую химическую бурду! — ужаснулся мой муж.

— Не говорю, не говорю!

Мистер Казанзакис приступил к делу: запустил кофемолку, включил конфорку электрической плитки, набрал в турку воды из-под крана, поставил все это дело кипятиться. Мы с Федей внимательно наблюдали за его действиями. Когда процесс был поставлен на самотек, мистер Казанзакис сел на свой высокий стул и повернулся к нам, широко разведя перед собой руки и тем самым приглашая нас к дружеской беседе.

— How long?[10] — спросил он, указывая на наши кольца.

— Three days[11], — гордо ответил Федя, показывая для

пущей солидности количество дней на пальцах. Он явно наслаждался духом авантюры, скрывающимся за этими словами.

Мистера Казанзакиса Федины слова, конечно же, развеселили.

— Three days? — переспросил он, выставляя вперед три свои пальца. — Three days? Ha-ha-ha!

Покопавшись в бумагах, громоздящихся в другом конце стойки бара, он вытащил глянцевую брошюру пансионата и указал нам на фотографию женщины на обложке:

— Wife. Thirty nine years. Three — nine![12] — тоже, как Федя, показал он на пальцах.

Мы дружно восхитились. «Oh wow, — сказали мы. — Too long!»[13] Мистер Казанзакис сиял от гордости.

— How did you meet?[14] — спросил Федя.

— I was eighteen, one — eight[15], — ответил наш хозяин, не совсем поняв вопрос.

— Yes, but how? What did you do?[16]

— A! I went to study to Crete, and she was living there…[17] — Он пустился в рассказ, из которого мы поняли только, что миссис Казанзакис довольно долго не хотела становиться миссис Казанзакис и почему-то не хотела покидать Крит.

Тут вскипел наш кофе, и мистер Казанзакис разлил его по чашкам, поставил на стол банку с сахаром и еще какое-то печенье: «Very tasty! Made here»[18], — и сел опять, смотреть, как мы едим и пьем. Кофе был наподобие турецкого, крепкий и густой, наполовину состоящий из крупнозернистой жижи. Собственно, этого я и ожидала, а чего ожидал Федя, я понятия не имею. Он вбухал в свою чашечку ложки четыре сахара, но выпить даже жидкость так и не смог. Я же тем временем как следует распробовала печенье, которое оказалось не слишком сладким, но очень свежим и рассыпчатым — песочное, с каким-то цитрусовым привкусом, — ну и кофе тоже похлебала.

— Like it?[19] — поинтересовался наш хозяин.

— Yes, yes, very much! Thank you.[20]

* * *

Вся эта история — с Федей, с замужеством, с поездкой на греческий остров — была сплошной авантюрой, построенной на дурацком совпадении. Мы встретились с Федей в офисе турагента, куда пришли выкупать билеты. Народу было много, и мы разговорились, сидя в приемной. Оказалось, что мы оба летим на тот же самый остров, на те же самые десять дней и что

комнаты у нас заказаны в одном и том же пансионе.

— Вот что получается, когда попадаешь к одному и тому же агенту. Стандартизированный отдых на любой вкус! — весело сказал мой новый знакомый. И поинтересовался: — А почему одна?

Я ему рассказала о своей работе, о решении, что так работать больше нельзя, о необходимости смены мест и впечатлений и все такое. О разводе тогда не сказала, но сказала несколько позже, когда, получив свои новенькие билеты на соседние места в самолете — его у окна, мое у прохода, — мы пошли пить кофе в ближайшее кафе. А Федя изначально собирался в Грецию по работе, он был каким-то инженером и что-то там должен был делать, но поездка не состоялась, а дни свободные были. В общем, мы нашли много схожего в наших историях и, слово за слово, успели рассказать друг другу о себе все.

Обычно я довольно медленно схожусь с незнакомыми людьми, а тут с самого начала, чуть ли не с первого взгляда, меня не оставляло чувство, что я Федю давно и хорошо откуда-то знаю, как будто он — мой брат-близнец, с которым мы с детства разлучены. Или же, что более вероятно, мы проучились десять лет в параллельных классах и потом в университете вместе лекции слушали. Не исключено, что мы действительно не раз сталкивались на улице или в окрестных ресторанах: работаем мы буквально в соседних домах. Попытавшись вспомнить все места, где мы могли когда-либо встретиться, мы полностью ввели друг друга в курс своей жизни. Но живем мы в разных районах, он на два года старше, заканчивали мы разные учебные заведения, так что, кроме турагентства, пока мы больше общих точек пересечения не нашли. При этом еще более удивительно, что у нас оказалось много общих интересов: зимой, например, он тоже ходил на выставку Айвазовского и даже альбом там купил — показывал. Да и во внешности у нас тоже много общего: оба смуглые, черноволосые. Как будто две половинки кофейного зернышка, напечатанного на салфетках кафе. Салфетки эти я успела подробно изучить, пока Федя ходил в туалет: на них была вкратце запечатлена легенда о происхождении напитка, что-то связанное с Эфиопией и танцующими козлами.

— В твоей семье, случайно, не водятся внебрачные дети? — глупо пошутил Федя, когда я поделилась с ним своим салфеточным наблюдением. И, чтобы исправиться, немедленно предложил: — Поехали сейчас ко мне!

Я уже чувствовала, что разговор наш, так или иначе, приведет к чему-то подобному, поэтому Федины слова меня скорее развесили, чем взволновали.

— Поехали! — уверенно ответила я. — Только не к тебе, а ко мне: мне завтра рано вставать.

Не то чтобы Федя меня совсем не волновал физически: любовник он и умелый, и пылкий, так что и в постели нам с самого начала было весело. Будоражило уже одно это веселье. Главное, у нас была какая-то общая энергия, мы заводили друг друга, подбивали друг друга на всё большие авантюры. Так, например, совершенно наобум и в шутку возникшая идея женитьбы нечаянно оказалась реализованной буквально в считанные дни.

Провели ночь вместе (то есть все тот же один длинный вечер, после разговора в кафе), а наутро — была пятница, мы оба на работу опаздывали — вдруг заговорили о женитьбе.

— У нас с тобой и так как будто свадебное путешествие получается! — болтал Федя, натягивая носки. — По вечерам мы будем гулять вдоль берега и рассматривать созвездия, днем — купаться вместе в море, а за завтраком — делиться впечатлениями.

— Ну так давай завтра же пойдем и распишемся, — пошутила я.

Оказалось, что у Феди лучший друг администратором ЗАГСа работает. Он и поженит, он же в один момент и разведет, хвастался Федя. Почему бы нет, сказала я. Сказала — и дело сделано.

* * *

— Волк! — диким голосом вопит Федя и увлекает меня куда-то в сторону от тропинки, вверх в гору. Но не тут-то было. Земля, которая со стороны выглядела неприступно-каменистой, плывет и крошится у нас под ногами. Кусты и трава, за которую мы пытаемся ухватиться, корней практически не имеют и вылезают из земли немедленно, как будто они в масло воткнуты. В общем, не пробежав и десяти метров, мы останавливаемся и переводим дух. За нами никто и не думает гнаться.

— Где ты видел волка? — догадываюсь я. — Какой тут может быть волк?

Федя смеется.

— А ты испугалась?

— Ничуть, — говорю я совершенно честно. Испугаться толком я не успела.

Мы стоим на горе и отряхиваемся, и тут вдруг Федя, который еще не успел отсмеяться, прямо подпрыгивает на месте: из-за

скалы прямо на нас мчится какой-то дикий зверь! С явным намерением нас забодать. Мы опять бросаемся вверх на ту же самую гору и с тем же успехом. Карабкаемся вверх уже на четвереньках и все равно обратно сползаем. А козел тем временем добегает до того места, где мы свернули с тропы, и там останавливается. Замирает, ждет нас. Деться-то нам некуда. Мы останавливаемся, оглядываемся. Пытаемся убежать от него вдоль по склону горы, но грунт и тут продолжает осыпаться, и нас все равно сносит вниз, к протоптанному месту. Наконец Федя останавливается и вооружается камнем.

— Ты чего? — я спрашиваю.

— А вдруг он бешеный? — говорит Федя, с подозрением косясь на козла, который сделал пару шагов за нами по тропе и все так же спокойно поджидает, когда мы к нему спустимся.

— А разве козы бывают бешеными?

— Но с этим явно что-то не так, посмотри на его морду!

Действительно, у козлика вид какой-то уж очень агрессивный. Пена у рта, морда как-то набекрень, да и весь он какой-то взъерошенный, не спокойный. Такое впечатление, что он как будто трясется. Но разве же для козлов это ненормально? Ни мне, ни Феде никогда до сих пор с козлами близко не приходилось сталкиваться. Удивительно вообще даже то, что мы оба называем его козлом. Только из-за «Легенд и мифов Древней Греции», наверное, а иначе он мог бы быть кем угодно, хоть овцой, хоть антилопой.

— Брысь! — говорит ему Федя и так аккуратненько камнем ему угрожает.

— Да ладно тебе с камнем-то. Ударишь — он обозлится и тогда уж точно укусит, — советую я Феде.

— Альтернативные предложения?

Но таковых у меня нет. А козлик не проявляет должного уважения и продолжает осадные действия. То есть стоит на месте и ничего не делает. На нас смотрит. Мы тоже стоим на месте, переглядываемся, потихоньку с горы сползаем.

— Брысь! — тоскливо повторяет Федя и бросает камень ему под ноги. Легонечко, чтобы не задеть случайно. Совсем не страшно. Козлик и не боится. И бородой не повел.

Постояли еще несколько минут, мы наверху, он внизу, и уже чувствуем, что начали привыкать друг к другу.

— Пойдем, — говорю я Феде, — что он нам сделает? Не стоять же нам тут целый год.

Спустились на тропинку медленно-медленно и пошли потихоньку дальше вдоль древнего кратера. Козлик сначала стоял на месте, провожал нас глазами, но как только мы уже подумали,

что инцидент исчерпан, тут он соскучился и двинул следом. Подбегает, принюхивается, потом опять отстает.

— Брысь! — пытается объяснить ему Федя и машет при этом руками.

Так и довел нас Брысь почти до самого городка. Там, между пологими уже холмами, речка какая-то струится, и козлик наш к ней попить спустился. Федя тоже за ним пошел, водицы испить. Военные действия — дело утомительное. Правда, я ему говорила, что не надо пить неизвестно какую воду, но, видимо, не слишком настойчиво. Он меня не послушал.

* * *

Много чего было в Греции. Как-то раз мы с Федей пошли гулять высоко в горы, к руинам храма Диониса. Сначала мы шли по сельскохозяйственной местности: виноградники чередовались с пастбищами и загонами для блеющих и постоянно ругающихся друг с другом коз и овец. В траве у обочины постоянно мелькали какие-то ящерицы. Виноградные лозы, заплетенные корзинками, ровными рядами стелились по земле. Они только что отцвели, и ягоды были еще совсем маленькими, не до конца сформировавшимися. Мы шли вдоль по шоссе, и время от времени мимо нас проезжали автомобили, мопеды — много мопедов, ослики с тележками. Через некоторое время дорога забрала резко вверх, и пути разделились: главное шоссе ушло вправо, петлять между холмами, а вверх, в гору, вела небольшая проселочная дорога.

— Мы живем в рациональный век, аполлоновский, — убеждал меня Федя, — когда с туристами не случается никаких неожиданностей. Наоборот, весь туристический бизнес построен на идее того, чтобы с людьми во время путешествий никогда ничего не случалось. Чтобы организовать себе приключение, в наше время надо очень хорошо постараться.

— Но разве мы с тобой не переживаем самое настоящее приключение? — возражала я. — Двое совершенно незнакомых людей, которые ни с того ни с сего решают пожениться и отправляются в свадебное путешествие на какой-то туманный греческий остров. Чем не роман?

— Дак что значит «совершенно незнакомые люди»? Мы всю жизнь прожили в одном и том же городе, ходили в одинаковые школы, общались с одними и теми же людьми. И пожениться-то мы решили так просто, что мы уже заранее все друг о друге знаем.

— Ты обобщаешь. Я вот, например, не могла себе представить, что ты в кофе кладешь четыре ложки сахара. По тебе никогда не скажешь, что ты такой сластена! Прелесть — в деталях…

— Да, но настоящее приключение строится не из деталей, оно отметает детали в сторону за ненужностью!

Дорога, по которой мы шли, вилась вверх серпантином и все время разветвлялась. Тут и там к склону горы лепились строения: усадьбы, частные хозяйства. Заговорившись, мы с Федей в какой-то момент пропустили поворот главной дороги и неожиданно оказались у порога чьего-то жилища. Небольшой кирпичный домик стоял в глубине сада, а прямо у дороги, за забором металлической сетки, паслись несколько коз и две лошадки. Животные стояли совсем близко к ограде, и мы подошли поближе, чтобы рассмотреть их. Они жевали сено с таким важным видом, как будто это было самым необходимым на свете занятием. Сена было много, но тем не менее время от времени они подходили друг к другу проверить, не вкуснее ли еда соседа.

Мы так увлеклись наблюдением за козами, что не заметили даже, когда к нам откуда-то из-за домика подошел мистер Казанзакис. И не успели удивиться: откуда он тут взялся?

— Good day! How are you?[21] — сказал он нам с широчайшей улыбкой. Мы улыбались ему в ответ с открытыми ртами, еще не вычистив из зубов все крупинки кофейных зерен, застрявшие там после традиционной утренней трапезы.

Путаясь в словах, мы объяснили ему, что нам нравится смотреть на животных, что для нас это большая редкость.

— You are goats?[22] — спросил Федю мистер Казанзакис, показывая рукой на своих коз.

— Что? What? — испугался Федя.

— Where you live, are goats?[23] — перефразировал свою мысль мистер Казанзакис после некоторого раздумья.

Мы покачали головами: нет, нету в Москве коз. Видимо, пожалев нас, мистер Казанзакис в очередной раз проявил бесконечность своего дружелюбия и пригласил нас к себе.

— Come, come, — сказал он, — let's have raki![24]

На этот раз мы уже даже и не думали отказываться и последовали за ним в обход домика на лужайку, где между старыми, развесистыми цитрусовыми деревьями стоял большой стол, обитый клеенкой, и несколько пластиковых стульев. Миссис Казанзакис сидела тут же и вышивала синие узоры на простыни из сероватой ткани. Мистер Казанзакис представил нас, усадил за стол и принес из дома бутылку виноградной настойки домашнего производства.

— Today we celebrate, — объяснил он, наливая раки мне и Феде. — Our daughter comes at six o'clock for vacation[25].

Оказалось, что их дочь работает в каком-то банке в Афинах, а сегодня прибывает домой на вечернем пароме, провести небольшой отпуск с родителями.

— I don't know why she wants vacation, — строго сказала миссис Казанзакис, не отрываясь от своего занятия. — Young people! This is busy time. A lot of work[26].

Они объяснили нам, что местные жители отдыхают обычно осенью или весной, когда погода еще хорошая, а туристы уже разъехались. Потому что вот, например, сейчас, чтобы встретить дочь, мистер Казанзакис должен был оставить пансион и приехать домой, чтобы тут все тоже подготовить — освободить комнату, приготовить постель — и захватить свою жену.

Мы с Федей сразу же забеспокоились: как это так, у наших хозяев много дел, а тут явились мы, и они, видимо, считают своей обязанностью нас развлекать. Мы сразу заторопились уходить, но миссис Казанзакис нас не поняла и пригласила с ними вместе пообедать.

— Так не бывает, — сказал мне тихо Федя. — Как-то все это подозрительно. Что им от нас надо?

* * *

Паромы заходят в гавань нашего острова дважды в день, утром и вечером. Утром они доставляют вчерашние газеты, бутылки с водой, строительные материалы, мороженое, увозят обратно на континент спелые помидоры и козий сыр. На вечерних паромах приезжают почта, бакалейные товары, туристы. Два раза в неделю в порту останавливаются большие круизные лайнеры, и тогда туристы на несколько часов наводняют весь остров, сметают все мороженое и воду, раскупают местные поделки из керамики и вышитые полотенца. Нам с Федей очень нравится выходить в порт после обеда встречать вечерний паром, наблюдать за тем, как он причаливает и разгружается. В плохую погоду это бывает непросто: порт открытый, ничем не защищен от ветров и сильных волн. Один раз кораблик трижды пытался подойти к причалу, и каждый раз его сносило, он выходил обратно в море, совершал там пару кругов, выжидая час-полтора в надежде, что ветер уляжется. Но не тут-то было — море в этот день никак не хотело успокаиваться, и, отчаявшись, кораблик поплыл дальше, так и не разгрузившись. Встречающие грустно разбрелись по домам под начинающимся дождем.

* * *

В последние дни нашего пребывания на острове Федя неожиданно заболел. То ли простудился, то ли отравился чем-то, мы так и не поняли. Его тошнило, и температура поднялась до 39 градусов. Он лежал в постели и жаловался на свою судьбу.

— Первый отпуск за два года, — стонал он, — неужели нельзя было заболеть в Москве, где все болеют, где можно было бы взять больничный! Что же это такое…

Я пыталась лечить его большим количеством чая с медом. Мед на острове был тоже местного производства, совершенно неповторимый на вкус. Я ела его за компанию и наслаждалась, а у Феди один только запах вызывал рвотный приступ.

— Такое чувство, что я наглотался булыжников, — пытался объяснить свои ощущения Федя, — и все они сидят у меня в животе и потихоньку там варятся.

Или не булыжники, а скорее копытное животное, которое враги запихнули в мой желудок, и оно, на последнем издыхании, пытается выбраться наружу копытами вперед.

Бедняга чуть не плакал от боли. Посоветовавшись с мистером Казанзакисом, я в конце концов решилась воспользоваться страховкой и вызвать к Феде врача. Врач тоже был каким-то давним приятелем или даже родственником нашего хозяина. Он пришел не слишком быстро, но в течение дня, пощупал Федин живот, заглянул ему в глаза, измерил температуру и почему-то давление, но тут мой муж заявил вдруг, что у него уже ничего не болит и вообще он чувствует себя вполне здоровым. Кажется, доктор ему не совсем поверил, но тем не менее добродушно посмеялся и прописал еще немного раки для улучшения пищеварения.

* * *

И только когда мы вернулись обратно в Москву и пришло время организовывать наш совместный быт, мой муж действительно превратился в самого настоящего козла, стал брыкаться, потерял дар человеческой речи. Впрочем, и для меня к тому времени он исчерпал свою полезность.

Мускатный кофе

Ингредиенты:
1 стакан охлажденного кофе

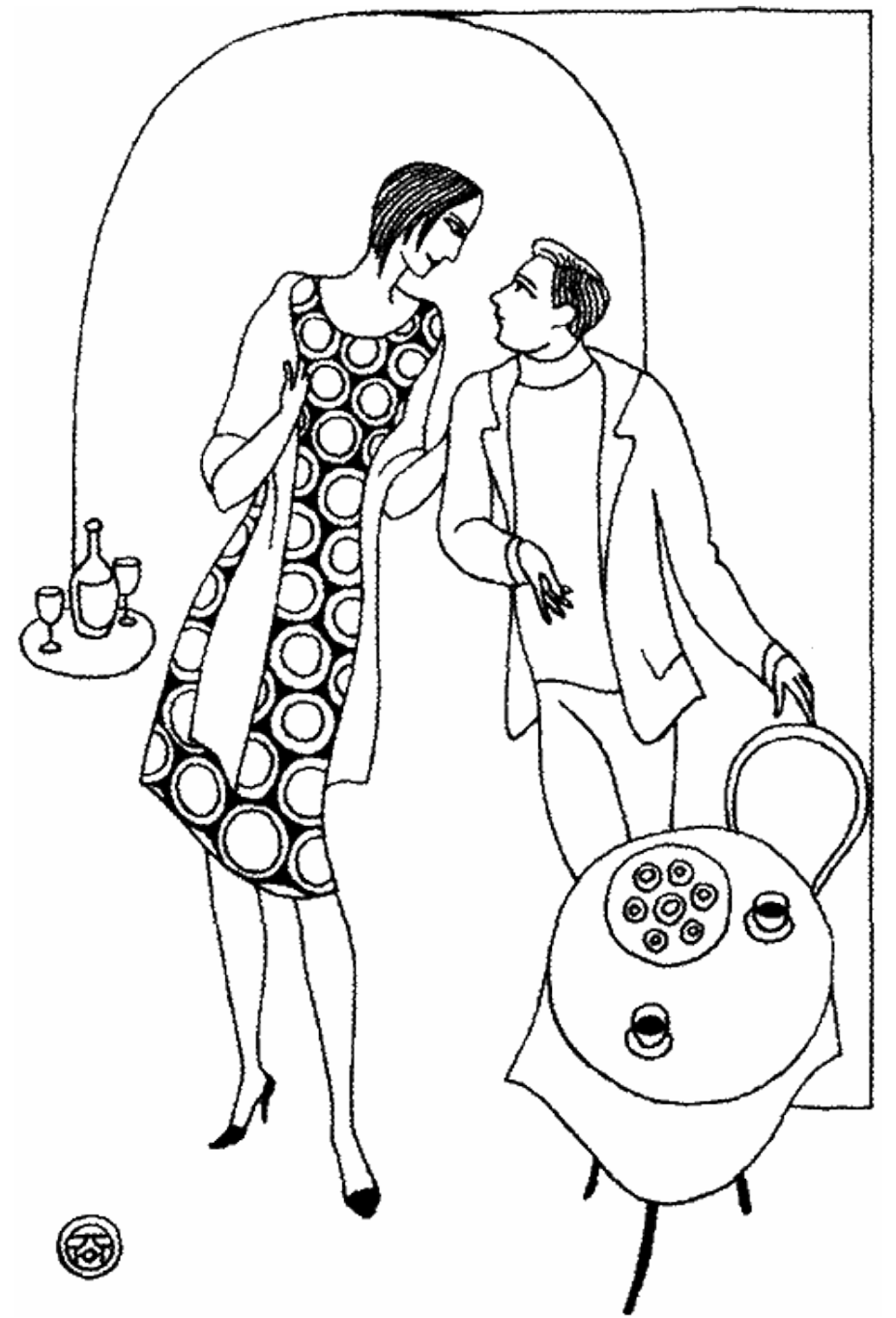
Четверть стакана мускатного вина
2 чайные ложки сахара

В 1732 году Иоганн Себастьян Бах написал кофейную кантату — юмористическую оду кофе и одновременно памфлет, утверждающий право женщин участвовать в потреблении нового, подозрительного с точки зрения бытующей морали, напитка. Лизхен, главная героиня кантаты, описывает предмет своего увлечения таким образом:

> … wie schmeckt der Coffee süße,
> Lieblicher als tausend Küsse,
> Milder als Muskatenwein.
>
> … как сладок кофе на вкус,
> Приятнее, чем тысяча поцелуев,
> мягче мускатного вина.

Но сегодня, в наш гораздо более просвещенный век, необходимость выбирать из двух уникальных напитков наиболее вкусный отпадает. Почему бы, наконец, не совместить кофе и вино друг с другом? Попробуем таким образом: кофе, вино и сахар хорошо взбить, так чтобы образовалась пена. Можно добавить щепотку протертой апельсиновой кожуры и корицы, подавать в охлажденных винных бокалах.

Евгения Горац



Придет ли она в пятницу?

Он всегда смотрел бокалы на свет: достаточно ли чисто вымыты, и если результат его удовлетворял, он наливал в них вино из бутылки, с которой предварительно вытирал пыль влажной бумажной салфеткой, так чтобы сантиметр до краев остался, всегда ровненько.

К ее приходу на маленьком журнальном столике, аккуратно застеленном чистой скатертью с вышитыми петушками, всегда стояло блюдо с бутербродами, тарелочка с подсоленными орешками и стеклянная ваза с фруктами.

А после ужина он варил кофе и вынимал из холодильника маленькие пирожные, купленные специально для очередного свидания.

Но в тот день кондитерская оказалась закрыта по случаю какого-то религиозного праздника, и он был крайне недоволен этим обстоятельством. Он уже привык к этим маленьким, очень пикантным пирожным и всегда покупал семь одинаковых. Он обычно съедал два, а она — три. Оставшиеся он доедал утром в одиночестве. Но покупать сладкое в другом, непривычном месте не рискнул.

Больше всего на свете он не любил отклонения от графика и нарушения планов. Нет, он понимал, что в этом переменчивом мире невозможно всегда жить по одному и тому же графику, но все же требовал, чтобы его заблаговременно предупреждали о малейших изменениях в событиях, в которые он был вовлечен, и его родственники, подчиненные и друзья знали об этом его пунктике. Впрочем, у него почти не было друзей.

С понедельника по пятницу он выходил из дому всегда в одно и то же время — ровно в 8.30. Всегда аккуратно подстрижен — волосок к волоску, гладко выбрит, в туфлях, начищенных до зеркального блеска.

Два раза в неделю, по понедельникам и четвергам, приходила домработница убирать его дом.

Раз в неделю, по воскресеньям, у него был родительский день: бывшая жена ровно в полдень привозила двенадцатилетнего сына, и, в зависимости от погоды, он шел с ним в парк или в кино, а после — в кафе. И ровно в шесть вечера подвозил мальчика к дому бывшей жены.

И два раза в неделю приходила она — любовница. Всегда по вторникам и пятницам. Они так договорились два года назад.

Ритуал был неизменным: в шесть вечера она подъезжала к его дому на такси. Он уже ждал ее у входа, расплачивался с таксистом, затем, галантно поддерживая ее под локоть, вел в

гостиную.

Дверь в ванную уже была приоткрыта: предполагалось, что она пойдет туда — освежиться после работы и вымыть руки перед ужином. В ванной она машинально протягивала руку и снимала не глядя чистое крахмальное полотенце, без единого пятнышка, приготовленное специально для нее, — оно всегда висело на одном и том же крюке.

Потом выходила к столу.

Он наливал вино, ставил тихую музыку, а после ужина варил кофе и приносил семь маленьких пирожных, которых сегодня не было.

Уже два года — всегда по графику, почти без сбоев, если не считать отпускного сезона, когда она уезжала отдыхать, но всегда предупреждала его об этом задолго до отъезда.

Из дома они не выходили: она не хотела, чтобы их кто-нибудь видел вместе. Она была замужем за каким-то неудачником, который вечно находился в творческом поиске и не мог нормально содержать семью.

А еще он подозревал, что она его немного стесняется. Она была выше его на десять сантиметров и моложе лет на двадцать.

Но в любом случае, все это его совершенно устраивало, он и не любил никуда выходить.

И все же самым важным ее достоинством была исключительная пунктуальность.

После кофе, где-то около семи вечера, — один и тот же ритуал: она раздевалась догола и укладывалась в постель, он присоединялся к ней, аккуратно развесив одежду на спинке стула. На восемь было заказано такси — она уезжала домой.

После ее ухода он обычно включал телевизор, просматривал газеты, которые сразу складывал на прикроватную тумбочку, когда приходил с работы, а потом шел спать, предварительно убрав со стола и вымыв посуду.

Он знал, что женщины любят, когда за ними ухаживают, их полагается угощать, развлекать и дарить подарки. Он даже заранее готовил несколько шуток и анекдотов специально для каждой встречи и всегда говорил ей несколько предварительно заготовленных комплиментов, — он не любил экспромтов ни в чем.

Он все делал правильно и как положено.

И все — по часам.

И очень аккуратно.

Так продолжалось уже почти два года, и так должно было продолжаться впредь.

И он не понял, почему именно сегодня, в этот вторник, она вдруг ударила кулаком по столу, отчего вино расплескалось по скатерти, а бокалы опрокинулись и со звоном покатились по полу. А потом она, оттолкнув его руку, вдруг выбежала из дома, надевая на ходу плащ.

Но это еще не все.

Во дворе его дома она вдруг остановилась, порылась в сумочке, вынула оттуда флакон с клеем и облила лобовое стекло его машины, а потом швырнула в стекло несколько горстей песка, видимо, для того чтоб испортить его окончательно.

Неужели она принесла клей специально, или он случайно оказался в ее сумочке?

Неужели ее так выбило из колеи отсутствие неизменных пирожных?

Придет ли она в пятницу?

Если не придет, то пусть хотя бы позвонит и предупредит.

Как приготовить те самые пирожные

Ингредиенты:

4,5 стакана молотых грецких или пеканских орехов
1 стакан какао-порошка
0,5 стакана сахарной пудры
2 чайные ложки растворимого кофе
1 столовая ложка горячей воды
1 стакан (не банка, там больше) сгущенного молока
ликер, коньяк, ваниль — по желанию

Внимание! Сухие ингредиенты — сахарную пудру и какао — можно варьировать по вкусу. Можно обойтись вообще без сахарной пудры, добавив больше какао, а можно уменьшить количество какао и добавить еще пудры.

Приготовление:

1. Смешать какао с молотыми орехами.
2. Растворить кофе в ложке горячей воды.
3. Вылить кофе в сгущенное молоко и размешать. Это самый красивый момент — кофейные разводы в сгущенном молоке. Насладитесь им прежде, чем все смешать.
4. Размешать все как следует.
5. Скатать шарики.
6. Обвалять их в сахарной пудре.

7. Выложить на плоский поднос или блюдо.

8. Поставить на час в холодильник.

9. Теперь можно есть.

Выход — примерно 45 штук, в зависимости от размера шариков.

Пирожные хороши и при комнатной температуре, но лучше хранить их в закрытой посуде в холодильнике, в каждом шарике — 80 калорий и всего 6 граммов сахара.

Юка Лещенко

Первый раз

— Ну что ты, маленький, — говорит и кладет ладонь на затылок, туда, где коротко, колюче и влажно. — Ты боишься?

— Нет, — отвечаю и комкаю плечи.

У него в рубашке, где пуговица ловит отражение солнца в отражении зеркала — уже на излете этого дня, — ключицы пахнут, как булочки из бабушкиных завтраков, корицей, что ли, и коричная же россыпь веснушек, вдыхаешь — и першит в сердце.

— Давай не будем торопиться, — говорит, — хочешь — посмотрим кино?

— Нет, — отвечаю.

Я не за этим пришла сюда, не за лишней петелькой времени, у меня дома мама сидит на кухне, вся оранжевая от лампы, как апельсинная корочка, вся встревоженная, как пограничный пес Джульбарс с Карацюпой, у нее Время Че через полчаса, у нее чайник кипит, и запотели стекла, за которыми солнце проваливается в Подмосковье, и у тапочек ее черепашьи плюшевые лица шевелятся и переступают, и потукивают по линолеуму, — мама волнуется, какое уж тут кино.

— Ты такая напряженная, — говорит.

— Нет, — отвечаю.

А он уже отвернулся и что-то такое делает рукой, кругами, кругами, и волны расходятся между лопаток, как от камешка — бросала в пруд длинными утрами, тревожила ручейников и водомерок, в тумане, теплом, как из-под одеяла, и дедушка низал перламутровых червяков на блескучие крючки, наливал из термоса в протянутую жестяную кружку с мятым боком — во вмятине тень на ощупь всегда казалась прохладной.

— Послушай, — говорит, — может, как-нибудь потом попробуем.

— Нет, — отвечаю.

Это у других бывает потом, а у меня невезение растет в животе, сразу за селезенкой. Зимой боялась крупитчатых, с ржавым налетом, тротуаров, жаловалась — болит, ой прямо не могу, и тянет, — папа пальпировал, хмурился, прищелкивал строгими пальцами и вытряхивал из постели, как крошку стряхивают с праздничной, раскрашенной винно-винегретными кляксами скатерти, — марш-марш в занозистые колготы, в шершавое картонное платье, в тяжелую шубу, такую неживую, что даже моль стеснялась надкусить.

— Знаешь, — говорит, — сначала может не понравиться. Но вообще-то, — говорит, — еще никто не уходил недовольным. А ты что, совсем никогда не пробовала?

— Нет, — отвечаю.

Что он так долго. Я думала, все будет быстро, у меня же мама

там и чайник, и сто тысяч пыльных родственников в альбомах, а я сижу тут на диване поджав ноги и тяну минуту за минутой, словно распускаю старый свитер на шерстяные бесполезные прядки. У меня от волнения мурашки на плечах и в горле перехватывает, как у щегла, взявшего вдруг несуществующую в мире ноту.

— Ну ладно, — говорит он. — Но ты точно уверена, что все-таки хочешь попробовать?

— Да, — отвечаю.

И тогда он ставит передо мной самую первую чашку кофе.

Кофе на розовой воде
(Рецепт от Макса Фрая)

Если вы желаете приохотить к разврату кофейной жизни невинное дитя лет тринадцати-четырнадцати от роду, нельзя выдумать ничего лучше, чем сварить кофе на розовой воде. Розовая вода смягчает, а то и вовсе убирает кофейную горечь, а младенцу того и надо.

Есть несколько способов приготовить розовую воду в домашних условиях. Например, бросить в прозрачную стеклянную банку несколько свежих цветков, только что сорванных в собственном или дружественном саду, на худой конец — в общественном парке. Розы, купленные в цветочном магазине, для нашей цели, как правило, не годятся.

Розы следует залить родниковой водой и на несколько часов (четыре — как минимум) поставить на солнце. Солнце — наиважнейшее условие, ночью или в пасмурную погоду у вас ничего не получится, только цветы изведете понапрасну, по той же причине посудина, в которой настаивается розовая вода, должна быть прозрачной.

Если у вас нет свежих цветов, но есть сушеные розовые бутоны из супермаркета — не беда. Из них тоже получается прекрасная розовая вода. Когда на улице темно или пасмурно, или у вас нет времени настаивать воду, можно просто бросить в джезву от трех до полудюжины таких бутонов — эффект будет слабее, но это лучше, чем ничего.

Если же у вас нет ни свежих, ни сушеных цветов, но есть розовый сироп (у нас, в Вильне, к примеру, он продается в некоторых чайных и кофейных лавках), это, как ни странно, отличный выход из положения. Три-

четыре чайные ложки такого сиропа на джезву дадут нужный эффект.

Внимание! Ни в коем случае не добавляйте в воду розовое масло. Это очень плохая идея. Поверьте мне на слово.

Кофе лучше брать африканский. Кения — идеальный вариант. Эфиопия, Зимбабве или Танзания — тоже неплохо. Молоть его следует непосредственно перед началом приготовления; впрочем, это правило актуально всегда.

Дальше все просто. Наливаем в джезву розовую воду. Или обычную родниковую воду — в этом случае нужно добавить сушеные бутоны или розовый сироп, кладем свежесмолотый кофе — на этот раз мы кладем его в воду, а не в пустую джезву, потому что горечь от дополнительного обжаривания нам сейчас совершенно не нужна. Можно добавить в кофе маленькую щепотку кардамона, мускатного цвета и корицы, но увлекаться специями не следует — ребенок не оценит.

Варим кофе (желательно, на медленном огне) до появления густой пены, снимаем с огня, размешиваем, на несколько секунд возвращаем на огонь, снова снимаем и размешиваем; если хватит терпения, можно повторить эту процедуру еще три-четыре раза, пусть ребенок зачарованно следит за ритуалом. В готовый кофе можно добавить ложку холодной воды, тогда бóльшая часть гущи окажется на дне. А еще лучше — надеть варежку-прихватку и несколько минут ритмично стучать по донышку джезвы — результат примерно тот же, зато юный свидетель процесса будет окончательно сражен и очарован.

И обязательно дайте ребенку коричневого тростникового сахара, пусть кладет его себе в чашку сколько захочет. Но никакого молока! Мало того что молоко скверно сочетается со вкусом кофе, сваренного на розовой воде, оно еще и свернуться может от такого обращения.

От зерна

Жила на свете одна женщина, которой тоже очень хотелось ребеночка, — от ребеночков, она знала из классической литературы, бывают радости первого зуба, вымытой нежной пятки, агуканья и кряхтенья, сладких запахов и последнего

стакана воды на пороге вечности. И эта женщина пошла к старой колдунье. Колдунья оказалась так себе — в ситцевом халате и носочках, и главное, не страшная совсем, не вызывающая доверия колдунья. Но других все равно не было, потому что их Министерство здравоохранения отменило указом за несоблюдение норм санитарной гигиены — то ли зелья у них некондиционные были, то ли травки они плохо проветривали, не важно.

— Дайте мне, пожалуйста, ячменное зерно, из которого вырастает прекрасный цветок, вроде тюльпана, с девочкой внутри, — попросила эта женщина, сама, между прочим, агротехник со стажем.

Колдунья долго рылась в холодильнике и шуршала по целлофановым пакетикам, и даже в корешки словарей заглядывала — но там были только снулые тараканы и книжные моли. И ни одного ячменного зернышка. Ни даже конопляного.

Женщина очень огорчилась, прямо расплакалась — она уже купила памперсы и кубики Зайцева для раннего развития младенца. И колдунья ее пожалела. Она забралась пальцами в карман — а это был абсолютно волшебный карман, только сильно замусоренный, — и достала коричневое зерно.

— На вот, — сказала колдунья, — это кофейный боб. Посади в горшочек и увидишь, что будет.

— Но я ведь хотела девочку, крошечную девочку, — плакала дальше эта женщина. — А вы мне что даете, боб какой-то несимпатичный…

— Ой, ладно, — сказала колдунья. — От этих крошечных девочек одни неприятности — то жуки их крадут, то кроты. Сплошные, в общем, перверсии, а потом она выскочит замуж за эльфа, и как начнет вся эта крылатая родня в гости летать — намаешься. Мельтешат, мельтешат, пыльца с них сыплется, и свет при них не включишь — ожоги, муки, неотложка без полиса не едет. И потом, окукливаются они как-то не очень, не эстетично как-то… Берешь боб?

И женщина взяла боб, принесла домой и закопала в кокосовом субстрате — очень полезная штука, и питательная. И через несколько дней выпростался росток, потом зацвел, завязалась ягода, к осени вызрела, лопнула, и из нее вылущился смуглый такой, курчавый мальчик — прямо скажем, негритенок.

Дальше у них все прекрасно было — мальчика всего три раза крали, но быстро возвращали, потому что жениться на нем никому не хотелось, у него был трудный характер. А потом они с этой женщиной, его мамой, уехали в Африку, и он стал королем пигмеев — он там оказался самым маленьким и ему оказали

доверие, а эту женщину тоже очень уважали и политкорректно называли «альтернативно темнокожей». От мальчика народилось много других кофейных бобов, и он с мамой насадил целую кофейную плантацию, к ним даже из Гренландии недавно приезжали перенимать опыт — ну, в свете глобального потепления.

А колдунья теперь работает баристой в одном уютном заведении. Ей, правда, пришлось поменять ситцевый халат на унисекс-форму, но носочки и волшебный карман остались при ней. Так что, если вам тоже нужно ребеночка, обращайтесь. Только ячменем не берите — бесперспективно.

Кофе по-могилевски

Большая джезва нагревается на плите, на ее горячее донышко высыпается шесть чайных ложечек кофе, шесть чайных ложечек сахара, молотая гвоздика — на кончике чайной ложечки, добавляются шесть чайных ложечек коньяка типа «Дагестанский», и вся эта смесь заливается холодным молоком. Как только появится первая пенка, джезва снимается с огня, и содержимое разливается по чашкам.

Н. Крайнер

Фотография

— Нет, на эту стенку!

— Нет, на ту!

— На той не видно, если заходишь.

— А ее и не должно быть видно. Ее надо найти!

— Нет, Она должна находить всех сама.

Сейчас поссоримся окончательно, разойдемся дуться по разным комнатам. Точнее, я уйду в спальню, а он пойдет на кухню. И это нечестно, потому что там он сможет курить, а мне остается если только обиженно сопеть в подушку. Мы скребли по всем мыслимым и немыслимым сусекам, чтобы снять двушку, как раз для таких случаев. А повод, как всегда, ерундовый — картинка. Фотка, украденная накануне из клуба. Тырили вместе, между прочим, я отвлекала охранника, а он запихивал фотографию под куртку. А теперь, а теперь вот что. Это совместная жизнь, бубнят, вечный поиск компромиссов.

Он стоит у своей стены, смотрит на меня носорогом без всякого желания уступить слабому полу. Фотка лежит на столе между нами, как пресловутый меч.

Ежедневный поиск общих решений: кто варит кофе, кто выносит мусор, кто моет плиту после того, как кофе убежит? Кто объяснит кошке, что свежекупленный диван — хреновая когтеточка. А все почему? Потому что мы не признаем кофе-машины, не успеваем ловить кофе, не любим ругать нашу кошку. Это все наше общее, на двоих. И фотография, если вдуматься, тоже. Я подпираю свою стенку, смотрю на стол. Там, рядом с фотографией, лежит пачка сигарет. Кто первый добежит и схватит, тот пойдет обижаться на кухню. Он перехватывает мой взгляд. Мне до стола три шага, ему пять, но он шустрее, я знаю, он и кофе ловит раза в полтора чаще.

— На эту стенку, — говорю я, надеясь отвлечь его внимание, даже стучу по стене, для наглядности. Он мотает головой, но продолжает смотреть на стол. Интересно, а сколько у нас зажигалок и где они. Постоянно теряются. Мы уже при каждом походе в магазин покупаем десяток, а все равно теряются. Он хлопает себя по карманам, я делаю то же самое. Кажется, в заднем кармане лежит раздавленный коробок спичек из того самого клуба. Главное, чтобы он не понял, у него-то голяк, судя по всему. Хотя, может, на кухне что завалялось. Я делаю полшага вперед.

— Глупый повод для ссоры, — говорит он. Ага, ну точно, не нашел он зажигалку.

— Да, но не хуже всех прочих. — Еще полшага. Он напрягся, готовится к решительному рывку, видимо.

Я замираю.

— Мы можем пойти и сделать копию.

— Глупо будет смотреться. — Я смотрю на его левое ухо. Серьга, которую я ему подарила на день рождения. Обычное колечко, но я помню, как он обрадовался. Он теребит себя за ухо. Может, из благородства уступит? Нет, две секунды и снова та же поза, и даже руку вперед протянул. Я делаю еще полшага. Он кидается вперед.

С кухни доносится какое-то шипение.

— Что это? — спрашивает он.

— Кофе, очевидно.

— Я мою плиту. — Он хватает сигареты и убегает на кухню.

Я задумчиво смотрю на фотографию. Концерт, фигура музыканта, белый слайд, на нем надпись: «Жизнь — это череда удивительных событий, которые мы ошибочно делим на удачи и неудачи».

— Тогда я выношу мусор, — кричу я ему вслед и тоже иду на кухню. — А еще у меня есть спички.

Кофе с молоком

В джезву наливается молоко с водой, в пропорции один к двум. Туда же выливается мед, тут по вкусу, мне половины чайной ложки хватает. Мед должен быть жидкий. Если засахарился, можно в ложку и над огнем чуть-чуть подержать, потом две ложки кофе (с горкой, еще лучше — с холмиком). Сверху бросается щепотка корицы. Еще щепотку корицы можно бросить в огонь, на котором все это дело будет готовиться, чтобы огонь знал, чего дальше делать. При варке кофе лучше всего помешивать, а когда он соберется убегать, дать ему еще щепотку корицы, чтобы успокоить.

Обязательно, наверное, может быть

Эспрессо — это жизнь. Горчит, но бодрит. Первый глоток может показаться невкусным, но, допив чашку, всегда захочешь еще одну. А на еще одну чаще всего не хватает времени.

Она делает что-то за стойкой. Варит, наливает, смешивает. У нее волосы цвета марокканских апельсинов и дурацкая стрижка. Я хожу в эту кофейню смотреть на нее, и только сегодня, два месяца спустя, решился заговорить. Спросил, что она порекомендует.

Капучино — это влюбленность. Сначала терпко, потом сладко и легко, а на поверку — все та же жизнь. Но моменты, когда сладко и терпко, — самые лучшие. Кстати, всегда можно просто съесть пенку и не пить, но это мало кому приходит в голову. Видимо, дело все-таки в сочетании.

Она улыбается, ставит на стойку еще две чашки. Маленькая кофейня в центре города, где все давно знают друг, друга по именам. Я здесь чужой. Уже два месяца.

Латте… латте — это мечты, эспрессо, разбавленный молоком надежды, и пенка, помните, да? Та самая пенка, которая бывает в капучино. Но нет корицы, нет той терпкости, которая позволяет прочувствовать момент. Честно говоря, не люблю латте. Но многим нравится.

Не знаю, многим ли она рассказывает все это. Не уверен, что хочу знать. Мне нравится звук ее голоса, ее неторопливые, но четкие движения, нравится запах кофе и корицы. Я слушаю и курю. Этого мне вполне достаточно.

Еще есть мокко — кофе с горячим шоколадом. Мокко — это меланхолия. Густая и тягучая. Но даже в мокко есть молоко. И сладость, та, которую не найдешь в эспрессо, например. Ее и чувствуешь не сразу, и каждый раз не очень понимаешь, почему заказал именно его. Только потом вспоминаешь, в тот самый момент, когда становится сладко.

Кажется, именно его она сейчас и готовит. Кофе — напиток богов и моих бывших жен. Они обожали кофе, куда больше, чем меня, как мне всегда казалось. Наверное, я начинаю понимать — почему.

Айриш, кофе по-ирландски… страсть. Где-то там, на самом дне, обжигающий алкоголь. Можно перемешать, тогда он практически не чувствуется, если кофе приготовлен правильно, конечно. Но он там все равно есть, и все равно неизбежно пьянеешь. Кстати да, хуже плохого эспрессо может быть только плохой айриш.

Я не влюблен. Я заворожен, заворожен этим местом и этой женщиной, уже не очень молодой, но именно поэтому бесконечно прекрасной. В каждом ее слове — все то, что с ней уже случилось, в каждом взгляде из тех, что она иногда бросает в мою

сторону, — все то, что еще может случиться.

И ристретто. Ристретто — это смерть. Это когда вся жизнь — одним глотком. Выпиваешь, просишь счет и уходишь. Обычно так.

— А любовь? Настоящая любовь?

Боже, какой идиотский вопрос. Она улыбается, вежливо. Видимо, об этом ее тоже уже спрашивали.

— Настоящая любовь — это кофе, который варишь дома с утра. Свежемолотый, желательно вручную. С корицей, мускатным орехом и кардамоном. Кофе, рядом с которым надо стоять, чтобы не убежал, иначе безнадежно испортится вкус. Надо проследить, чтобы он поднялся три раза, потом налить ложку холодной воды в джезву, подождать пару минут, чтобы осела гуща. Кофе, который наливаешь в старую любимую чашку и пьешь, чувствуя каждый глоток, каждый день. Наслаждаясь каждым глотком.

— Значит, тут мне его не попробовать?

— Тут — нет.

— Тогда чай, пожалуйста. Зеленый.

Я получаю чашку чая и на блюдце — салфетку с номером телефона. Пью чай, плачу и выхожу на улицу. Иду к метро, улыбаюсь как дурак. Когда-нибудь я обязательно позвоню. Когда-нибудь, когда допью открытую на днях огромную банку растворимого «Нескафе». Когда-нибудь я обязательно, наверное, может быть, позвоню.

Утренний кофе

Этот кофе рекомендуется для утреннего употребления. Если точнее, для первого получаса после расставания с любимым одеялом. Для повышения настроения и желания жить.

Берется один ломтик лимона и две дольки апельсина. Если любите сладкое, можно апельсин заменить на мандарин. Сок из всех цитрусовых выдавливается в джезву, после этого в джезву насыпается кофе, две ложки (на этот раз без горки). Джезву следует оставить в покое на две минуты, чтобы сок с кофе познакомились и поняли, что делать дальше. Через две минуты в джезву заливается вода, вся композиция ставится на огонь и стоит там до полной готовности.

Маленькая рекомендация: лучше не использовать ароматизированные сорта кофе, будет горчить.

Кофе получается легкий-легкий, пить его нужно с очень маленькими пирожными, в состав которых входит безе или птичье молоко.

Сказка про кофейную тетушку

Жила-была когда-то, не так чтобы очень давно, кисейная барышня. Ничем от прочих кисейных барышень не отличавшаяся. По утрам она совершала променады, днем вышивала крестиком, а вечером встречалась с многочисленными поклонниками и принимала от них всяческие знаки внимания. И, как всякая порядочная кисейная барышня, раздумывала над тем, чье предложение в конечном счете принять. Особо торопиться она, впрочем, не хотела, ей были слишком дороги утренние променады и дневные вышивания. Да и знаков внимания тем больше, чем большее количество поклонников их оказывает, это совершенно понятно.

А потом случились сразу две вещи, которые перекувырнули всю судьбу кисейной барышни. Во-первых, ее сестра, точно такая же кисейная барышня, родила сына, которого назвали Янушем, а во-вторых, один из поклонников, не самый настойчивый, но практически самый из них приятный, привез кисейной барышне из Бразилии странных коричневых зерен и потом, в укромном уголке сада, долго рассказывал, что именно и как с ними нужно делать. Само собой разумеется, после того вечера он больше не появлялся, как и полагается всякому судьбоносному существу. На следующее утро, перед привычным променадом, барышня совершила все те загадочные манипуляции, о которых ей рассказывал поклонник. Осторожно принюхавшись к дымящейся чашке, барышня неожиданно поняла, что влюбилась. Причем не просто так, а на всю оставшуюся жизнь. И да, разумеется, в напиток из странных зерен. Выпив первую в своей жизни чашку кофе, кисейная барышня тут же превратилась в кофейную тетушку и весь остаток жизни доживала уже в этом качестве. Как она сама потом рассказывала, это качество ей нравилось куда больше предыдущего.

Став кофейной тетушкой, барышня перестала вышивать крестиком, гулять начала по вечерам, а о поклонниках забыла совсем. Тем более что свою роль в ее жизни они все равно уже отыграли. Еще кофейная тетушка обнаружила что с чашкой кофе в руке куда интереснее читать всякие разные книги, которые она раньше считала скучными (то есть не про любовь). Сначала

кофейная тетушка пыталась привить любовь к кофе всем своим родственникам, но у них в жизни совершенно ничего судьбоносного не случалось, поэтому они ее просто не понимали. Только мальчик Януш, племянник кофейной тетушки, когда подрос, составлял ей компанию. Он, правда, пил кофе со сливками и с пятью кусочками сахара, но тетушка его за это прощала, хотя бы потому, что он был единственным, кто с ней разговаривал.

Дело в том, что со временем, когда количество выпитых чашек кофе перевалило за вторую сотню, кофейная тетушка, неожиданно для себя самой, стала рассказывать всем очень странные вещи. Про какие-то далекие страны вроде той же самой Бразилии, про каких-то очень странных людей, которые предпочитали жить и умирать в приятном одиночестве, и даже про несуществующих зверей с людскими головами и туловищами дикобразов. Когда такой зверь встречается человеку, он всегда просит его рассказать сказку, и если человечья сказка зверю понравится, подарит он человеку то, что нужно больше всего, но не ему самому, а человеку через одного. Зверь с туловищем дикобраза считает, что так намного интереснее.

Родственники и друзья считали кофейную тетушку сумасшедшей, впрочем, ее это мало волновало. Мальчик Януш чем старше становился, тем чаще убегал к своей тетушке, чтобы выпить с ней по чашечке кофе, поговорить и покурить трубку. Родственники этого, разумеется, не одобрили бы, а тетушка сама дарила Янушу на день рождения разные вкусные табаки, не рассказывая, откуда они у нее берутся.

А потом Януш влюбился. В кисейную барышню, разумеется, тогда все прочие экземпляры, куда более интересные, еще не получили широкого распространения. И когда он рассказал об этом своей тетушке, она посоветовала ему поехать в Бразилию и поискать там зверя с человеческим лицом и туловищем дикобраза. Чтобы тот подарил ему что-нибудь для его возлюбленной.

И Януш уехал, на долгие десять лет. Из Бразилии он слал своей тетушке открытки, в которых говорил, что у него все хорошо и что он все еще ищет этого самого загадочного зверя. Ему уже даже рассказали, где такие звери водятся. Тетушка улыбалась и использовала открытки в качестве подставок для кофе. Однажды, прочитав очередную открытку, тетушка улыбнулась особенно загадочно и на следующий день умерла. То есть все решили, что она умерла. А что с ней на самом деле случилось, никто не знает, потому что родственники, придя к ней, нашли только большой мешок с кофе и записку, в которой

говорилось, что этот мешок надо передать Янушу, когда он вернется из Бразилии.

И когда Януш вернулся из Бразилии с женой, у которой волосы на голове топорщились, как иглы дикобраза, родственники вручили ему мешок и рассказали об исчезновении тетушки. Януш с женой переглянулись, пошли в старый дом кофейной тетушки и выпили там в полночь по чашечке кофе, не произнеся при этом ни слова. С тех самых пор кофейная тетушка (невидимая, как и полагается всякому уважающему себя призраку) бродит по всем кофейням этого мира и иногда, если вы ей сильно понравитесь, дует на ваш кофе, чтобы он побыстрее остыл.

Летний кофе

Варится вполне себе обычный кофе, в джезве. Пока он варится, берем яблоко, желательно зеленое, желательно кислое. Что-нибудь нового урожая, вроде белого налива. Впрочем, зеленая, генетически модифицированная гадость тоже подойдет.

От яблока надо отрезать пару кусочков; желательно, чтобы они помещались в чашку, из которой вы собираетесь пить кофе. Кусочки эти следует нарезать «ежиком», то есть вдоль и поперек, но с сохранением целостности конструкции. Нарезав, кладем их в чашку. Сверху наливаем кофе, который к этому моменту уже наверняка сварился.

Рекомендуется подождать несколько минут, а затем засыпать полученный кофе льдом в больших количествах.

Очень хорошо его пить, когда вдруг оказывается, что уже четыре часа дня, а за окном жарко, а в голове масса глупостей, мешающих Главному. После выпивания кофе глупости исчезают, Главное остается.

Андрей Сен-Сеньков

23 глотка

Слова — это жарко или холодно?

Жак Деррида

Кофе? —
это видеозапись снегопада в раю
Кофе? —
это слипшиеся клавиши рояля
Кофе? —
это лопнувшая бледность
Кофе? —
это заплетенный в косичку зрачок
Кофе? —
это варенье из джазовых пластинок
Кофе? —
это водопад изнутри
Кофе? —
это свет, который можно размешивать ложечкой
Кофе? —
это монолог одного из многих пятнышек луны
Кофе? —
это начинка упавшего в лужу дождя
Кофе? —
это архипелаг причудливости
Кофе? —
это застывший эпизод негритянской скульптуры
Кофе? —
это воспаленное молочное язычество
Кофе? —
это врата восприятия ночного пейзажа
Кофе? —
это оркестровая ямка с тишиной озарения
Кофе? —
это лоскуток укороченного головокружения
Кофе? —
это немой вымысел радуги
Кофе? —
это гигантская веснушка
Кофе? —
это мокнущая полночь ручья
Кофе? —

это холмик, из горькой влаги октября
Кофе? —
это захлебнувшийся голос брюнетки
Кофе? —
это заштопанный огонек
Кофе? —
это морщинка многоточия
Кофе? —
это полуденный сон сдобного фавна

Рецепт покупки капучино в кофейном автомате

Четыре круглые серебристых рыбки ныряют в монетчиковую дырочку. Стучат будущими кофейными позвоночниками. В пластмассовый желудочек стакана небольно втыкается белое копье сахара. Потом слышен коричневый водопад московской бразилии. На поверхности — пенка для купания губ. Монахи-капуцины бесплатно улыбаются из прошлого.

art

Художественное оформление книги

Обложка

МАКС ФРАЙ + АМФОРА = **ФРАМ**

Однажды Маруся Вуль, о чьем искусстве варить кофе слагают легенды в обеих российских столицах, спросила меня: а почему до сих пор нет сборника рассказов про кофе? Неужели в голову не приходило? Что касается моей головы, то в нее это приходило не раз, но мне почему-то казалось, на свете уже давным-давно существует великое множество «кофейных книг» с рецептами и без — идея-то очевидная. Однако людей, которые умеют варить хороший кофе, надо слушаться. От регулярных манипуляций с джезвой в организме вырабатывается мудрость, недоступная рядовым пользователям эспрессо-машин. Вот и на сей раз оказалось, что Маруся Вуль была совершенно права. Никто никогда не издавал сборника рассказов про кофе, тем более — с авторскими рецептами приготовления этого инфернального напитка и полезными советами пострадавшим от неосторожного обращения с ним. Поэтому нам пришлось это сделать, а вам теперь придется читать, а потом варить кофе по нашим рецептам и пробовать его, — и знали бы вы, как я вам завидую.

Макс Фрай

366 книжный клуб

www.amphora.ru

9 785367 008432

ISBN 978-5-367-00843-2

Рисунки на обложке Людмилы Милько

издательство амфора

Однажды Маруся Вуль, о чьем искусстве варить кофе слагают легенды в обеих российских столицах, спросила меня: а почему до сих пор нет сборника рассказов про кофе? Неужели в голову не приходило? Что касается моей головы, то в нее это приходило не раз, но мне почему-то казалось, на свете уже давным-давно существует великое множество «кофейных книг» с рецептами и без — идея-то очевидная. Однако людей, которые умеют варить хороший кофе, надо слушаться. От регулярных манипуляций с джезвой в организме вырабатывается мудрость, недоступная рядовым пользователям эспрессо-машин. Вот и на сей раз оказалось, что Маруся Вуль была совершенно права. Никто никогда не издавал сборника рассказов про кофе, тем более — с авторскими рецептами приготовления этого инфернального напитка и полезными советами пострадавшим от неосторожного обращения с ним. Поэтому нам пришлось это сделать, а вам теперь придется читать, а потом варить кофе по нашим рецептам и пробовать его, — и знали бы вы, как я вам завидую.

Макс Фрай

notes

Примечания

1

Bavaroise — горячий напиток на основе чая или сиропа (capilé), который подается в подогретых бокалах. Не путать с bavarois — замороженными пудингами.

2

Узнай свою судьбу: Сонник, гадания, предсказания / Под общей редакцией П.-Р.О'Рок. М., 2000.

З

Благодарю вас (франц.).

4

Деревней в городе Нью-Йорке называют район Гринвич Виллидж (Greenwich Village), место обитания артистов, художников и музыкантов. Парк, описанный в рассказе, действительно существует вблизи Трентона, Нью-Джерси, и называется Grounds for Sculpture.

5

Греческий кофе или «Nescafe» (растворимый)?

6

Ничего, спасибо.

7

Кофе по-гречески, пожалуйста.

8

Греческий кофе очень крепкий. Очень крепкий. Я пью «Nescafe».

9

Кофе по-гречески.

10

Как долго?

11

Три дня.

12

Жена. Тридцать девять лет. Три — девять!

13

Слишком долго!

14

Как вы познакомились?

15

Мне было восемнадцать, один — восемь.

Да, но как? Что вы делали?

17

Я поехал учиться на Крит, а она там жила…

Очень вкусно. Сделано здесь.

19

Нравится?

Да, да, очень. Спасибо.

21

Добрый день! Как дела?

22

Вы есть козлы?

23

Где вы живете, есть козлы?

24

Идемте, давайте попробуем раки!

25

Сегодня мы празднуем. Наша дочь приезжает в шесть часов провести отпуск.

26

Я не знаю, почему ей захотелось отпуска. Молодежь! Сейчас занятое время. Много работы.